

№ 1(40)
2018

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ПРАКТИКА

Редакционный совет:

- Б. Б. Булатов** (Омская академия МВД России)
С. В. Марковиченко (Следственное управление Следственного комитета Российской Федерации по Омской области)
А. П. Спиридонов (Прокуратура Омской области)
В. А. Ярковой (Омский областной суд)

Редакционная коллегия:

- А. Н. Артамонов** — заместитель главного редактора (Омская академия МВД России)
Л. Н. Аксенова (Следственное управление УМВД России по Омской области)
М. В. Бавсун — главный редактор (Омская академия МВД России)
А. М. Баранов (Омская академия МВД России)
О. И. Бекетов (Омская академия МВД России)
В. Н. Борков (Омская академия МВД России)
В. В. Кальницкий (Омская академия МВД России)
Г. В. Короткова (Отдел организации дознания УМВД России по Омской области)
Д. В. Куряхов (Прокуратура Омской области)
А. А. Нечепуренко (Омская академия МВД России)
П. В. Седельников — ответственный секретарь (Омская академия МВД России)
К. В. Храпцов (Арбитражный суд Омской области)
В. А. Шевченко — заместитель главного редактора (Прокуратура Омской области)

Редактор О. В. Арефьева
Корректор Л. И. Замулло

Компьютерная верстка Н. М. Серова

Адрес издателя, редакции и группы полиграфической и оперативной печати: Россия, 644092, г. Омск, пр-т Комарова, 7, ОМА МВД России.
Тел.: (3812) 75-13-04, 75-14-97

Цена свободная.

Выход в свет 25.06.2018. Тираж 150 экз.
Уч.-изд. л. 8,0. Усл. печ. л. 8,4. Заказ № 113.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна
© Омская академия МВД России, 2018

В НОМЕРЕ

Новое в законодательстве

- *Седельников П. В., Куряхова Т. В., Бескембиров Р. А.* Новое в продлении срока домашнего ареста и срока содержания под стражей 2

В помощь следователю (дознавателю)

- *Сысенко А. Р., Богданов Р. В.* Особенности тактики осмотра места происшествия при расследовании грабежей, совершаемых на открытой местности 11
- *Миринова Г. Н.* Уголовно-правовая характеристика мелкого коммерческого подкупа (ст. 204² УК РФ) 15
- *Табакос С. А.* Производство предварительной проверки и дознания по факту мелкого коммерческого подкупа 18
- *Чемерилова Е. Н.* Особенности передачи похищенного транспортного средства на территорию Российской Федерации 24

Комментарий специалиста

- *Ефремова Н. П.* Изложение доказательств в обвинительном заключении 26
- *Седельников П. В.* Участие защитника в следственных действиях, производимых по его ходатайству 32
- *Ларин Е. Г., Павлов А. В.* Новые правила отмены постановления о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) по реабилитирующим основаниям ... 37

Научные консультации

- *Бавсун М. В., Карпов К. Н.* Квалификация преступлений при неудавшемся соучастии . 41
- *Судницын А. Б.* Тяжесть обвинения (подозрения) и возможность назначения наказания в виде лишения свободы на длительный срок как фактические данные, подтверждающие основание избрания меры пресечения в виде заключения под стражу на первоначальном этапе расследования 46

Обсуждаем проблему

- *Куряхова Т. В.* Особенности продления предельного срока содержания под стражей по возвращенному судом уголовному делу 51
- *Абрамова Л. Л.* К проблеме возбуждения уголовных дел о преступлениях, связанных с незаконным оборотом «неподконтрольных» наркотических средств 55

Спрашивают – отвечаем

- *Борков В. Н., Карпов К. Н.* Квалификация хищения средств для оплаты командировочных расходов 61

В помощь изучающим уголовный процесс

- *Кальницкий В. В.* Соотношение уголовного досудебного и судебного производства как учебная проблема 63

Памяти **А. П. Гуляева** 68

Сведения об авторах 69

Информация для авторов 72

УДК 343.13

П. В. СЕДЕЛЬНИКОВ, Т. В. КУРЯХОВА, Р. А. БЕСКЕМБИРОВ**Новое в продлении срока домашнего ареста и срока содержания под стражей**

Предметом статьи являются изменения и дополнения, внесенные в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в феврале 2018 г., касающиеся уточнения оснований и порядка продления срока домашнего ареста и срока содержания под стражей. Отмечается, что законодателем были исправлены существующие пробелы правового регулирования, а также введены абсолютно новые законоположения, ранее неизвестные отечественному уголовно-процессуальному законодательству.

Ключевые слова: срок домашнего ареста; срок содержания под стражей; мера пресечения; прокурор; следователь; дознаватель; ходатайство о продлении; предельные сроки.

Федеральным законом от 19 февраля 2018 г. № 27-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части урегулирования пределов срока содержания под стражей на досудебной стадии уголовного судопроизводства» в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее — УПК РФ) были внесены новеллы в правовое регулирование некоторых случаев продления срока домашнего ареста и содержания под стражей в ходе досудебного производства¹.

При избрании домашнего ареста, заключения под стражу в качестве меры пресечения подозреваемый, обвиняемый лишается свободы передвижения, общения, выбора места жительства и др. В связи с этим законодатель стремится подробно регламентировать порядок их избрания и продления сроков. Предусмотреть все изначально очень сложно и даже невозможно, поэтому практика правоприменения УПК РФ постоянно выявляет его пробельность, недосказанность или альтернативность толкования его правовых норм, что в целом негативно отражается на реализации уголовно-процессуальных отношений. Поэтому названный Федеральный закон, призванный устранить выявленные практикой упущения, следует расценивать положительно.

Однако вызывает сожаление, что некоторые новые правовые предписания изложены несистемно, непоследовательно, логически противоречиво. Это привело к тому, что вариативность толкования норм права не только не была устранена, но в ряде случаев только усилилась. Поэтому, комментируя указанный Федеральный закон, авторы осознают, что высказанные ими рекомендации не являются единственно возможными. Допустимо, что практика правоприменения пойдет по другому (альтернативному) пути. В то же время хотелось бы отметить, что изложенные авторами позиции основаны на действующем законодательстве, не противоречат ему, а следовательно, могут быть положены в основу правоприменительной практики.

Рассмотрим каждое нововведение отдельно и более внимательно.

Произошло разделение срока содержания под стражей, а автоматически и срока домашнего ареста, в период досудебного производства на два вида. Согласно новой редакции ч. 9 ст. 109 УПК РФ данный срок разбит на:

- 1) срок домашнего ареста и срок содержания под стражей в период предварительного расследования;
- 2) срок домашнего ареста и срок содержания под стражей в период рассмотрения уголовного дела прокурором до принятия им одного из решений, предусмотренных ч. 1 ст. 221, ч. 1 ст. 226, ч. 1 ст. 226⁸ и ч. 5 ст. 439 УПК РФ.

Данное разделение имеет принципиальное значение для правильного исчисления срока домашнего ареста и срока содержания под стражей в досудебном производстве.

Во-первых, при исчислении продолжительности срока домашнего ареста и срока содержания под стражей в период предварительного расследования следует учитывать, что:

— при первоначальном избрании домашнего ареста или заключения под стражу устанавливаемый судом срок предназначен именно для целей предварительного расследования и не может превышать 2 месяцев (об этом прямо говорится в ч. 1 ст. 109 УПК РФ. А части 2 и 3 данной статьи устанавливают основания и порядок продления срока анализируемых мер пресечения для целей предварительного расследования);

— срок исчисляется с момента избрания меры пресечения судом до направления уголовного дела прокурору с обвинительным заключением, обвинительным актом, обвинительным постановлением или постановлением о направлении уголовного дела в суд для применения принудительной меры медицинского характера. В этот же срок засчитывается время ограничения свободы передвижения лица в случаях, предусмотренных ч. 10 ст. 109 УПК РФ.

¹ В связи с этим следует подвергнуть критике название Федерального закона, в котором никак не упоминается такая мера пресечения, как домашний арест.

— продолжительность срока ограничена предельными сроками для данных мер пресечения в шесть, двенадцать и восемнадцать месяцев (в зависимости от тяжести преступления), установленных чч. 2 и 3 ст. 109 УПК РФ. Превышение данных предельных сроков для «нужд» предварительного расследования недопустимо. Исключением являются случаи, предусмотренные:

а) п. 1 ч. 8 ст. 109 УПК РФ — в целях окончания ознакомления обвиняемого и его защитника с материалами уголовного дела, для реализации данными участниками своего права, закрепленного в подпункте «b» п. 3 ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод²;

б) ч. 11 ст. 109 УПК РФ — при необходимости производства предварительного расследования в случае истечения предельного срока меры пресечения в момент содержания лица под стражей на территории иностранного государства по запросу об оказании правовой помощи или о выдаче его Российской Федерации в соответствии со ст. 460 УПК РФ [1, с. 40];

в) при возвращении уголовного дела судом прокурору для устранения препятствий к его рассмотрению в судебном заседании³.

Во-вторых, при исчислении срока домашнего ареста и срока содержания под стражей в период рассмотрения уголовного дела прокурором до принятия им одного из решений, предусмотренных ч. 1 ст. 221, ч. 1 ст. 226, ч. 1 ст. 226⁸ и ч. 5 ст. 439 УПК РФ, следует учитывать, что:

— течение данного срока начинается с момента поступления уголовного дела прокурору с обвинительным заключением, обвинительным актом, обвинительным постановлением или постановлением о направлении уголовного дела в суд для применения принудительной меры медицинского характера и завершается в момент передачи уголовного дела в суд или возвращения следователю, дознавателю для производства дополнительного расследования или пересоставления итогового документа;

— поступление уголовного дела прокурору прерывает течение срока домашнего ареста и срока содержания под стражей в период предварительного расследования. А это означает, что при возвращении уголовного дела прокурором следователю, дознавателю для производства дополнительного расследования или пересоставления итогового документа дальнейшее продление срока меры пресечения должно происходить без учета времени нахождения уголовного

дела у прокурора. Причем, если уголовное дело возвращалось по данным основаниям неоднократно, не подлежат учету все периоды нахождения у него уголовного дела;

— продление срока домашнего ареста и срока содержания под стражей для обеспечения принятия прокурором одного из решений, предусмотренных ч. 1 ст. 221, ч. 1 ст. 226, ч. 1 ст. 226⁸ и ч. 5 ст. 439 УПК РФ, а также судом одного из решений, предусмотренных ч. 3 ст. 227 УПК РФ, не ограничено предельными сроками домашнего ареста и сроками содержания под стражей в период предварительного расследования в шесть, двенадцать и восемнадцать месяцев, установленных чч. 2 и 3 ст. 109 УПК РФ. Поэтому допустимо обращение в суд с ходатайством о продлении срока меры пресечения в данных целях и после истечения указанных предельных сроков;

— нельзя утверждать, что срок домашнего ареста и срок содержания под стражей в период рассмотрения уголовного дела прокурором до принятия им одного из решений, предусмотренных ч. 1 ст. 221, ч. 1 ст. 226, ч. 1 ст. 226⁸ и ч. 5 ст. 439 УПК РФ, является в настоящее время бесконтрольным. Напротив, процедура их продления достаточно детально прописана в УПК РФ (продление происходит также по судебному решению), а продолжительность нахождения уголовного дела у прокурора ограничена установленными УПК РФ сроками.

В-третьих, в настоящее время срок домашнего ареста и срок содержания под стражей в период досудебного производства не имеет четких границ. Однако предполагается, что большую часть в нем будет занимать срок домашнего ареста и срок содержания под стражей в период предварительного расследования.

В-четвертых, при продлении срока домашнего ареста и срока содержания под стражей допустимо одновременное их продление для целей как предварительного расследования, так и обеспечения принятия прокурором одного из решений, предусмотренных ч. 1 ст. 221, ч. 1 ст. 226, ч. 1 ст. 226⁸ и ч. 5 ст. 439 УПК РФ. Кроме того, ходатайство о продлении может быть также заявлено и для обеспечения принятия судом одного из решений, предусмотренных ч. 3 ст. 227 УПК РФ.

В-пятых, срок домашнего ареста или срок содержания под стражей, впервые установленный или в последующем продленный для «нужд» предварительного расследования, может быть использован в целях обеспечения возможности принятия прокурором

² Конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 4 ноября 1950 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ К указанию данного случая в приведенном перечне следует относиться с долей условности. Скорее, это сделано в силу того, что при возвращении уголовного дела судом по нему допускается производство следственных и процессуальных действий следователем, дознавателем в целях устранения препятствий для его рассмотрения в судебном заседании. Однако позиция Конституционного Суда Российской Федерации позволяет предположить, что в этот момент деятельность следователя, дознавателя носит несколько иной характер, отличный от предварительного расследования. (По делу о проверке конституционности положений частей третьей-седьмой статьи 109 и части третьей статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С. В. Махина : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16 июля 2015 г. № 23-П Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»).

и судом одного из решений, предусмотренных ч. 1 ст. 221, ч. 1 ст. 226, ч. 1 ст. 226⁸, ч. 5 ст. 439, ч. 3 ст. 227 УПК РФ, и наоборот (правило взаимозаменяемости). Дополнительного его продления не требуется. Например, момент возбуждения уголовного дела совпадает с начальным моментом течения срока содержания под стражей, который был установлен судом в два месяца. Следователь завершил расследование по уголовному делу за один месяц и направил уголовное дело с обвинительным заключением прокурору. Оставшегося срока меры пресечения в один месяц вполне достаточно для выполнения прокурором требований ч. 1 ст. 221 УПК РФ, а также судом — ч. 3 ст. 227 УПК РФ.

Законодатель продолжил начатую им ранее практику «вкрапления» домашнего ареста в материю нормативных предписаний ст. 109 УПК РФ, устанавливающих процедуры продления срока содержания под стражей. Если в 2012 г. это впервые было сделано для случая возбуждения перед судом ходатайства прокурором (бывшая ч. 8¹, а сегодня — ч. 8³)⁴, то в настоящее время к этому добавился случай возбуждения ходатайства следователем, дознавателем о продлении срока меры пресечения в целях обеспечения принятия прокурором, а также судом решений по поступившему уголовному делу (ч. 8¹ УПК РФ).

Параллельно с этим остается и изначально предложенный способ правового регулирования продления срока домашнего ареста. Так, в ч. 2 ст. 107 УПК РФ указано, что в случае невозможности закончить предварительное следствие в срок до двух месяцев и при отсутствии оснований для изменения или отмены меры пресечения этот срок может быть продлен по решению суда в порядке, установленном ст. 109 УПК РФ. Этого достаточно, чтобы понять, что все процедуры, предусмотренные в ст. 109 УПК РФ для продления срока содержания под стражей, применимы и к ситуациям продления срока домашнего ареста.

Почему же законодатель отходит от уже избранного им способа правового регулирования (указанного в ч. 2 ст. 107 УПК РФ)? Ведь упоминание домашнего ареста в одних процедурах продления срока меры пресечения, указанных в ст. 109 УПК РФ, и умалчивание при описании процедур других подводит к вопросу о допустимости продления срока домашнего ареста в подобных случаях.

Представляется, что позиция законодателя может быть оправдана (надеемся, что это именно так) разнородностью целей продления срока домашнего ареста. Так, в ч. 2 ст. 107 УПК РФ указано, что продление срока домашнего ареста осуществляется в случае невозможности закончить предварительное следствие в установленные сроки, т. е. в целях продолжения предварительного расследования.

Процедуры, предусмотренные чч. 8¹ и 8³ УПК РФ, предназначены для продления срока меры пресечения в иных целях, а именно для обеспечения принятия прокурором, а также судом решений по поступившему уголовному делу на период, продолжительность которого определяется с учетом сроков, предусмотренных ч. 1 ст. 221, либо ч. 1 ст. 226, либо ч. 1 ст. 226⁸, а также ч. 3 ст. 227 УПК РФ.

Таким образом, процедуры продления срока домашнего ареста в порядке чч. 8¹ и 8³ УПК РФ не охватываются смыслом ч. 2 ст. 107 УПК РФ, а потому добавление упоминания о домашнем аресте в чч. 8¹ и 8³ УПК РФ является оправданным. Данное утверждение еще больше подтверждается произошедшим разделением срока меры пресечения в период досудебного производства на срок меры пресечения в период предварительного расследования и срок меры пресечения в период рассмотрения уголовного дела прокурором до принятия им одного из решений, предусмотренных ч. 1 ст. 221, ч. 1 ст. 226, ч. 1 ст. 226⁸ и ч. 5 ст. 439 УПК РФ (ч. 9 ст. 109 УПК РФ).

Анализ положений Федерального закона от 19 февраля 2018 г. № 27-ФЗ позволяет обоснованно предположить, что упоминание о домашнем аресте следовало внести и в новую ч. 8² ст. 109 УПК РФ, так как продление срока меры пресечения преследует цель «для обеспечения принятия вышестоящим прокурором, а также судом решений по поступившему уголовному делу на срок, продолжительность которого определяется с учетом сроков, предусмотренных частью четвертой статьи 221, либо частью четвертой статьи 226, либо частью четвертой статьи 226⁸, а также частью третьей статьи 227 настоящего Кодекса» (данную процедуру проблематично в силу нового правового регулирования отнести к производству предварительного расследования). Получился парадокс: для случаев, предусмотренных ч. 8² УПК РФ, законодательно не был предусмотрен механизм продления срока домашнего ареста. Подобную ситуацию ничем иным, как недостатком законодательной техники, объяснить было нельзя. Спустя непродолжительное время законодатель новым Федеральным законом внес упоминание о домашнем аресте в ч. 8² ст. 109 УПК РФ, тем самым исправив проблемную ситуацию⁵.

Акцентируется внимание на том, что порядок продления срока домашнего ареста и срока содержания под стражей также распространяется на такой вид уголовно-процессуальной деятельности, как производство о применении принудительных мер медицинского характера. Для этого упоминание о нем внесено в текст п. 8¹ ч. 2 ст. 37, п. 1 ч. 8 ст. 109, ч. 8¹ ст. 109, ч. 8² ст. 109, ч. 8³ ст. 109, ч. 9 ст. 109 УПК РФ.

⁴ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 5 июня 2012 г. № 53-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части избрания и применения мер пресечения в виде запрета определенных действий, залога и домашнего ареста : федеральный закон от 18 апреля 2018 г. № 72-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Ранее это не афишировалось, но на практике имело место. Если к лицу, в отношении которого ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера, были применены домашний арест или заключение под стражу, то их срок продлевался на общих основаниях в соответствии со ст. 109 УПК РФ. Несмотря на то что для данного производства предусмотрена специальная мера принуждения, такая, как помещение в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях (ст. 435 УПК РФ), не всегда имеется объективная возможность определить туда заболевшее лицо. Кроме того, как было сказано выше, избрав однажды домашний арест или заключение под стражу, правоприменитель признает необходимым их дальнейшее продление на общих основаниях, даже если лицо уже помещено в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях.

Однако в данном случае дополнения УПК РФ должны были быть системными и не ограничиваться названными выше правовыми нормами. Следовало внести изменения и в ст. 97 УПК РФ «Основания для избрания меры пресечения», расширив круг лиц, к которым может быть применена мера пресечения таким участником, как лицо, в отношении которого ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера. Получается, что применить меру пресечения к лицу, в отношении которого ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера, нельзя (избрание меры пресечения возможно только в отношении подозреваемого, обвиняемого), но продлить ее действие в отношении него уже можно. Подобная двойственность, полагаем, будет отрицательно сказываться на формировании единой практики правоприменения.

Скорректировано право прокурора по возможности самостоятельного возбуждения перед судом ходатайства о продлении срока домашнего ареста или срока содержания под стражей. В новой редакции изложены: п. 8¹ ч. 2 ст. 37, ч. 2¹ ст. 221, абзац 1 ч. 5 ст. 439 УПК РФ. Статья 109 УПК РФ дополнена частью 8³. Часть 2¹ ст. 226 УПК РФ утратила силу.

Во-первых, законодателю пришлось уточнить использованное в названных правовых нормах словосочетание «возбуждать перед судом ходатайство о продлении срока домашнего ареста или срока содержания под стражей по уголовному делу, направляемому в суд». Правоприменитель истолковал данные слова буквально⁶, и была сформирована практика, позволяющая прокурору ходатайствовать перед судом о продлении срока домашнего ареста или срока содержания под стражей, только если им было уже утверждено обвинительное заключение или обвинительный акт. Следует отметить, что авторы настоящей статьи,

ранее комментируя Федеральный закон от 5 июня 2012 г. № 53-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации», которым УПК РФ был дополнен п. 8¹ ч. 2 ст. 37, ч. 8¹ ст. 109, ч. 2¹ ст. 221, ч. 2¹ ст. 226, отмечали необоснованность подобного, слишком узкого, толкования нормативных предписаний [2, с. 55].

Внося изменения в УПК РФ в 2012 г., законодатель преследовал цель урегулировать вопрос с порядком продления срока домашнего ареста и срока содержания под стражей на этапе изучения прокурором уголовного дела, поступившего с обвинительным заключением или обвинительным актом. И по большому счету ему (законодателю) не было важно, что было с уголовным делом на момент истечения срока действия меры пресечения: продолжал ли прокурор изучать материалы уголовного дела или уже утвердил обвинительное заключение (обвинительный акт). Для него было главным, чтобы обвиняемый находился под домашним арестом и содержался под стражей на законных основаниях. Поэтому через шесть лет законодателю вновь пришлось вернуться к данному вопросу и четче изложить свою позицию. Теперь в правовых нормах прямо предусмотрено, что прокурор вправе «возбуждать перед судом ходатайство о продлении срока домашнего ареста или срока содержания под стражей по уголовному делу, поступившему или направляемому в суд».

Во-вторых, установлен срок изучения прокурором уголовного дела, поступившего к нему с постановлением о направлении уголовного дела в суд для применения принудительной меры медицинского характера (ранее этот срок в УПК РФ не был установлен вовсе). Это позволит следователю при продлении срока домашнего ареста или срока содержания под стражей учитывать время, отведенное прокурору на изучение уголовного дела. В настоящее время этот срок составляет 10 суток, с возможностью его продления до 30 суток (вполне обоснованно, что законодатель поступил по аналогии с окончанием предварительного следствия с составлением обвинительного заключения, так как эти сроки давно апробированы на практике и больших нареканий не вызывают). Возможность продления срока изучения уголовного дела прокурором до 30 суток и создает объективную необходимость в самостоятельном обращении прокурора с ходатайством о продлении срока домашнего ареста или срока содержания под стражей, так как следователь в «свое» продление «закладывает» только 10-суточный срок нахождения уголовного дела у прокурора.

Если конкретность (точность) самих сроков изучения уголовного дела прокурором у авторов сомнений не вызывают, то вопрос о необходимости продления, а не автоматического переноса срока не так

⁶ Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия : приказ Генпрокуратуры Российской Федерации от 28 декабря 2016 г. № 826. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

очевиден. Причина этого — в редакции абзаца 1 ч. 5 ст. 439 УПК РФ. Протицируем фрагмент дословно: «Уголовное дело... следователь передает прокурору, который в срок, предусмотренный частью первой или первой¹ статьи 221 настоящего Кодекса, принимает одно из следующих решений». Как видим, акцент сделан только на числовом выражении срока. О необходимости соблюдения процедуры, оснований его продления не упоминается. Полагаем, что путь, которым пойдет практика, очевиден. Правоприменитель использует тот же порядок продления срока для изучения уголовного дела прокурором, который предусмотрен ч. 1¹ ст. 221 УПК РФ, а именно: «В случае сложности или большого объема уголовного дела срок, установленный частью первой настоящей статьи, может быть продлен по мотивированному ходатайству прокурора вышестоящим прокурором до 30 суток». Считаем, что в создавшейся ситуации этот путь является оптимальным и в полной мере соответствующим принципам уголовного судопроизводства.

Возможно, если бы законодатель дополнил ст. 439 УПК РФ правовыми предписаниями, аналогичными ч. 1 и ч. 1¹ ст. 221 УПК РФ, то указанных выше вопросов не возникло.

В-третьих, непонятно, почему ст. 439 УПК РФ не дополнена правовым предписанием, наделяющим прокурора правом самостоятельно обратиться в суд с ходатайством о продлении срока домашнего ареста или срока содержания под стражей в случае, если оставшегося срока недостаточно для изучения прокурором уголовного дела и выполнения судом требований, предусмотренных ч. 3 ст. 227 УПК РФ (по аналогии с ч. 2¹ ст. 221 УПК РФ). Нет упоминания об этой форме окончания предварительного следствия и в ч. 8³ ст. 109 УПК РФ. Фактически о праве прокурора самостоятельно ходатайствовать перед судом о продлении срока домашнего ареста или срока содержания под стражей по уголовному делу, поступившему к нему с постановлением о направлении уголовного дела в суд для применения принудительной меры медицинского характера, упоминается только в п. 8¹ ч. 2 ст. 37 УПК РФ.

Данное право прокурора прямо закреплено в УПК РФ, и в случае необходимости он может им воспользоваться. Но возникает вопрос: «А должен ли прокурор при возбуждении перед судом ходатайства руководствоваться сроком, указанным в ч. 8³ ст. 109 УПК РФ (не позднее чем за 7 суток до истечения срока домашнего ареста или срока содержания под стражей)?». Ответ неоднозначен. Исходя из сложившегося на сегодняшний день правового регулирования данного вопроса полагаем, что такой обязанности у прокурора нет. Предоставление суду ходатайства и с меньшим сроком (чем указано в ч. 8³ ст. 109 УПК РФ) формально не будет являться нарушением закона, а поэтому будет для него в любом случае обязательным к рассмотрению в срок до истечения действия домашнего ареста или заключения под стражу.

В-четвертых, в ч. 8³ ст. 109 УПК РФ не определен суд, в который подается ходатайство прокурора о продлении срока домашнего ареста и срока содержания под стражей.

Считаем, что прокурору для определения суда в данном случае необходимо руководствоваться общими правилами, указанными в ст. 109 УПК РФ. Поэтому ходатайство должно быть подано в суд по месту производства предварительного расследования или месту содержания обвиняемого под стражей. С учетом разделения срока домашнего ареста и срока содержания под стражей в досудебном производстве на два вида (а также выдвинутых нами ранее тезисов) полагаем, что уровень суда, в который подлежит внести ходатайства, не зависит от истекшего, а также от планируемого к продлению срока домашнего ареста и срока содержания под стражей, а следовательно, оно подлежит направлению в районный суд или военный суд соответствующего уровня.

В-пятых, ни в ч. 8³ ст. 109 УПК РФ, ни в ч. 2¹ ст. 221 УПК РФ не предусмотрена дифференциация уровня прокурора в зависимости от продлеваемого срока мер пресечения. Полагаем, что это свидетельствует о том, что правом на возбуждение ходатайства перед судом о продлении срока мер пресечения (вне зависимости от продолжительности истекшего и планируемого к продлению срока) обладает прокурор, к которому уголовное дело поступило на изучение.

В-шестых, ходатайство должно быть внесено прокурором не позднее чем за 7 суток до истечения срока домашнего ареста или срока содержания под стражей, что прямо предусмотрено в ч. 8³ ст. 109 УПК РФ.

В-седьмых, поскольку деятельность прокурора по рассмотрению дела, поступившего к нему с обвинительным заключением или с постановлением о направлении уголовного дела в суд для применения принудительной меры медицинского характера, носит надстадийный характер, судебное заседание по рассмотрению вопроса о продлении срока домашнего ареста или срока содержания под стражей, проводимое по ходатайству прокурора в этот период, должно иметь некоторые отличия от общего порядка, в частности, установленного ч. 3 ст. 108 УПК РФ.

Считаем, прокурор в первую очередь должен обосновать перед судом законность продления срока изучения поступившего к нему уголовного дела, следствием чего выступает необходимость продления срока домашнего ареста или срока содержания под стражей. Целесообразность нахождения обвиняемого под домашним арестом или содержания под стражей должна быть предметом обсуждения в суде в меньшей степени. Это объяснимо тем, что рассмотрение ходатайства прокурора в суде происходит спустя непродолжительное время (примерно через 17 суток, что вытекает из анализа ст. 109 УПК РФ) после того, как этот вопрос полноценно рассматривался в судебном заседании по ходатайству следователя, дознавателя. Кроме того, прокурору, еще не изучившему до

конца поступившие от следователя, дознавателя материалы расследования, объективно сложно ориентироваться в уголовном деле, в частности, в наличии оснований для того, чтобы оставить в силе меру пресечения. Более подробно данный вопрос может быть исследован при заявлении стороной защиты ходатайства об этом и представлении ей новых обстоятельств, ранее не исследованных судом при избрании или продлении срока меры пресечения.

В-восьмых, ч. 2¹ ст. 221 УПК РФ допускает обращение прокурора с ходатайством в суд о продлении срока домашнего ареста или срока содержания под стражей в случае наличия к этому оснований. Как следует поступить прокурору, если он не усматривает оснований для продления действующей меры пресечения?

С одной стороны, прокурор не назван в ч. 2 ст. 110 УПК РФ среди субъектов, наделенных полномочиями по отмене или изменению меры пресечения. Нет указания на данные полномочия и в ст. 37 УПК РФ. В то же время ч. 2 ст. 221 УПК РФ предусматривает полномочие прокурора по отмене меры пресечения в виде заключения под стражу, если были нарушены сроки предоставления обвиняемому материалов уголовного дела для изучения. Но это скорее надзорное средство прокурора, чем его полномочие по осуществлению уголовного преследования.

Однако это позволяет констатировать, что законодатель положительно относится к праву прокурора самостоятельно принимать решение по отмене меры пресечения. Поэтому, если прокурор в ходе изучения материалов уголовного дела установит, что оснований для продолжения действия меры пресечения в виде домашнего ареста или заключения под стражу не имеется, он может самостоятельно отменить или изменить ее (раз мы фактически допускаем самостоятельное решение прокурора по мере пресечения, то оно может носить характер применения и более мягкой меры пресечения), не возвращая для этого уголовное дело в орган предварительного расследования (что было бы просто нерационально).

Считаем, что данный вывод не противоречит ч. 3 ст. 110 УПК РФ, в которой указывается на возможность отмены или изменения меры пресечения, избранной следователем, только с согласия руководителя следственного органа. Данное правовое требование применимо к времени нахождения уголовного дела в производстве у следователя. Как только уголовное дело «переходит» к другому субъекту уголовного процесса, процессуальные решения принимаются этим лицом самостоятельно.

В-девятых, не показала свою жизнеспособность ч. 2¹ ст. 226 УПК РФ, почему и была исключена из УПК РФ. Срок изучения прокурором уголовного дела, поступившего с обвинительным актом, согласно ч. 1

ст. 226 УПК РФ составляет 2 суток. Причем продление данного срока не предусмотрено. Поскольку у дознавателя имеется процессуальная обязанность продлить срок домашнего ареста и срок содержания под стражей на срок, необходимый для принятия прокурором и судом решений по поступившему уголовному делу, у прокурора просто в силу объективных причин не может возникнуть необходимости в продлении срока названных мер пресечения.

В УПК РФ продолжена реализация позиций Конституционного Суда Российской Федерации, изложенных им в своем постановлении от 22 марта 2005 г. № 4-П «По делу о проверке конституционности ряда положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих порядок и сроки применения в качестве меры пресечения заключения под стражу на стадиях уголовного судопроизводства, следующих за окончанием предварительного расследования и направлением уголовного дела в суд, в связи с жалобами ряда граждан». В связи с этим ст. 109 УПК РФ дополнена правовыми предписаниями, прямо предусматривающими продление срока домашнего ареста и срока содержания под стражей в целях принятия прокурором и судом решений по поступившему к ним уголовному делу. В настоящее время следователю, дознавателю нет необходимости в постановлении о возбуждении ходатайства о продлении срока домашнего ареста или срока содержания под стражей ссылаться на указанное решение Высшего суда, достаточно указать нормативную основу, предусмотренную УПК РФ.

Продлевать срок мер пресечения с учетом срока, необходимого для принятия прокурором и судом решений по поступившему к ним уголовному делу, можно двумя способами. *Первый*. При обращении в суд за продлением срока домашнего ареста или срока содержания под стражей для окончания ознакомления обвиняемого и его защитника с материалами уголовного дела и направления его прокурору с обвинительным заключением, обвинительным актом, обвинительным постановлением⁷, постановлением о направлении уголовного дела в суд для применения принудительной меры медицинского характера следователь, дознаватель могут ходатайствовать не только об установлении срока, достаточного для окончания ознакомления, но и для принятия прокурором и судом решений по поступившему уголовному делу. Нормативной основой в таком случае выступает п. 1 ч. 8 ст. 109 УПК РФ.

Второй. Он предусмотрен ч. 8¹ ст. 109 УПК РФ. Его отличие от первого заключается в том, что на момент обращения следователя, дознавателя с ходатайством в суд предполагается, что по уголовному делу окончено ознакомление участников с материалами расследования и составлены итоговые процессуаль-

⁷ Авторы так и не смогли смоделировать пример, когда подобная ситуация может возникнуть при производстве дознания в сокращенной форме. Хотя теоретически она возможна.

ные документы (обвинительное заключение, обвинительный акт, обвинительное постановление или постановление о направлении уголовного дела в суд для применения принудительной меры медицинского характера), согласованные с руководителем следственного органа или утвержденные начальником органа дознания. Причиной такого толкования правовой нормы является использованное в ней законодателем выражение «по уголовному делу, направляемому прокурору с...», а также отсутствие логики в дублировании одних и тех же правоотношений в двух самостоятельных правовых предписаниях: п. 1 ч. 8 ст. 109 УПК РФ и ч. 8¹ ст. 109 УПК РФ.

Важно отметить, что законодатель содержанием ч. 8¹ ст. 109 УПК РФ демонстрирует свою четкую позицию о том, что обязанность по продлению срока домашнего ареста и срока содержания под стражей на срок, необходимый для принятия прокурором, а также судом решений по поступившему уголовному делу в порядке ч. 1 ст. 221, ч. 1 ст. 226, ч. 1 ст. 226⁸, ч. 5 ст. 439, ч. 3 ст. 227 УПК РФ, лежит на следователе и дознавателе, а не на прокуроре.

Напомним, что срок, который требуется для принятия решений прокурором и судом по поступившему уголовному делу, составляет:

— при окончании предварительного следствия составлением обвинительного заключения или постановления о направлении уголовного дела в суд для применения принудительной меры медицинского характера для прокурора 10 суток (ч. 1 ст. 221, ч. 5 ст. 439 УПК РФ), для судьи 14 суток (ч. 3 ст. 227 УПК РФ), а всего 24 суток;

— при окончании дознания составлением обвинительного акта для прокурора 2 суток (ч. 1 ст. 226 УПК РФ), для судьи 14 суток (ч. 3 ст. 227 УПК РФ), а всего 16 суток;

— при окончании дознания в сокращенной форме составлением обвинительного постановления для прокурора 3 суток (ч. 1 ст. 226⁸ УПК РФ), для судьи 14 суток (ч. 3 ст. 227 УПК РФ), а всего 17 суток.

Кроме того, следует отметить, что в свете внесенных в УПК РФ дополнений подлежат системному толкованию положения закона, требующие незамедлительного направления уголовного дела прокурору после составления обвинительного заключения (ч. 6 ст. 220 УПК РФ), постановления о направлении уголовного дела в суд для применения принудительной меры медицинского характера (ч. 5 ст. 439 УПК РФ), а также окончания ознакомления с материалами уголовного дела участников при окончании дознания составлением обвинительного акта (ч. 4 ст. 225 УПК РФ), дознания в сокращенной форме составлением обвинительного постановления (ч. 7, ч. 8, ч. 9 ст. 226⁷ УПК РФ). В случае необходимости продления срока домашнего ареста или срока содержания под стражей уголовное дело подлежит направлению прокурору только после рассмотрения данного вопроса судом. Отметим, что рассмотрение ходатайства следователя,

дознателя о продлении срока домашнего ареста или срока содержания под стражей возможно только по уголовному делу, по которому еще не истек срок предварительного расследования.

Следует отметить, что в ч. 8¹ ст. 109 УПК РФ не определено, в суд какого уровня (звена) должно быть подано ходатайство следователя, дознавателя. Ссылка в анализируемом правовом предписании на ч. 8 ст. 109 УПК РФ лишь указывает, что это должен быть суд по месту производства предварительного расследования либо месту содержания обвиняемого под стражей. Полагаем, что с учетом изложенных нами выше позиций, вне зависимости от продолжительности истекшего срока домашнего ареста или срока содержания под стражей в период предварительного расследования (в том числе с достижением или даже превышением предельных сроков содержания под стражей), продление срока меры пресечения должно происходить в районном суде или военном суде соответствующего уровня.

Определен механизм продления срока домашнего ареста (с учетом Федерального закона от 18 апреля 2018 г. № 72-ФЗ) и срока содержания под стражей в ситуации обжалования следователем и дознавателем решения прокурора о возвращении уголовного дела для дополнительного расследования или пересоставления итогового документа. Нормативной основой является ч. 8² ст. 109 УПК РФ.

Во-первых, положения комментируемой правовой нормы распространяются на случаи возвращения следователю, дознавателю от прокурора уголовного дела, поступившего к нему с обвинительным заключением, постановлением о направлении уголовного дела в суд для применения принудительной меры медицинского характера, обвинительным актом или обвинительным постановлением.

Во-вторых, из данного правового предписания следует, что обязанность по продлению срока домашнего ареста и срока содержания под стражей лежит на следователе, дознавателе.

В-третьих, анализ ч. 8² ст. 109 УПК РФ не позволяет прийти к однозначному выводу о моменте возбуждения ходатайства перед судом о продлении срока домашнего ареста или срока содержания под стражей. Необходимо ли это сделать перед передачей жалобы с уголовным делом вышестоящему прокурору или к судье следует обратиться только при истечении уже ранее установленного срока? С уверенностью можно утверждать только то, что на момент возбуждения ходатайства перед судом о продлении срока действия мер пресечения следователем, дознавателем должна быть составлена жалоба (по мнению А. Н. Артамонова, А. О. Бекетова, более правильно именовать обращение ходатайством [3, с. 23; 4, с. 22]), адресованная вышестоящему прокурору, согласованная соответственно с руководителем следственного органа или начальником органа дознания. Рассмотрим возможные варианты.

Вариант 1. Ходатайство о продлении срока домашнего ареста или срока содержания под стражей возбуждается до направления жалобы с уголовным делом вышестоящему прокурору. В пользу данного варианта указывают нормативные предписания ч. 8² ст. 109 УПК РФ: «срок может быть продлен для обеспечения принятия вышестоящим прокурором, а также судом решений по поступившему уголовному делу». Получается, запрашивая у судьи дополнительный срок действия мер пресечения, следователь, дознаватель должны исходить из возможной продолжительности нахождения уголовного дела у вышестоящего прокурора и времени, отведенного суду согласно ч. 3 ст. 227 УПК РФ (14 суток). В соответствии с ч. 4 ст. 221 УПК РФ срок изучения вышестоящим прокурором уголовного дела, поступившего от следователя, составляет 10 суток. Если по уголовному делу проводилось дознание, то этот срок составляет 3 суток (ч. 4 ст. 226 УПК РФ), а если осуществлялось дознание в сокращенной форме — 2 суток (ч. 4 ст. 226⁸ УПК РФ).

Выбор данного варианта удобен еще и тем, что при отмене вышестоящим прокурором постановления нижестоящего прокурора он самостоятельно направляет уголовное дело в суд.

Однако некоторая нелогичность данной ситуации заключается в том, что ходатайство возбуждается слишком заблаговременно. До истечения срока меры пресечения на данный момент остается примерно 14 суток. Кроме того, не принимается во внимание то обстоятельство, что вышестоящий прокурор может согласиться с позицией нижестоящего прокурора, и в таком случае потребуются продление срока мер пресечения для производства дополнительного расследования, что, как правило, требует более длительного срока, чем указан в ч. 3 ст. 227 УПК РФ (14 суток). В таком случае необходимо будет еще одно продление срока мер пресечения спустя непродолжительное время после предыдущего.

Вариант 2. Ходатайство перед судом о продлении срока домашнего ареста или срока содержания под стражей должно быть возбуждено при истечении уже ранее установленного срока. В пользу данного варианта также указывают нормативные предписания ч. 8² ст. 109 УПК РФ. Имеющаяся в ней ссылка на часть восьмую этой же статьи предполагает, что ходатайство перед судом о продлении срока действия мер пресечения должно быть возбуждено не позднее чем за 7 суток до его истечения.

Данный вариант уже позволяет учитывать, какое решение будет принято вышестоящим прокурором по жалобе дознавателя (срок рассмотрения жалобы 3 или 2 суток с учетом формы расследования), и в зависимости от этого ходатайствовать перед судом о необходимом дополнительном сроке мер пресечения (для выполнения судом требований ч. 3 ст. 227 УПК РФ; для дополнительного расследования; для пересоставления обвинительного акта (постановления) и

принятия решений прокурором и судом по поступившему к ним уголовному делу). Рассматриваемый вариант предполагает необходимость возвращения уголовного дела от вышестоящего прокурора дознавателю для продления срока домашнего ареста или заключения под стражу. После чего дознаватель может вернуть уголовное дело вышестоящему прокурору (и тот его направит в суд) или передать его в суд самостоятельно. Полагаем, что в подобной ситуации неважно, кто отдаст уголовное дело в суд. Это действие носит технический (организационный) характер и принципиального значения не имеет.

При расследовании уголовного дела в форме предварительного следствия момент, когда необходимо возбуждать перед судом ходатайство о продлении срока домашнего ареста или срока содержания под стражей, выпадает на период нахождения уголовного дела у вышестоящего прокурора (на изучение дела ему отводится до 10 суток). В таком случае следователь должен получить уголовное дело у вышестоящего прокурора, решить вопрос с продлением срока меры пресечения, после чего вернуть уголовное дело вышестоящему прокурору. Полагаем, что время нахождения уголовного дела у следователя (для продления срока меры пресечения) не должно включаться в срок, отведенный вышестоящему прокурору для принятия решения по жалобе следователя. Как вариант, уголовное дело может остаться у вышестоящего прокурора, а следователь снимет копии с процессуальных документов, необходимых для подачи ходатайства в суд. В таком случае течение срока изучения уголовного дела вышестоящим прокурором прерываться не будет.

Считаем, что в настоящее время допустимо продление мер пресечения по любому из вариантов. По нашему мнению, второй вариант продления срока домашнего ареста или срока содержания под стражей удобен при производстве дознания, а первый — в ходе предварительного следствия.

В-четвертых, полагаем, что в силу исключительности ситуации при продлении срока домашнего ареста или срока содержания под стражей, поступая по аналогии с подачей жалобы вышестоящему прокурору, следователь, дознаватель не должны принимать уголовное дело к своему производству. Сам законодатель указывает, что по уголовному делу не ведется предварительное расследование (так, согласно ч. 3 ст. 162 УПК РФ в срок предварительного следствия не включается время на обжалование следователем решения прокурора в случае, предусмотренном п. 2 ч. 1 ст. 221 УПК РФ), а идет процедура по проверке законности и обоснованности возвращения уголовного дела прокурором следователю, дознавателю. Продление срока действия мер пресечения — это технический, процедурный элемент, возложенный в силу закона на следователя, дознавателя (следуя логике, на следователя, дознавателя, завершивших расследование по уголовному делу). Кроме того, УПК РФ прямо

предусматривает, что если вышестоящий прокурор отменит постановление нижестоящего прокурора, то он должен утвердить обвинительное заключение, обвинительный акт, обвинительное постановление, постановление о направлении уголовного дела в суд для применения принудительной меры медицинского характера и направить уголовное дело в суд. Как он сможет это сделать, если уголовное дело будет находиться в производстве следователя, дознавателя?

В-пятых, при продлении срока домашнего ареста или срока содержания под стражей в порядке ч. 8² ст. 109 УПК РФ не подлежит учету время применения к обвиняемому данной меры пресечения в период предварительного расследования. Это означает, что испрашиваемый срок учитывается самостоятельно. Для данной ситуации является допустимым, что общий срок домашнего ареста или срок содержания под стражей (истекший в ходе предварительного расследования плюс продленный в порядке ч. 8² ст. 109 УПК РФ) фактически может превысить предельные сроки для данных мер пресечения, установленные чч. 2 и 3 ст. 109 УПК РФ (более подробно об этом было сказано выше).

В-шестых, в силу исключительности ситуации, продление срока домашнего ареста или срока содержания под стражей происходит по ходатайству следователя, согласованному с непосредственным руководителем следственного органа, или дознавателя, согласованному с надзирающим прокурором. На обоснованность данного утверждения указывает ссылка

в ч. 8² ст. 109 УПК РФ на применение общего порядка внесения ходатайства в суд об избрании меры пресечения, предусмотренной ч. 3 ст. 108 УПК РФ, и отсутствие дополнительных условий в анализируемом правовом предписании.

В-седьмых, ходатайство о продлении срока домашнего ареста или срока содержания под стражей должно быть представлено в районный суд или военный суд соответствующего уровня по месту производства предварительного расследования либо месту содержания обвиняемого под стражей. На это прямо указывает ч. 8² ст. 109 УПК РФ, делая ссылку на ч. 8 ст. 109 УПК РФ, где и назван указанный уровень суда.

Список литературы

1. *Седельников П. В.* Продление предельных сроков содержания под стражей // Законодательство и практика. 2014. № 2.
2. *Седельников П. В., Бескембиров Р. А.* Новые полномочия прокурора (комментарий Федерального закона № 53-ФЗ от 5 июня 2012 г.) // Законодательство и практика. 2012. № 2.
3. *Артамонов А. Н., Бекетов А. О.* Обжалование следователем решения прокурора о возвращении уголовного дела для производства дополнительного следствия, об отмене постановления о возбуждении уголовного дела (научно-практический комментарий) // Законодательство и практика. 2014. № 2.
4. *Артамонов А. Н., Бекетов А. О.* Принесение возражений на требование прокурора об устранении нарушений федерального законодательства, обжалование иных решений прокурора (научно-практический комментарий) // Законодательство и практика. 2015. № 1.

УДК 343.98

А. Р. СЫСЕНКО, Р. В. БОГДАНОВ**Особенности тактики осмотра места происшествия при расследовании грабежей, совершаемых на открытой местности**

Расследование грабежей, ввиду его динамичности, временного и информационного дефицита, требует от лица, производящего расследование, высокого профессионализма, основанного на глубоких теоретических знаниях закономерностей совершения таких преступлений. В статье авторами обобщена современная практика разрешения проблем, возникающих при осмотре места происшествия при расследовании грабежей, совершаемых на открытой местности.

Ключевые слова: осмотр места происшествия; следственное действие; криминалистическая тактика; грабеж.

Одним из основных следственных действий при расследовании грабежей, совершаемых на открытой местности, является осмотр места происшествия, где следователь не только наблюдает материальную обстановку, но и анализирует обнаруженные факты, сопоставляет их и выдвигает версии.

Способы завладения личным имуществом граждан при совершении грабежей на открытой местности можно разделить на следующие основные группы:

1. Без применения какого-либо насилия или угроз — 38% изученных уголовных дел¹.
2. С применением насилия, не опасного для жизни и здоровья пострадавшего, — 26%.
3. Путем применения психического насилия, т. е. угрозы применения физического насилия, не опасного для жизни и здоровья пострадавшего, — 8%.

К первой группе относится завладение личным имуществом потерпевших путем срывания головных уборов, ювелирных изделий, украшений.

Ко второй — завладение имуществом граждан путем вырывания из рук вещей или предметов, а также нанесения ударов или побоев, не повлекших кратковременного расстройства здоровья.

Третью группу представляют способы завладения личным имуществом граждан, соединенные с применением психического насилия, т. е. запугивание пострадавшего немедленным нанесением телесных повреждений, побоев и т. д.

Предметы преступного посягательства — деньги, ювелирные украшения, мобильные телефоны, радио-, фото- и видеоаппаратура, часы, ценные предметы одежды, а также зонты, сумки, чемоданы и пр.

Основными объектами для поиска и анализа при осмотре места происшествия при расследовании грабежей, совершаемых на открытой местности, являются:

- а) местность и дороги, по которым преступник прибыл на место происшествия и удалился;
- б) брошенные транспортные средства; предметы, использованные при совершении преступления; транспортные средства граждан, организаций, являющиеся объектами нападения; объекты нападения;

объекты, в которых скрылись преступники после грабежа;

в) следы, характерные для насилия или свидетельствующие об угрозе применения насилия; борьбе; преодоления преступником каких-либо преград и т. д.

Задачами осмотра места происшествия по делам о грабежах на открытой местности являются:

- выяснение того, имело ли место событие, по поводу которого проводится осмотр, в чем оно выражалось;
- определение вида грабежа: простой или квалифицированный;
- обнаружение и фиксация следов и других вещественных доказательств;
- выявление обстоятельств, необходимых для розыска преступника;
- установление причин и условий, способствовавших совершению преступления.

Осмотр места происшествия необходимо проводить немедленно после получения заявления и краткого опроса пострадавшего, чтобы исключить возможность уничтожения следов и других вещественных доказательств.

В большинстве случаев местом совершения таких преступлений являются малолюдные, неосвещенные, затемненные и заросшие пустыри, скверы, улицы, дорожки в парках и в лесу, а также темные арки и дворы домов.

Следует учитывать, что территория места происшествия по грабежам на открытой местности, в отличие, например, от совершенных в жилищах, не имеет определенной пространственной локализации, т. е. не ограничена жесткими границами. Это создает трудности в определении границ осмотра, требует особой тщательности в поиске следов преступления и преступника. Дополнительными участками могут быть пути подхода или отхода преступника, места, где он поджидал пострадавшего, и т. п.

В парках, лесных массивах, на пустырях внешние границы могут определяться первоначально от обнаруженных следов отхода или подхода преступни-

¹ В ходе научного исследования авторами было изучено более ста уголовных дел, возбужденных по ст. 161 УК РФ.

ков или в пределах нахождения иных видимых следов происшествия, или с учетом рельефа местности (например, в качестве границ первоначально может быть избран густой кустарник, глубокий овраг и т. д.).

На улицах города границы осмотра необходимо избирать в зависимости от близости расположения зданий, различных сооружений, транспортных магистралей. При этом нужно учитывать возможность образования следов при передвижении преступника и пострадавших в различных направлениях. Поэтому исходя из обстановки места происшествия и имеющихся следов следователь должен представить себе, откуда указанные лица появились и как субъект скрылся с места преступления. Определяемые границы должны расширяться по мере проведения осмотра.

Спецификой осмотра места происшествия, которым выступает открытый участок местности, является проблема сохранности следов преступления. Это зависит от воздействия посторонних лиц (прохожих) и условий внешней среды, под влиянием которых они могут быстро уничтожаться. Поэтому следователь должен проводить осмотр незамедлительно и качественно, исследовать все информационные зоны места происшествия, поскольку он не имеет возможности восполнить этот пробел.

При осмотре места происшествия следует учитывать, что характер следов, оставляемых при грабежах, во многом зависит от места и способа его совершения, предмета преступного посягательства и других обстоятельств, характеризующих действия преступника [1, с. 32].

К участию в осмотре целесообразно привлекать специалиста-криминалиста, поскольку он помогает следователю при определении границ, способа осмотра и мест возможного нахождения следов преступления, осуществляя поиск, обнаружение, фиксацию и изъятие доказательственной информации. Если с момента совершения преступления прошел небольшой промежуток времени, то при расследовании грабежа по горячим следам рекомендуется привлекать инспектора-кинолога.

Анализ протоколов данного следственного действия показал, что осмотр места происшествия следственно-оперативная группа производит не всегда в полном составе. Так, из 1577 осмотров мест происшествий по грабежам, совершенным в Омской области за 12 месяцев 2017 г., специалист-криминалист принимал участие лишь в 673².

До начала осмотра следователь должен ознакомиться с информацией, поступившей от пострадавшего и очевидцев, что позволит наиболее эффективно вести поиск следов.

По прибытии на место происшествия следователь:

1) опрашивает прибывших ранее сотрудников полиции об обстоятельствах происшедшего;

2) дает поручения о:

- преследовании по горячим следам субъекта преступления;
- проведении подворно-поквартирного обхода на прилегающих территориях;
- прочесывании местности и проведении заградительных мероприятий;
- ориентировании территориальных и транспортных органов внутренних дел о случившемся и привлечении сил для поиска субъекта преступления по имеющимся приметам и возможному пути его движения.

После опроса очевидцев следователь осуществляет общий обзор места происшествия, в ходе которого уясняется его административное и географическое положение, расположение относительно других объектов и определяются границы, охватывающие следы события, и объекты, имеющие значение для выявления всех обстоятельств.

После установления границ осмотра места происшествия следователь определяет исходную точку и способ осмотра.

Наиболее эффективным способом осмотра по данной категории преступлений, по нашему мнению, является эксцентрический, при котором исследование осуществляется от места нападения к периферии, что способствует более тщательному поиску доказательственной информации.

В ситуации, если пострадавший путается, не может указать все обстоятельства события, осмотр необходимо начинать с периферии, где вероятнее всего могут находиться следы отхода или подхода к месту происшествия. В обстановке места происшествия, представляющего собой участок местности, могут образоваться следующие дополнительные признаки: сломанные ветки кустарника и деревьев, взрыхленная почва, вдавленные следы от падения и волочения пострадавшего по мягкому грунту и т. п.

Отметим, что осмотр места происшествия по делам о грабежах на открытой местности проводится с обязательным применением технических средств, прежде всего, фото- и видеосъемки.

Одной из основных задач фотосъемки на месте происшествия является фотографическая фиксация первоначальной обстановки, материальных следов и предметов. На фотоснимках места происшествия должна последовательно воспроизводиться информация, содержащаяся в протоколе осмотра.

Композиция фотоснимков должна ориентироваться на привычное для глаза человека восприятие окружающей действительности. Не стоит без необходимости допускать искажений перспективы, трансформировать свето-тональные детали изображений [2, с. 103].

Фотосъемка места происшествия бывает четырех видов:

² Обзор статистических данных ИЦ УМВД России по Омской области в 2017 г.

— ориентирующая (фиксируется окружающая обстановка места происшествия, пути отхода и подхода к нему);

— обзорная (фиксируется общее расположение объектов на месте происшествия);

— узловая (фиксируются отдельные объекты, следы или узловые точки с частью окружающей их обстановки, как правило, неподвижными объектами, до которых осуществлялось измерение);

— детальная (фиксируются отдельные следы или объекты без окружающей обстановки, с масштабной линейкой, под прямым углом).

При производстве осмотра места происшествия по данной категории дел ориентирующая фотосъемка выполняется таким образом, чтобы формировалось полное представление обо всей окружающей место происшествия обстановке и всех возможных путях отхода и подхода, а также о наличии и характере освещения в темное время суток. Обзорная фотосъемка должна давать полное представление об обстановке места происшествия в определенных следователем границах, находиться в логической связи с ориентирующей фотосъемкой. Узловая фотосъемка должна передавать точное расположение следов и объектов на месте происшествия и находиться в логической связи с обзорной фотосъемкой. Детальная фотосъемка содержит общие и частные признаки следов и объектов с соблюдением масштаба. Порядок производства фотосъемки должен быть зафиксирован в протоколе, как и описание всех сфотографированных объектов.

Современным методом фотосъемки может служить использование навигационных данных систем глобального позиционирования Глонасс и GPS. На цифровой фотоаппарат полупрофессионального или профессионального класса устанавливается датчик GPS, который при фотосъемке будет заносить в exif-данные (метаданные)³ фотоснимка координаты точки фотосъемки с погрешностью не более 3 м. В дальнейшем, используя данные навигационного позиционирования, сохраненные в цифровом фотоснимке, возможно на цифровой (спутниковой) карте определить точки осуществления фотосъемки, границы места происшествия, масштабы и расстояния между объектами на месте происшествия [3, с. 9].

При осуществлении видеозаписи осмотра места происшествия на открытой местности необходимо произвести ориентирующую съемку и таким образом локализовать место происшествия в пространстве. Оператором производится съемка близлежащих ориентиров (желательно с фиксацией адресов), обстановки, окружающей место следственного действия. Следователем дается разъяснение места расположения относительно ближайших населенных пун-

ктов, указывается расстояние от них, направление по компасу, также можно использовать Глонасс и GPS-навигацию, где будут указаны точные координаты. Если объектом осмотра являются большие площади, то можно использовать беспилотные летательные аппараты (DJI Phantom 3 Professional, DJI Inspire 1 и др.). В этом случае следователю необходимо вслух указать тип, вид используемого аппарата, а также его показания.

Оставленные на месте происшествия участниками преступления следы, которые могут быть обнаружены и изъяты, можно подразделить на следующие группы:

1) следы преступника — следы рук, ног, обуви, перчаток, ткани одежды, лба, кончика носа, губ, подбородка, щек, ушных раковин, зубов;

2) следы потерпевших — оставшиеся, например, на снегу, мягком грунте, асфальте (одежда, обувь, следы борьбы);

3) следы, оставленные случайными людьми (при оказании ими первой помощи потерпевшим);

4) следы транспортных средств;

5) многочисленные микрообъекты — волокна ткани, частицы почвы, краски, металла, древесины, строительных материалов;

6) следы биологического происхождения — кровь, слюна, волосы, пот;

7) различные предметы, брошенные или забытые преступником: орудия взлома, гвозди, проволока, веревка, одежда и ее части, обувь, документы, маски, сумки и т. д.

Осмотру следует подвергнуть не только место, где совершено нападение, но и ведущие к нему дороги, прилегающие участки местности и помещения. Здесь нередко обнаруживаются следы пребывания преступников (засада), брошенные или утерянные ими при бегстве предметы, их части и иные вещественные доказательства. Следует также искать следы ног человека, животных, транспортных средств, по ним можно определить число нападавших, путь их движения и вид транспортного средства.

Особое внимание должно уделяться таким информационным местам, как места засад преступников, где можно найти личные вещи, окурки, бутылки и т. п. Чаще всего это кустарники, насыпи, заборы, где почти всегда остаются следы, носящие латентный характер (следы зубов, слюна преступника на окурках сигарет, папиросах, пробках из фольги и т. п.).

Таким образом, при осмотре места происшествия при расследовании грабежей, совершаемых на открытой местности, необходимо искать следы:

1) пребывания на осматриваемом месте пострадавшего и преступника, пути подхода и отхода —

³ Метаданные (exif-данные) — это стандарт, позволяющий добавлять к изображениям и прочим медиафайлам дополнительную информацию, комментирующую этот файл, описывающую условия и способы его получения, авторство и т. п. Версия Exif 1.0 была опубликована в 1995 г. Версия Exif 2.2 (известная также как Exif Print) введена в 2002 г. Наиболее существенные дополнения касаются данных, описывающих условия съемки, нужных для корректной печати таких изображений. Последняя версия — 2.3. URL: <https://ru.wikipedia.org> (дата обращения: 21.03.2018).

следы ног (обуви), рук, крови, шин транспортных средств, слюны; окурки, брошенные вещи, обрывки одежды, волосы, бутылки из-под спиртного и т. п.;

2) возможной борьбы между преступником и его жертвой — следы крови, ног (обуви), локализованные в одном месте, сломанные предметы, части одежды пострадавшего и преступника, поврежденные растения и т. д.;

3) преодоления преступником каких-либо преград — следы крови, ног (обуви);

4) характеризующие применение насилия — изменения в обстановке, различные разрушения (например, разбитые или сломанные предметы), разбросанные в беспорядке вещи, детали одежды, куски ткани, вырванные волосы, следы крови и др.;

5) позволяющие сделать вывод об инсценировке грабежа — остатки упаковки, ценники якобы похищенных вещей, наличие или отсутствие следов борьбы;

6) предмета преступного посягательства — следы крови, ног (обуви);

7) позволяющие сделать вывод о количестве участников преступления — следы ног (обуви).

Проводя осмотр участка местности, особенно мест, где до или после совершения преступления побывало значительное количество людей, можно найти множество следов, не имеющих отношения к расследуемому событию. Однако сделать подобный вывод на месте происшествия невозможно, именно поэтому следователь по возможности должен зафиксировать и изъять все обнаруженные следы. Решение об их отношении к делу будет приниматься позже, после установления обстоятельств их возникновения на месте происшествия. Чтобы решение было более объективным, в протоколе необходимо детально описать расположение каждого объекта (следа) на местности, их общие и частные признаки, фактическое состояние на момент осмотра, а также провести узловую и детальную фотосъемку.

Подчеркнем, что недостаточно только обнаружить следы, имеющие отношение к преступлению, необходимо их правильно зафиксировать, иначе они не будут иметь юридической силы и могут быть потеряны для доказывания.

Если осмотр места происшествия проводился в темное время суток, то обязательно осуществляется повторный осмотр — в дневное время. Повторный осмотр необходим для получения более полного представления об окружающей место происшествия обстановке, производства ориентирующей фотосъемки и возможного обнаружения следов и объектов, не замеченных в ходе первоначального осмотра.

К протоколу осмотра места происшествия прилагается схема, она дает наглядное представление о нем. На схеме должны быть указаны:

- место грабежа;
- окружающая местность;
- форма и необходимые размеры отдельных объектов, следов и предметов, имеющих доказательственное значение, их взаимное расположение;
- расстояние между выбранной для измерения неподвижной точкой и отдельными предметами и следами;
- направление, откуда появились и куда скрылись преступники;
- точки, с которых производилось фотографирование.

Все, что отмечается на схеме, должно находить отражение и в протоколе осмотра.

Все подписи выполняются так, чтобы их можно было читать, не поворачивая схемы. В ряде случаев для облегчения чтения целесообразно использовать нумерацию изображенных предметов.

Таким образом, результаты осмотра места происшествия по делам о грабежах на открытой местности должны использоваться для доказывания события преступления и вины подозреваемого (обвиняемого), организации розыскной и аналитической работы по нераскрытому делу.

Список литературы

1. Долинин В. Н., Рачева Н. В. Особенности расследования грабежей и разбойных нападений, совершаемых на открытой местности : учеб.-метод. пособие. Екатеринбург, 2002.
2. Дмитриев Е. Н. Проблемы применения цифровой фотографии при расследовании уголовных дел : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998.
3. Холопов А. В. Применение цифровых технологий фиксации аудиовизуальной информации в уголовном судопроизводстве : учеб. пособие. СПб., 2010.

Уголовно-правовая характеристика мелкого коммерческого подкупа (ст. 204² УК РФ)

В статье исследуются объективные и субъективные признаки состава преступления, предусмотренного статьей 204² Уголовного кодекса Российской Федерации, раскрывается содержание предмета мелкого коммерческого подкупа, определен момент окончания преступления, раскрыто содержание субъекта. Уголовно-правовая характеристика мелкого коммерческого подкупа иллюстрируются примерами правоприменительной практики. Толкование содержания понятий, используемых законодателем, раскрывается судебными актами судов высших инстанций, а также учеными в области уголовного права.

Ключевые слова: мелкий коммерческий подкуп; объект мелкого коммерческого подкупа; предмет подкупа; объективная сторона мелкого коммерческого подкупа; субъект мелкого коммерческого подкупа; субъективная сторона мелкого коммерческого подкупа.

Мелкий коммерческий подкуп, как и коммерческий подкуп, относится к преступлениям коррупционной направленности. Видовым объектом мелкого коммерческого подкупа выступает порядок управления деятельностью коммерческих и иных организаций. Непосредственным объектом мелкого коммерческого подкупа является нормальное функционирование коммерческой и иной организации как хозяйствующего субъекта, представляющего частный сектор экономики.

В качестве предмета подкупа уголовный закон называет деньги, ценные бумаги, иное имущество, услуги имущественного характера и иные имущественные права. Понятие ценных бумаг дано в ч. 1 ст. 142 ГК РФ. Это документы, соответствующие установленным законом требованиям и удостоверяющие обязательственные и иные права, осуществление или передача которых возможны только при предъявлении таких документов (документарные ценные бумаги). Согласно ч. 2 ст. 142 ГК РФ, ценными бумагами являются: акция, вексель, закладная, инвестиционный пай паевого инвестиционного фонда, коносамент, облигация, чек и иные ценные бумаги, названные в таком качестве в законе или признанные таковыми в установленном законом порядке.

Под иным имуществом понимаются любые предметы материального мира, которые имеют какую-либо стоимость (транспортные средства, мебель, ювелирные украшения, книги и т. п.). Как правило, предметом мелкого коммерческого подкупа выступают денежные средства.

Пункт 9 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» (далее — постановление Пленума ВС РФ) раскрывает содержание незаконного оказания услуг. Это «предоставление лицу любых иму-

щественных выгод, в том числе освобождение его от имущественных обязательств (например, предоставление кредита с заниженной процентной ставкой... ремонт квартиры, строительство дачи, передача имущества, в частности, автотранспорта, для его временного использования, прощение долга или исполнение обязательств перед другими лицами)»¹.

Кроме того, к услугам имущественного характера можно относить, например: незаконное освобождение от административной, уголовной и иной ответственности; назначение на должность, повышение по службе; разработку и внедрение законопроектов, выгодных заинтересованным структурам; устройство детей в престижное учебное заведение; содействие в покупке товаров через фирменные магазины предприятий-изготовителей по ценам, установленным для работников этих предприятий, и др. [1, с. 10].

Имущественные права как предмет подкупа, исходя из разъяснения постановления Пленума ВС РФ, — это право на имущество, в том числе право требования кредитора, а также иные права, имеющие денежное выражение, например, исключительное право на результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (ст. 1225 ГК РФ). Получение предмета подкупа в виде незаконного предоставления имущественных прав предполагает возникновение у лица юридически закрепленной возможности вступить во владение или распорядиться чужим имуществом как своим собственным, требовать от должника исполнения в его пользу имущественных обязательств и др. (п. 9).

Вслед за разъяснениями высшей судебной инстанции большинство специалистов сходятся во мнении, что предмет подкупа должен поддаваться стоимостной оценке в денежном эквиваленте [2, с. 13; 3, с. 15–16; 4, с. 14; 5, с. 14].

¹ О Судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24 (ред. от 3 декабря 2013 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Для характеристики объективной стороны мелкого коммерческого подкупа важен такой признак, как деяние. Объективная сторона мелкого коммерческого подкупа выражается в самом *действии* — в получении лицом или в передаче лицу, выполняющему в организации управленческие функции, предмета подкупа, в оказании услуг имущественного характера или предоставлении имущественных прав (в том числе когда по указанию такого лица передается имущество, оказываются услуги имущественного характера, предоставляются имущественные права иному физическому или юридическому лицу). Совершаемые действия характеризует их *незаконность*. Так, приговором Бежицкого районного суда г. Брянска осужден С., который будучи наделенным управленческими функциями в организации, в том числе по проведению технического диагностирования транспортных средств и принятию решения о возможности выдачи диагностической карты технического осмотра, имея умысел на получение денежных средств за совершение им незаконных действий в связи с занимаемым положением, потребовал от гражданина К. передать ему незаконное вознаграждение в сумме 1000 рублей за выдачу диагностической карты на принадлежащий последнему автомобиль без фактического осмотра транспортного средства. С. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 204² УК РФ².

По признаку *незаконности* коммерческий подкуп отграничивается от предусмотренного правилами делового этикета, внутренними правилами организации поощрения работников, от подарков и представительских расходов.

Еще одним важным аспектом объективной стороны мелкого коммерческого подкупа является *обусловленность* передачи предмета подкупа выполнением действий или воздержанием от таковых лицом, получившим незаконное вознаграждение, в интересах лица, передавшего предмет подкупа, или в интересах иных лиц. Причем эти действия (бездействие) обязательно должны входить в полномочия такого лица, или его положение в организации должно способствовать действиям (бездействию).

В пункте 24 постановления Пленума ВС РФ разъясняется, что «в том случае, если лицо получило ценности за совершение действий (бездействия), которые в действительности оно не может осуществить ввиду отсутствия служебных полномочий и невозможности использовать свое служебное положение, такие действия при наличии умысла на приобретение ценностей следует квалифицировать как мошенничество...».

Рассматривая обусловленность передачи предмета подкупа как обязательный признак объективной стороны коммерческого подкупа, отметим, что она связывает два элемента — предполагаемое выпол-

нение действий или воздержание от таковых и положение лица в организации (наличие у него соответствующих полномочий). Предмет подкупа передается лицу именно из-за его полномочий или положения в организации. Лицу, которое передает предмет подкупа, с достаточно высокой долей вероятности должно быть очевидно, что то лицо, которому передается предмет подкупа, сможет выполнить те действия, которые от него ожидает подкуподатель.

Такое толкование согласуется с разъяснением, которое дал Пленум ВС РФ: «Получение лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, ценностей за совершение действий (бездействия), которые входят в его полномочия либо которые оно могло совершить с использованием служебного положения, следует квалифицировать как получение коммерческого подкупа вне зависимости от намерения совершить указанные действия (бездействие)» (п. 24). Следовательно, сам факт наличия соответствующих полномочий или занимаемого положения в организации свидетельствует об обусловленности незаконной передачи и получения предмета подкупа.

Передачу предмета подкупа по указанию управомоченного лица иным физическим и юридическим лицам следует рассматривать как частный случай его получения самим управленцем, так как его указание о передаче соответствующих ценностей иному физическому или юридическому лицу является способом получения подкупа им самим.

Коммерческий подкуп по своей конструкции — формальный состав преступления. Это подчеркивает и постановление Пленума ВС РФ: «не имеет значения, получили ли лица реальную возможность пользоваться или распоряжаться переданными им ценностями по своему усмотрению».

Предложение передачи предмета коммерческого подкупа, если оно не встретило согласия лица, являющегося субъектом преступления, не может влечь уголовную ответственность за оконченное преступление. Как указывает Пленум Верховного Суда РФ, «обещание или предложение передать или принять незаконное вознаграждение за совершение действий (бездействия) по службе необходимо рассматривать как умышленное создание условий для совершения соответствующих коррупционных преступлений... Если при этом иные действия, направленные на реализацию обещания или предложения, лица не смогли совершить по независящим от них обстоятельствам, содеянное следует квалифицировать как приготовление...» (п. 14).

Высказанные аргументы в полной мере относятся к коммерческому подкупу, но в отношении его привилегированного состава — мелкого коммерческого подкупа — существует особенность. Вне преде-

² Приговор Бежицкого районного суда г. Брянска № 1-284/2016 от 2 сентября 2016 г. по делу № 1-284/2016. URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 09.02.2018).

лов уголовного закона в любом случае остаются предложение или обещание передачи предмета подкупа стоимостью меньше 10 тыс. рублей, поскольку данный состав преступления относится к преступлениям небольшой тяжести, а уголовная ответственность за приготовление к преступлению возможна лишь по тяжким и особо тяжким преступлениям.

Определение момента окончания преступления, предусмотренного ст. 204² УК РФ, совершенного путем указания о передаче предмета подкупа иному физическому или юридическому лицу, имеет некоторые особенности.

Получение подкупа путем данного виновным указания передать его иному физическому или юридическому лицу следует считать оконченным с момента адресованной подкуподателю или посреднику просьбы или требования передать другим лицам хотя бы часть подкупа. Указанию о передаче предмета подкупа другим лицам предшествует сговор о его даче и получении. Само указание может быть сделано устно, а также с использованием телефона и сети Интернет.

Субъект первой части рассматриваемой уголовно-правовой нормы — общий. Это физическое вменяемое лицо, достигшее 16-летнего возраста (для лица, дающего предмет подкупа). Получателем незаконного вознаграждения выступает специальный субъект — лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой и иной организации. Лицом, выполняющим управленческие функции, следует считать лицо, постоянно, временно либо по специальному полномочию выполняющее организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции в коммерческой организации, а также в некоммерческой организации, не являющейся государственным органом, органом местного самоуправления, государственным или муниципальным учреждением. Содержание организационно-распорядительных или административно-хозяйственных функций, выполняемых конкретным лицом, находит отражение в уставных документах организации (Устав, иные учредительные

документы), а также в локальных актах этой организации.

Субъект квалифицированного состава мелкого коммерческого подкупа — специальный, лицо, ранее привлекавшееся к уголовной ответственности и имеющее судимость за коммерческий подкуп, посредничество в коммерческом подкупе, мелкий коммерческий подкуп.

Субъективная сторона данного преступления характеризуется умышленной формой вины, а именно прямым умыслом. Обе стороны незаконной сделки осознают характер своих действий, незаконность получаемого (передаваемого) вознаграждения и обусловленность такого вознаграждения выполняемыми получателем функциями. Целью передачи предмета подкупа является побуждение лица, выполняющего управленческие функции в коммерческой или иной организации совершить действие (бездействие), направленное на удовлетворение подкупающим своих интересов (интересов указанных им лиц), на получение определенной выгоды от выполнения подкупаемым действия или бездействия в связи с занимаемым им положением в организации. Мотив мелкого коммерческого подкупа, как правило, корыстный, однако следует иметь в виду, что данный признак субъективной стороны применительно к составу мелкого коммерческого подкупа не имеет уголовно-правового значения и при квалификации не учитывается.

Список литературы

1. Багмет А. М., Бычков В. В. Квалификация и расследование преступлений, связанных с подкупом : учеб. пособие. М., 2014.
2. Тумаркина Л. П. Уголовная ответственность за коммерческий подкуп : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007.
3. Цугленок Н. Н. Получение предмета коммерческого подкупа : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2006.
4. Кузнецова И. А. Ответственность за коммерческий подкуп : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003.
5. Макаров С. Д. Уголовная ответственность за коммерческий подкуп : учеб. пособие. Иркутск, 2001.

УДК 343.13

С. А. ТАБАКОВ

ПРОИЗВОДСТВО ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ПРОВЕРКИ И ДОЗНАНИЯ ПО ФАКТУ МЕЛКОГО КОММЕРЧЕСКОГО ПОДКУПА

В статье рассматриваются вопросы проверки сообщения о преступлении, предусмотренном ст. 204² УК РФ, а также особенности производства отдельных процессуальных действий по уголовным делам, возбуждаемым по факту мелкого коммерческого подкупа. Обращается внимание на использование результатов оперативно-розыскной деятельности при формировании сведений, позволяющих принять решение о возбуждении уголовного дела по данному преступлению. Делается также акцент на обстоятельства, которые подлежат установлению в ходе производства процессуальных действий.

Ключевые слова: мелкий коммерческий подкуп; возбуждение уголовного дела; оперативный эксперимент; участник уголовного судопроизводства; следователь.

Федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 324-ФЗ в Уголовный кодекс Российской Федерации (далее — УК РФ) были внесены изменения, предусмотревшие новый состав преступления, закрепленный в ст. 204² УК РФ. Указанная норма ввела уголовную ответственность за совершение мелкого коммерческого подкупа.

Одновременно с этим законодателем скорректированы положения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ), регламентирующие правила подследственности. В итоге на сегодняшний день производство предварительного расследования по ст. 204² УК РФ возлагается на дознавателей органов внутренних дел.

Мелкий коммерческий подкуп является разновидностью обычного коммерческого подкупа, отнесенного к подследственности органов предварительного следствия. В связи с этим у органов дознания нет устоявшейся практики расследования подобных составов преступлений и в части оценки материалов, полученных в результате оперативно-розыскной деятельности и представленных дознавателю для решения вопроса о возбуждении уголовного дела, имеются спорные вопросы, касающиеся производства отдельных процессуальных действий.

Действующий закон указывает различные поводы для решения вопроса о возбуждении уголовного дела. Большинство из них могут быть отправной точкой для проверки информации о преступлении, предусмотренном ст. 204² УК РФ. Вместе с тем анализ складывающейся практики свидетельствует, что в качестве распространенного повода выступают результаты оперативно-розыскной деятельности, оформленные рапортом об обнаружении признаков преступления. Это обусловлено тем, что преступление, предусмотренное ст. 204² УК РФ, как правило, выявляется в ходе оперативно-розыскной деятельности. Рапорт составляется лицом, проводившим оперативно-розыскные мероприятия, направленные на проверку информации о мелком коммерческом подкупе, или иным должностным лицом органа внутренних дел, получившим сведения об указанном преступлении (п. 3 ч. 1 ст. 140 УПК РФ).

Как следует из требований закона, проверка сообщения о преступлении направлена на закрепление обстоятельств, указывающих на наличие признаков преступления. Проверка по каждому отдельно взятому составу преступления обусловлена его спецификой, теми уголовно-правовыми признаками, установление которых необходимо для принятия окончательного решения стадии возбуждения уголовного дела. Не является исключением и мелкий коммерческий подкуп. В связи с этим можно выделить ряд значимых обстоятельств, которые должны найти отражение в материалах проверки. В частности, должностному лицу, проводящему проверку сообщения о преступлении, предусмотренном ст. 204² УК РФ, необходимо установить обстоятельства, свидетельствующие о наличии субъекта преступления. При этом следует учитывать, что мелкий коммерческий подкуп характеризуется незаконной передачей и незаконным получением предмета подкупа. Значит, проверка сообщения о преступлении может осуществляться как в отношении подкуподавателя, так и в отношении подкупополучателя.

Лицо, незаконно *получившее* предмет подкупа, имеет определенную уголовно-правовую характеристику. Как обозначено в ч. 1 ст. 204 УК РФ, незаконная передача предмета коммерческого подкупа осуществляется лицу, выполняющему управленческие функции в коммерческой или иной организации. В связи с этим в материалах предварительной проверки должны содержаться сведения о том, что лицо правомочно выполнять указанные функции. Об этом могут свидетельствовать такие документы, как: устав организации или иные документы, закрепляющие возможность осуществления ею функций, способных удовлетворить интересы лица, передавшего предмет коммерческого подкупа, приказ руководителя организации о назначении на должность данного субъекта, должностная инструкция, определяющая объем его прав, обязанностей и ответственность. К материалам проверки сообщения о преступлении также целесообразно приобщить выдержки из нормативных правовых актов (федеральных за-

конов, подзаконных нормативных актов), предусматривающих допустимость осуществления коммерческой или иной организацией того вида деятельности, который охватывается интересами лица, передавшего незаконное вознаграждение.

Установление каких-либо специальных признаков, характеризующих субъекта преступления, *передавшего* предмет подкупа, не требуется (достаточно, чтобы это лицо достигло возраста уголовной ответственности).

Кроме того, до принятия решения о возбуждении уголовного дела должностное лицо обязано получить сведения, характеризующие предмет коммерческого подкупа (деньги, ценные бумаги, имущество, факт оказания услуг имущественного характера, предоставления имущественных прав). В частности, если речь идет о денежных средствах, то в материалах проверки сообщения о преступлении должны содержаться данные о том, что их сумма не превышает 10 тыс. рублей. Данный факт может подтверждаться денежными купюрами, представленными по результатам проведения оперативно-розыскных мероприятий по выявлению и документированию мелкого коммерческого подкупа. Если речь идет о ценных бумагах, ином имуществе, переданном в качестве предмета коммерческого подкупа, то их стоимость также не должна превышать 10 тыс. рублей. В процессе проверки сообщения о преступлении стоимость имущества может быть установлена посредством назначения и производства соответствующей экспертизы или путем приобщения документов, позволяющих определить такую стоимость.

На момент рассмотрения сообщения о преступлении следует учитывать требования ст. 23 УПК РФ, согласно которой, если деяние, предусмотренное главой 23 УК РФ (ст. 204² УК РФ размещена в главе 23 УК РФ), причинило вред интересам исключительно коммерческой или иной организации, не являющейся государственным или муниципальным предприятием либо организацией с участием в уставном (складочном) капитале (паевом фонде) государства или муниципального образования, и не причинило вреда интересам других организаций, а также интересам граждан, общества или государства, то уголовное дело возбуждается по заявлению руководителя данной организации или с его согласия.

В процессе рассмотрения сообщения о преступлении может возникнуть сложность в оценке обстоятельств, когда вред причиняется не только коммерческой организации, но и государству в связи с участием в уставном (складочном) капитале (паевом фонде) этой организации. Для более отчетливого понимания указанной ситуации приведем выдержку из решения Верховного Суда РФ. В частности, он обозначил, что ГКС «Павелецкая» является структурным подразде-

лением ООО «Мострансгаз», входящего в состав ООО «Газпром», около 40 процентов акций которого принадлежит государству. Это обстоятельство свидетельствует о том, что отсутствие заявления либо согласия руководителя ООО «Мострансгаз» в данном случае не является препятствием для возбуждения уголовного дела¹.

Таким образом, участие государства в формировании уставного капитала коммерческой или иной организации позволяет принять решение о возбуждении уголовного дела по факту мелкого коммерческого подкупа без заявления ее руководителя или получения от него на это соответствующего согласия.

Как ранее отмечалось, установление признаков мелкого коммерческого подкупа в большинстве случаев возможно в результате проведения оперативно-розыскных мероприятий. В юридической литературе вполне обоснованно констатируется, что отнесение ст. 204² УК РФ к преступлениям небольшой тяжести вводит ряд ограничений, связанных с проведением оперативно-розыскных мероприятий и документированием их результатов [1, с. 23].

В частности, обобщение практики расследования мелкого коммерческого подкупа позволяет констатировать, что в большинстве случаев он является в рамках проведения таких оперативно-розыскных мероприятий, как «наблюдение» и «оперативный эксперимент». Следует иметь в виду, что согласно ст. 8 ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» *проведение оперативного эксперимента допускается только в целях выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия преступления средней тяжести, тяжкого и особо тяжкого преступления*. Преступление, предусмотренное ст. 204² УК РФ, относится к категории преступлений небольшой тяжести. В связи с этим законодатель устанавливает запрет на использование результатов оперативно-розыскной деятельности, проводимой за пределами допустимой категории преступления.

Производству данных мероприятий предшествует составление необходимых документов, позволяющих оценить законность и обоснованность таких мероприятий. В частности, к их числу может относиться постановление о проведении оперативно-розыскного мероприятия. По общему правилу, в этом и других документах должностные лица оперативных подразделений отражают квалификацию того уголовно-правового деяния, признаки которого документируются в ходе оперативно-розыскной деятельности. Таким образом, если на момент получения сообщения о коммерческом подкупе оперативным сотрудникам известно, что это деяние содержит признаки преступления, предусмотренного ст. 204² УК РФ (размер подкупа не превышает 10 тыс. рублей), и это находит свое отражение в соответствующих документах, проведе-

¹ Надзорное определение Верховного Суда РФ № 6 ДП06-15 от 27 сентября 2006 г. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

ние оперативно-розыскных мероприятий, ограниченной категорией преступления начиная от средней тяжести, недопустимо.

Вместе с тем практикой признается возможным производство оперативного эксперимента и при отсутствии сведений о конкретном размере коммерческого подкупа. Например, в одном из приговоров, вынесенных по результатам рассмотрения уголовного дела по факту совершения преступления, предусмотренного ст. 204² УК РФ, суд, оценивая результаты оперативного эксперимента, указал, что «все действия, проводимые в рамках оперативно-розыскных мероприятий, и их результаты были зафиксированы в соответствии с действующим законодательством, подтверждаются представленными документами, такими как рапорт о проведении оперативно-розыскного мероприятия в отношении врача-хирурга Кудрявцевой О. М. в целях проверки оперативной информации о незаконном предоставлении ею через свою медсестру по имени «Н» здоровым гражданам листов временной нетрудоспособности за денежное вознаграждение»².

Оценивая допустимость использования результатов оперативно-розыскной деятельности, необходимо обращать внимание на соблюдение процедуры их представления дознавателю. В частности, она должна соответствовать требованиям, предъявляемым Инструкцией о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд, утвержденной приказом МВД России от 27 сентября 2013 г. № 776³. Отсутствие каких-либо оперативно-служебных документов, подлежащих обязательному составлению согласно данному ведомственному нормативному акту, может повлечь признание сведений, полученных в результате оперативно-розыскной деятельности, недопустимыми доказательствами.

Установление признаков мелкого коммерческого подкупа невозможно без проверки сообщения о данном преступлении путем производства процессуальных действий, закрепленных в ч. 1 ст. 144 УПК РФ. В частности, дознавателем должны быть получены объяснения от лица, осуществившего мелкий коммерческий подкуп (передавшего денежные средства или иные материальные объекты для достижения незаконных целей); лица, получившего незаконное вознаграждение; сотрудника оперативного подразделения, документировавшего преступную деятельность; лиц, привлеченных для участия в качестве представителей общественности в оперативно-розыском мероприятии. Объяснения могут быть получены и от иных лиц, которым известны какие-либо обстоятельства совер-

шенного преступления. Уголовно-правовая характеристика мелкого коммерческого подкупа предполагает выяснение следующих обстоятельств:

— должностного положения лица, получившего незаконное вознаграждение (наименование должности, временной период, в течение которого лицо находится в должности, правовой акт, которым лицо назначено на эту должность);

— перечень должностных обязанностей, возлагаемых на лицо, получившее незаконное вознаграждение (сведения о том, что должностные обязанности лица связаны с осуществлением управленческих функций в организации и имеется возможность в выполнении действий в пользу заинтересованного в них лица);

— обстоятельства, при которых произошло обращение лица, передавшего (получившего) предмет коммерческого подкупа, к лицу, получившему (передавшему) незаконное вознаграждение (дата, время, место обращения с просьбой о выполнении незаконных требований, обсуждаемая стоимость предмета коммерческого подкупа);

— обстоятельства, связанные с производством оперативно-розыскного мероприятия и задержанием лица, передавшего (получившего) предмет мелкого коммерческого подкупа (наименование оперативно-розыскного мероприятия, время, место его производства, данные о лицах, привлеченных к его проведению, использованные технические средства и иные данные, касающиеся порядка его проведения).

Установлению признаков преступления, предусмотренного ст. 204² УК РФ, будет также способствовать приобщение документов, имеющих значение для принятия итогового решения в стадии возбуждения уголовного дела по факту мелкого коммерческого подкупа. Они могут быть получены путем направления соответствующих запросов. К числу таковых можно отнести документы, подтверждающие:

— допустимость предоставления коммерческой или иной организацией услуг (порядок и условия их предоставления), которые могли быть оказаны лицу, передавшему предмет подкупа, а также нахождение в должности лица, получившего предмет подкупа, объем должностных обязанностей субъекта получения предмета подкупа;

— наличие банковских счетов и движение денежных средств в ситуации, когда денежные средства, являющиеся предметом мелкого коммерческого подкупа, были перечислены на банковский счет подкупополучателя. В данном случае необходимо истребовать справки о движении данных денежных средств по операциям и расчетным счетам лиц, совершивших

² Приговор Центрального районного суда г. Новокузнецка № 22-1175/2017 от 14 марта 2017 г. URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 28.01.2018).

³ Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд: приказ МВД России, Минобороны России, ФСБ России, ФСО России, ФТС России, СВР России, ФСИН России, ФСКН России, СК России от 27 сентября 2013 г. № 776/703/509/507/1820/42/535/398/68. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

преступление (ст. 26 Федерального закона от 2 декабря 1990 г. № 395-1 «О банках и банковской деятельности»);

— наличие или отсутствие судимости у лица, предоставившего незаконное вознаграждение (и его получившего, если в его действиях также содержатся признаки мелкого коммерческого подкупа), за совершение преступлений, предусмотренных ст. ст. 204, 204¹, 204² УК РФ. Выяснение данного обстоятельства будет являться необходимым условием для принятия решения о возбуждении уголовного дела по ч. 2 ст. 204² УК РФ.

В целях закрепления обстановки, в которой происходила передача предмета мелкого коммерческого подкупа, возможного обнаружения следов преступления (например, упаковки, используемой для передачи денежных средств) может быть произведен осмотр помещения (например, рабочего кабинета) лица, получившего денежные средства или иное имущество. Данное следственное действие целесообразно производить в той ситуации, когда денежные средства или иные материальные ценности, использованные в качестве предмета мелкого коммерческого подкупа, не были изъяты при проведении оперативных мероприятий. Кроме того, в ходе осмотра места происшествия могут быть изъяты документы, предназначенные для совершения действий в пользу лица, заинтересованного в их выполнении (договоры, свидетельства и т. д.). Следует иметь в виду, что какие-либо поисковые действия, выполняемые в ходе осмотра места происшествия, должны носить минимальный характер. В частности, данное следственное действие не предполагает вскрытие сейфов, запираемых шкафов, других элементов мебели, доступ к которым в силу их конструктивных особенностей ограничен. Вместе с тем в ходе такого осмотра допускается ознакомление с содержанием канцелярских папок, журналов, фиксирующих оперативно-хозяйственную деятельность юридического лица, свободно открываемых ящиков стола, шкафов и других элементов мебели.

Расследование мелкого коммерческого подкупа невозможно без производства допроса. Формируя показания, правоприменитель должен отметить некоторые значимые для рассматриваемого состава преступления обстоятельства. В частности, следует обратить внимание на отсутствие действий, связанных с вымогательством мелкого коммерческого подкупа. Так, в процессе допроса сотрудников полиции необходимо выяснить, действовало ли лицо, предоставившее предмет мелкого коммерческого подкупа, добровольно, без какого-либо физического или психологического воздействия со стороны третьих лиц.

При производстве допроса может прослушиваться фонограмма переговоров подкупополучателя и лица, незаконно предоставившего предмет подкупа, за совершение действий в его пользу.

Если предмет коммерческого подкупа был передан посредником, его необходимо допрашивать в

качестве свидетеля, так как он не подлежит уголовной ответственности за совершенные им действия. При разьяснении такому свидетелю перед началом допроса его процессуальных прав и ответственности, в частности права отказаться свидетельствовать против самого себя, своего супруга (супруги) и других близких родственников (ст. 51 Конституции РФ, п. 1 ч. 4 ст. 56 УПК РФ), необходимо обратить внимание на то, что действия по передаче предмета подкупа не образуют состава преступления и показания об обстоятельствах передачи им такого предмета не могут быть использованы для привлечения его к уголовной ответственности. В силу этого его отказ от дачи показаний о данных обстоятельствах, когда он не обусловлен возможностью использования этих показаний против его супруга или близких родственников, влечет наступление уголовной ответственности по ст. 308 УК РФ.

Согласно требованиям закона предметы и документы, приобретаемые к уголовному делу в качестве вещественного доказательства, подлежат обязательному осмотру (ч. 2 ст. 81 УПК РФ). По факту совершения мелкого коммерческого подкупа предметом осмотра могут выступать следующие объекты:

а) аудиозапись переговоров или видеозапись передачи предмета мелкого коммерческого подкупа, полученные при проведении оперативно-розыскных мероприятий. Стоит подчеркнуть, что по результатам прослушивания фонограммы в протоколе осмотра достаточно дословно отразить лишь ту часть переговоров, которая имеет значение для уголовного дела. Осмотр и прослушивание фонограммы может производиться в присутствии лиц, чьи переговоры записаны. В процессе осмотра и фиксации сведений, содержащихся в фонограмме и видеозаписи, участие специалиста не обязательно.

Электронный носитель информации (компакт-диск, USB-накопитель), содержащий видеозапись дачи/получения подкупа, или аудиозапись, на которой зафиксированы переговоры лиц, совершающих преступление, после осмотра и признания его вещественным доказательством хранится при уголовном деле.

б) денежные средства (ценные бумаги, имущество), которые использовались в качестве предмета коммерческого подкупа. При осмотре денежных средств необходимо указать общее количество купюр, номинал и серийный номер каждой купюры. Поскольку купюры обладают индивидуальными признаками, имеющими значение для уголовного дела, они должны храниться при уголовном деле (подп. «б» п. 4 ч. 2 ст. 82 УПК РФ). Вместе с тем в разьяснениях Верховного Суда РФ можно встретить ряд положений, предусматривающих необходимость возвращения денежных средств их владельцу. В частности, это может быть в ситуации, когда лицо вынужденно передало деньги, являющиеся предметом коммерческого подкупа, в состоянии крайней необходимости или

в результате психического принуждения, когда отсутствовали иные законные средства для предотвращения причинения вреда правоохраняемым интересам владельца имущества. Денежные средства также возвращаются их владельцу, когда лицо, в отношении которого были заявлены требования о коммерческом подкупе, добровольно заявило об этом органу, имеющему право возбуждать уголовное дело либо осуществлять оперативно-розыскную деятельность, и передача денежных средств производилась под контролем в целях задержания с поличным лица, заявившего такие требования¹. В случае возврата денежных средств их владельцу в процессе осмотра следует произвести фотографирование данных купюр либо сделать ксерокопию.

Объектом осмотра в процессе предварительного расследования могут быть также предметы, не подлежащие приобщению к материалам уголовного дела в качестве вещественного доказательства. В частности, таким объектом являются сотовые телефоны подкуподателя и подкупополучателя. Их осмотр необходим для фиксации переписки, касающейся обстоятельств мелкого коммерческого подкупа, а также установления факта перевода денежных средств на банковский или иной (например, мобильный) счет заинтересованного лица. Для осмотра информационной среды сотового телефона (связанной с просмотром имеющихся смс-сообщений, сведений, содержащихся в переписке посредством социальных сетей, мессенджеров и т. д.) не требуется согласия лица, которому принадлежит осматриваемый аппарат, а также судебного решения².

Если доступ к сведениям, содержащимся в информационной среде мобильного телефона, заблокирован, а его законный владелец отказывается предоставлять возможность их осмотреть, следует назначить соответствующую экспертизу. В дальнейшем в целях детализации телефонных звонков подкуподателя и подкупополучателя дознавателем может быть принято решение о проведении такого следственного действия, как получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами.

Отсутствует необходимость осматривать изъятые в процессе расследования организационно-правовые документы организации, подтверждающие в своей совокупности допустимость выполнения действий в пользу лица, осуществляющего мелкий коммерческий подкуп (например, устав организации, должностные инструкции и т. д.), так как они не обладают свойствами вещественных доказательств и используются в доказывании в качестве иного документа.

В целях изъятия и приобщения к материалам уголовного дела носителя информации, содержащего видеозапись факта передачи (получения) предмета коммерческого подкупа, организационно-правовых документов (устава организации, приказа о назначении на должность лица, должностных инструкций и т. д.), сотового телефона, ноутбука, системного блока может быть произведена их выемка.

Изъятие носителя информации, содержащего видеозапись факта передачи (получения) предмета коммерческого подкупа, путем производства выемки (обыска) допускается в той ситуации, когда эта видеозапись не была получена в рамках проведения оперативно-розыскных мероприятий и не представлена дознавателю с иными результатами оперативно-розыскной деятельности.

Согласно ч. 9¹ ст. 182 и ч. 3¹ ст. 183 УПК РФ при производстве обыска или выемки изъятие электронных носителей информации осуществляется с участием специалиста. В практической деятельности может возникнуть вопрос о целесообразности привлечения специалиста во всех случаях изъятия электронных носителей информации. Положения вышеуказанных норм УПК РФ какие-либо исключения из правила об обязательном участии специалиста при изъятии электронных носителей информации не содержат. В литературе отмечается, что участие специалиста в изъятии обнаруженных внешних накопителей на жестких магнитных дисках, компакт-дисков, карт флэш-памяти излишне. Такие объекты без какого-либо ущерба проведению расследования и интересам их владельца могут быть самостоятельно изъяты и упакованы следователем [2, с. 4].

Анализ судебной практики позволяет отметить, что суды поддерживают позицию органов предварительного расследования, согласно которой участие специалиста не всегда является обязательным при производстве обыска или выемки, сопровождающихся изъятием электронных носителей информации.

Так, рассматривая жалобу, в которой была поставлена под сомнение законность изъятия системного блока компьютера без участия специалиста, суд указал, что *по правовому смыслу ч. 3¹ ст. 183 УПК РФ участие специалиста в проведении указанного следственного действия направлено на обеспечение сохранности изымаемой информации и целостности электронных носителей, в интересах их законного владельца и производства по уголовному делу. Когда в ходе производства выемки был изъят весь системный блок, а ходатайство о копировании информации с этих носителей от собственника не поступало, отсутствие при производстве выемки специалиста не может быть основанием для признания неза-*

⁴ О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях : постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Прозоровского Дмитрия Александровича на нарушение его конституционных прав статьями 176, 177 и 195 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 25 января 2018 г. № 189-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

конными действий должностного лица, производившего выемку⁶.

С учетом специфики расследования мелкого коммерческого подкупа для дознавателя в большей степени доказательственное значение имеет не сам электронный носитель информации, а содержащиеся на нем сведения. В связи с этим при копировании имеющей значение для уголовного дела информации, изъятии носителей, являющихся частью других компьютерных устройств или подключенных к другому оборудованию, привлечение специалиста является обоснованным (например, изъятие карты памяти из видеозаписывающего устройства). В случае необходимости изъятия сотового телефона, планшетного компьютера, ноутбука участие специалиста не является целесообразным.

Специфика расследования мелкого коммерческого подкупа позволяет отметить, что основная часть доказательственной базы формируется на этапе провер-

ки сообщения о преступлении. В связи с этим дознаватель должен внимательно оценить законность, обоснованность производства оперативно-розыскных мероприятий, в рамках которых было выявлено данное преступление, а также обеспечить права участников проверки сообщения о преступлении, предусмотренные ч. 1¹ ст. 144 УПК РФ. Проведение процессуальных действий, имеющих место в ходе предварительного расследования, должно способствовать установлению обстоятельств, подчеркивающих уголовно-правовые особенности рассматриваемого состава преступления.

Список литературы

1. *Евтушенко Н. И., Иванов С. И.* Теория и практика применения статей 204² и 291² Уголовного кодекса Российской Федерации // *Общество и право*. 2017. № 2(60).
2. *Осипенко А. Н., Гайдин А. И.* Правовое регулирование и тактические особенности изъятия электронных носителей информации // *Вестник Воронежского института МВД России*. 2014. № 1.

⁶ Апелляционное постановление Ставропольского краевого суда № 22-1260/2014 от 20 марта 2014 г. по уголовному делу № 22К-1260/2014. URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 20.02.2018).

УДК 343.13

Е. Н. ЧЕМЕРИЛОВА

Особенности передачи похищенного транспортного средства на территорию Российской Федерации

Статья содержит алгоритм возврата на территорию Российской Федерации транспортного средства, являющегося вещественным доказательством по уголовному делу, находящемуся в производстве следователя органов внутренних дел. Изложены основные требования к содержанию соответствующего запроса об оказании правовой помощи, направляемого в компетентные органы иностранных государств. В основу положен обобщенный анализ требований Генеральной прокуратуры Российской Федерации и Следственного департамента Российской Федерации, предъявляемых к указанным запросам.

Ключевые слова: запрос об оказании правовой помощи по уголовным делам; возврат транспортного средства; компетентные органы иностранных государств.

При расследовании преступлений о кражах автомобилей, совершенных на территории Российской Федерации, следователи часто сталкиваются с ситуацией, когда похищенную автомашину обнаруживают на территории иностранного государства, зарегистрированную на нового владельца. Возникает необходимость ее возврата на территорию Российской Федерации в качестве вещественного доказательства по уголовному делу.

Следует отметить, что процесс возврата автотранспортных средств, находящихся за пределами РФ, является сложным и длительным. Процессуальным основанием возврата является направление запроса об оказании правовой помощи, составленного в соответствии с международными договорами и ст. ст. 453, 454 УПК РФ. Данный процесс условно состоит из двух этапов:

1 этап. Получив сообщение о задержании угнанного (похищенного) транспортного средства правоохранительными органами какого-либо государства, необходимо возобновить производство по делу, установить срок следствия и оформить поручение об оказании правовой помощи в адрес компетентных органов страны, на территории которой находится задержанное транспортное средство. К поручению в настоящее время предъявляются некоторые дополнительные требования:

— необходимо указать, что имеется информация о факте задержания похищенной автомашины, с приложением копии сообщения компетентного органа иностранного государства или другого источника;

— обязательно сформулировать просьбу об установлении наличия (либо отсутствия) лиц (физических или юридических), являющихся собственниками транспортного средства или в иной форме заявляющих свои права на похищенную автомашину; если эта информация присутствует в сообщении об обнаружении автотранспорта, то излагается просьба об ее подтверждении, в противном случае данные сведения запрашиваются у компетентных органов, занимающихся регистрацией автотранспорта на территории запрашиваемой стороны;

— следует изложить просьбу о допросе в качестве свидетелей установленных лиц, задав им вопросы об обстоятельствах приобретения автомашины с приложением к протоколу допроса копий документов, подтверждающих их права на автомобиль (обязательно должны быть получены ответы на следующие вопросы:

1. Считают ли они себя добросовестными приобретателями автотранспортного средства?

2. Имеют ли они намерение (желание) добровольно выдать автомашину для последующего ее возврата владельцу на территории Российской Федерации?).

— указать на необходимость допросить в качестве свидетелей лиц, задержавших автомашину;

— изложить просьбу о проведении экспертного исследования и осмотра транспортного средства с участием специалиста на предмет установления фактов изменения номерных обозначений, а также в целях его идентификации и возможности транспортировки; к тексту поручения должно быть приложено соответствующее постановление с указанием конкретных вопросов к эксперту;

— необходимо запросить информацию о наличии (либо отсутствии) уголовного дела, связанного с обнаружением похищенной автомашины, а также о том, не является ли выдача автомашины российской стороне препятствием при расследовании уголовного дела запрашиваемой стороной;

— целесообразно запрашивать копии материалов проверки или уголовного дела, связанных с обнаружением и задержанием похищенной автомашины, а также копии документов на автомашину, предоставленных лицом, управлявшим автомашиной в момент ее задержания, и копии документов, находящихся у лица, являющегося собственником. При необходимости изъятия оригиналов документов данная просьба должна быть обоснована, должны быть предоставлены гарантии возврата документов по первому требованию запрашиваемой стороны, а к тексту поручения следует приобщить соответствующее постановление о производстве выемки;

— к поручению необходимо приложить копии имеющихся в уголовном деле документов на похищенную автомашину (паспорт транспортного средства, свидетельство о регистрации транспортного средства и прочее), подтверждающих права ее законного владельца;

— запрос о возможности выдачи автомашины должен содержать просьбу о разъяснении национального законодательства запрашиваемой стороны, процедуры и порядка выдачи автомашины с указанием места и времени возможного ее получения¹.

2 этап. Получив ответ на поручение, содержащий согласие компетентных органов иностранного государства на выдачу автомобиля в правоохранительные органы России, направить соответствующее ходатайство (поручение) с изложением просьбы об изъятии автомашины (с приложением соответствующего постановления следователя о выемке (обыске), а также просьбы о согласовании непосредственно процесса возврата транспортного средства (т. е. с указанием, кому, где и когда может быть передана указанная автомашина). Только после получения положительного ответа можно оформлять командировочные документы для доставки угнанного (похищенного) транспортного средства с территории государства, где оно было задержано, на территорию Российской Федерации.

Главным препятствием при возвращении похищенного транспортного средства может стать спор о праве собственности на него, т. е. когда лицо, в распоряжении которого в настоящее время находится транспортное средство, не желает добровольно вернуть его прежнему законному владельцу. В этом случае вопрос о его возврате решается судом по иску заинтересованного лица в рамках гражданского судопроизводства, что означает необходимость подачи в суд иностранного государства по месту нахождения автомобиля искового заявления прежнему законным владельцем в целях признания автомобиля его собственностью и его возврата.

В связи с этим у следователя возникает обязанность разъяснить потерпевшему, что при отсутствии такого обращения вопрос о возврате не может быть разрешен.

Разберем пример невозможности возврата автомобиля в случае возникновения спора о праве собственности на данный автомобиль на конкретном примере.

В следственном подразделении УМВД России по г. Омску 19 февраля 2003 г. возбуждено уголовное дело в отношении неизвестных лиц по признакам преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 166 УК РФ, по факту угона в феврале 2003 г. с территории автостоянки автомобиля «MERSEDES BENZ S 420», принадлежащего гражданину Д². Впоследствии было установле-

но, что право собственности на автомобиль зарегистрировано в марте 2008 г. на имя гражданина Республики Казахстан М., проживающего в Республике Казахстан, (Жамбыльская область, г. Шу).

Учитывая, что М. претендует на право собственности на указанный автомобиль и не согласен с передачей его Д., спор о праве на имущество, являющееся вещественным доказательством, в соответствии с ч. 3 ст. 81 УПК РФ, подлежит разрешению в порядке гражданского судопроизводства.

В соответствии с Конвенцией о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 22 января 1993 г. (далее — Конвенция), Договаривающаяся Сторона обязуется по просьбе передавать предметы, которые могут иметь значение доказательств в уголовном деле. Вместе с тем права третьих лиц на переданные предметы остаются в силе (п. 3 ст. 78), в связи с чем эти предметы в любом случае должны быть безвозмездно возвращены Договаривающейся Стороне, которая их передала.

Автомобиль «MERSEDES BENZ S 420» в соответствии с направленным 4 сентября 2009 г. международным поручением был осмотрен, признан вещественным доказательством, помещен на ответственное хранение.

В соответствии со ст. 38 Конвенции право собственности на транспортные средства, внесенные в государственные реестры, определяется по законодательству Договаривающейся Стороны, на территории которой оно зарегистрировано, т. е. по законодательству Республики Казахстан, где имеется последняя регистрация (п. 2 ст. 38).

Кроме того, в соответствии с Конвенцией возникновение и прекращение права собственности на имущество определяется по законодательству той стороны, на территории которой имущество находилось в момент, когда имело место обстоятельство (в данном случае приобретение автомобиля и постановка на учет), послужившее основанием возникновения или прекращения такого права, т. е. Республики Казахстан (п. 3 ст. 38).

В соответствии со ст. 20 Конвенции иски к лицам (в данном случае к гражданину Республики Казахстан М.), имеющим место жительства на территории одной из Договаривающихся Сторон, предъявляются в суды этой Договаривающейся Стороны, т. е. по месту жительства ответчика (в Шуский суд Республики Казахстан).

Таким образом, правовых оснований для изъятия и перемещения через государственную границу автомобиля нет, вопрос о праве собственности подлежит разрешению путем подачи иска в порядке гражданского судопроизводства в суд по месту жительства гражданина М. (Шуский суд Республики Казахстан).

¹ Методические рекомендации Следственного департамента МВД России о порядке подготовки и направления запросов об оказании правовой помощи в иностранные государства от 20 апреля 2016 г. № 17/1-9744.

² Архив ОП № 10 УМВД России по г. Омску, уголовное дело № 329468.

УДК 343.13

Н. П. ЕФРЕМОВА**Изложение доказательств в обвинительном заключении**

Рассматриваются подходы к составлению обвинительного заключения в части изложения доказательств, подтверждающих обвинение, и доказательств, на которые ссылается сторона защиты. Высказано мнение о праве следователя формулировать в обвинительном заключении выводы по оценке доказательств.

Ключевые слова: обвинительное заключение; доказательства; обвинение; форма обвинительного заключения.

Сущность и значение такого документа, как обвинительное заключение, не оставались неизменными на разных этапах развития уголовно-процессуального законодательства. В период действия УПК РСФСР обвинительное заключение традиционно содержало существо и формулировку обвинения, в нем излагались доказательства, которые были установлены по делу, прилагался список лиц, подлежащих вызову в судебное заседание, и справка по уголовному делу. В УПК не содержалось требования о выражении итоговой оценки доказательств посредством их анализа, тем не менее, в следственной практике того времени обвинительные заключения нередко содержали именно анализ доказательств. Немаловажно, что содержание обвинительного заключения было прообразом приговора. По существу, в ходе судебного разбирательства проверялось то, что было изложено в обвинительном заключении. Достаточно широко и без особых запретов в приговоре использовались доказательства, полученные в досудебном производстве. Таким образом, суд продолжал линию уголовного преследования, начатую органами расследования.

Современное судебное следствие подчинено состязательным началам. Установлен иной порядок исследования доказательств в суде с участием сторон, важнейшей составляющей судебного следствия стало непосредственное исследование доказательств, появились дополнительные условия, при которых могут быть использованы доказательства досудебного расследования.

В литературе высказываются различные мнения о современном значении обвинительного заключения и необходимости такого документа в уголовном судопроизводстве.

Так, С. А. Соловьев не видит процессуальной ценности обвинительного заключения ни для суда, ни для прокурора, ни для защитника и предлагает ввести в УПК РФ норму, в соответствии с которой следователь после завершения выполнения требований ст. ст. 216–217 УПК РФ выносит постановление, утверждаемое руководителем следственного органа, в котором указывает, в какой суд в соответствии с тре-

бованием ст. ст. 31 и 32 УПК РФ направляется для рассмотрения по существу законченное расследованием уголовное дело [1, с. 28–33]. В таком постановлении нет изложения доказательств (даже в форме перечня), полученных органами расследования, они — в материалах дела. Изложенная позиция кажется нам интересной, такое изменение в УПК РФ, на наш взгляд, не будет противоречить назначению уголовного судопроизводства. Однако законодатель избрал другой путь.

Обвинительное заключение сегодня — не только итоговый документ органов расследования, это документ, связывающий досудебное производство, подчиненное розыскным началам, с судебным состязательным процессом. И этому вполне соответствовала первая редакция УПК РФ, по которой обвинительное заключение должно было содержать в себе перечень доказательств, подтверждающих обвинение, а также перечень доказательств, на которые ссылается сторона защиты. Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 5 марта 2004 г. № 1 было разъяснено, что под перечнем доказательств понимается не только ссылка в обвинительном заключении на источники доказательств, но и приведение их краткого содержания, поскольку по УПК РФ доказательства представляют собой единство содержания и формы¹. Спустя 5 лет Федеральным законом от 9 марта 2010 г. № 19-ФЗ были внесены изменения в пп. 5 и 6 ч. 1 ст. 220 УПК РФ. Пункт 5 сформулирован в следующей редакции: «Перечень доказательств, подтверждающих обвинение, и краткое их содержание»; пункт 6 — «Перечень доказательств, на которые ссылается сторона защиты, и краткое изложение их содержания»².

Логика законодателя, считающего нужным указывать в обвинительном заключении лишь перечень доказательств, понятна, если рассматривать назначение обвинительного заключения с позиций состязательного уголовного процесса как документ, связывающий досудебное и судебное производство. Однако закон изменен, и современные обвинительные заключения в части изложения доказательств, по сути, являются зеркальным отражением доказательств, содержащихся в уголовном деле. В части изложения доказа-

¹ О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 5 марта 2004 г. № 1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 9 марта 2010 г. № 19-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

тельственной базы обвинительные заключения в уголовных делах стали похожи на обвинительные заключения периода действия УПК РСФСР. Особенно это касается показаний участников процесса. Чаще всего они абсолютно идентичны содержанию протоколов допроса в досудебном производстве. Пожалуй, именно отражение в обвинительном заключении показаний в полном объеме следует признать избыточным.

В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2016 г. № 55 «О судебном приговоре» отмечено, что выводы суда, изложенные в описательно-мотивировочной части приговора, постановленного в общем порядке судебного разбирательства, должны быть основаны на тех доказательствах, которые были непосредственно исследованы в судебном заседании и нашли отражение в протоколе судебного заседания. Разъяснено, что суд не вправе оглашать без согласия сторон показания не явившихся потерпевшего или свидетеля, воспроизводить в судебном заседании материалы видеозаписи или киносъемки следственных действий, проведенных с их участием, а также ссылаться в приговоре на эти доказательства, если подсудимому в предыдущих стадиях производства по делу не была предоставлена возможность оспорить показания указанных лиц предусмотренными законом способами³. Сказанное добавляет аргументы в пользу того, что развернутое отражение содержания показаний в обвинительном заключении излишне. Соответственно, показания, полученные от участников процесса следователем, могут оказаться неостребованными в судебном разбирательстве именно как самостоятельные доказательства. Поскольку если оценивать их значение в целом по результатам расследования, то их ценность в формулировании обвинения, определяющего пределы судебного разбирательства, высока. Материалы досудебного производства, безусловно, имеют значение для разбирательства дела в суде, но это не означает необходимости отражения их содержания в полном объеме именно в обвинительном заключении.

В пункте 8 постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебном приговоре» прямо говорится о недопустимости перенесения в приговор показаний допрошенных по уголовному делу лиц, содержания других доказательств из обвинительного заключения или обвинительного акта без учета результатов проведенного судебного разбирательства.

Кроме того, отметим, что предмет показаний в досудебном и в судебном производстве может быть разным. В досудебном производстве, например, при допросе подозреваемого впервые следователь выясняет ряд обстоятельств, которые не вполне относятся к существу подозрения (обвинения), в том числе при доказывании в суде. Приведу пример начала изложения показаний «по вышеуказанному адресу прожи-

ваю... Моя сестра проживает в городе...» и т. д. Следователь выясняет эти обстоятельства, в частности, для целей установления местонахождения подозреваемого, если он не является по вызову или скрывается от следствия. В показаниях могут быть отражены и сведения, относящиеся к проверке неподтвержденных версий, и т. п.

Обвинительное заключение определяет только пределы обвинения (по лицам и преступным деяниям), но не устанавливает пределы исследования фактических обстоятельств дела в суде. Например, в судебном заседании по ходатайству сторон могут быть допрошены новые свидетели, представлены и исследованы новые документы. Данные доказательства могут подтверждать или опровергать установленные в ходе расследования обстоятельства или свидетельствовать об установлении новых обстоятельств [2, с. 66]. Может оказаться, что доказательственная база по делу изменится принципиально, тогда тем более непонятно, зачем для суда столь детальное изложение содержания доказательств в обвинительном заключении.

Коль скоро изложение доказательств в обвинительном заключении остается его составляющей, безусловно, формируется определенная практика их изложения. Казалось бы, ничего сложного — назвать доказательство и раскрыть его содержание, однако, проблемы возникают. Приведем пример из практики.

Прокурору поступило уголовное дело с обвинительным заключением для его утверждения. В обвинительном заключении не были приведены показания обвиняемого как подтверждающие обвинение (обвиняемый признал обвинение), в то же время они были приведены в части доказательств, на которые ссылается сторона защиты. Прокурор полагал, что в таком случае имеется основание для возвращения дела для дополнительного расследования, поскольку обвинительное заключение составлено с нарушением УПК РФ. Является ли такое приведение доказательств нарушением УПК РФ и основанием возвращения дела следователю для пересоставления обвинительного заключения?

При изложении доказательств возникают и другие вопросы, например, вправе ли следователь самостоятельно определить и перечислить доказательства, на которые ссылается сторона защиты, оценить эти доказательства; отразить в обвинительном заключении, какие именно доказательства (в том числе и доказательства обвинения) следователь считает недопустимыми, основания для этого; в каком порядке изложить доказательства и т. д.

Изучение обвинительных заключений позволило эти проблемы увидеть, равно как и определить подходы к изложению доказательств.

Итак, в обвинительном заключении приводятся доказательства (источник и содержание) с указа-

³ О судебном приговоре : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2016 г. № 55 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 1.

нием на листы дела. Но это не подразумевает точного воспроизведения содержания протоколов следственного действия. Так, показания могут быть сокращены и содержать лишь сведения, непосредственно подтверждающие обвинение. Протоколы следственных действий приводятся традиционно с указанием выводов, полученных в результате их производства, например, что изъято при обыске, выемке. Что касается документов, то указывается их основное для обвинения содержание.

Как показывают опросы следователей, при определении перечня и порядка изложения доказательств они проявляют самостоятельность. Следователь вправе привести в обвинительном заключении не все доказательства обвинения, полученные в ходе расследования, не включить в обвинительное заключение доказательство, которое получено с нарушением УПК РФ, если считает, что его нужно исключить из объема доказательств обвинения; если свидетель, потерпевший, подозреваемый допрошены неоднократно, привести только отдельные показания. Следователь вправе выстроить доказательства в той очередности, какую он считает необходимой для убедительного подтверждения обвинения. Так, если использование специальных знаний по обстоятельству, подлежащему доказыванию, отражено в акте исследования, заключении специалиста, заключении эксперта, то, по сложившейся практике, приводятся все доказательства. Если по установлению конкретного факта обстоятельства противоречивы, но противоречия устранены получением новых доказательств, следователь описывает их таким образом, чтобы показать, какое доказательство подтверждено, а какое опровергнуто.

Каких-то особых правил в последовательности изложения доказательств в УПК РФ не предусмотрено, но они очевидно выработаны практикой.

Невозможно применить одинаковый алгоритм для изложения доказательств в обвинительном заключении, так как по разным видам преступлений он может быть различным. Например, по делам об экономических преступлениях в сфере предпринимательской деятельности акцент будет сделан на документах. По делам о незаконных операциях с наркотическими средствами, если в основу обвинения положены доказательства, сформированные по результатам ОРД, акцент будет сделан на результатах ОРД.

В классической литературе назывались три основных способа изложения доказательств в обвинительном заключении: хронологический, систематический или смешанный. С. П. Ефимичев и П. С. Ефимичев, характеризуя эти способы, исходили из деления доказательств на прямые и косвенные, а также учета признания или непризнания вины обвиняемым [3, с. 13–18].

В современной практике хронологический порядок изложения доказательств по мере их получения в ходе расследования (в соответствии с датами) имеет место. В таких обвинительных заключениях изложе-

ние доказательств начинается с заявления о преступлении или рапорта о совершенном или готовящемся преступлении, далее приводятся сведения из протокола осмотра места происшествия и т. д. Пожалуй, этот способ мало приемлем для выстраивания доказательств, подтверждающих обвинение, если имеются противоречия в доказательствах, если для вывода о виновности лица следователь через их перечень подтверждает, что совокупность доказательств достаточна для обвинения. Другой, наиболее распространенный способ изложения доказательств, — от показаний обвиняемого, признающего себя виновным, к другим показаниям, а затем к иным доказательствам. При таком способе доказательства излагаются, как правило, от прямых к косвенным.

Третий способ выстраивания доказательственной базы от доказательств, подтверждающих обстоятельства главного факта (событие преступления и виновность лица), к другим. Например, справка о возмещении вреда потерпевшему может быть указана в заключительной части перечисленных доказательств, подтверждающих обвинение.

Следующий способ можно назвать системным. Например, сведения о размере ущерба содержатся в различных документах и эти документы сгруппированы в отдельной части обвинительного заключения. В определенный блок включаются документы, связанные с использованием специальных знаний, например медицинская справка из больницы, акт обследования, заключение экспертизы. Если по одному и тому же вопросу имеется несколько заключений эксперта, они также излагаются в одном блоке доказательств.

Важно ответить на вопрос: «Если в приведенных следователем доказательствах содержатся противоречия по одному из обстоятельств, подлежащих доказыванию, вправе ли следователь представить анализ этих доказательств и выразить свое мнение по поводу достоверности того или иного доказательства?» Для ответа на вопрос приведем следующие положения.

1. Структура обвинительного заключения, установленная УПК РФ, не предполагает анализа доказательств, умозаключений следователя, приведения мотивов изложения доказательств обвинения в определенной последовательности. Следователь в обвинительном заключении представляет результат оценки доказательств, в отличие от приговора, в котором излагаются доказательства по вопросам, разрешаемым при постановлении приговора, и приводятся мотивы, по которым те или иные доказательства отвергнуты судом.

2. В соответствии со ст. 220 УПК РФ в обвинительном заключении следователь указывает перечень доказательств, подтверждающих обвинение, и краткое их содержание; перечень доказательств, на которые ссылается сторона защиты, и краткое их содержание. Никаких других требований к изложению доказательств не имеется, как нет и каких-либо запретов.

3. Обвинительное заключение — это документ стороны обвинения, это, прежде всего, решение органа расследования. Полагаем, следователь вправе дать оценку доказательствам, аргументировать свои выводы. Повторим, запрета для этого нет. На наш взгляд, в самой формулировке «доказательства, подтверждающие обвинение» скрыты право и возможность следователя обосновать вывод о достаточности доказательств, подтверждающих предъявленное обвинение, предоставляющий возможность передачи дела прокурору для предания суду.

При изучении дел обнаружили лишь два уголовных дела, по которым в обвинительных заключениях имеются выводы следователя по оценке доказательств. Поскольку подобные примеры очень редки, следует привести соответствующий фрагмент одного из заключений.

«Органы предварительного следствия полагают, что Ш. отказывается от дачи показаний... и при проведении очной ставки с потерпевшим О. дает ложные показания с целью избежать уголовной ответственности за содеянное, так как, несмотря на непризнание обвиняемым Ш. вины... совокупность и анализ имеющихся доказательств полностью подтверждают виновность Ш., в том что он совершил...»

К непризнанию Ш. своей вины органы следствия относятся критически, как к позиции защиты, опровергнутой свидетелем К. и протоколом предъявления Ш. ей для опознания, а также протоколами допросов свидетеля... потерпевшего... проведенными очными ставками... Установлено, что Ш. совершил преступление ... в отношении О.»⁴.

Рассмотрим вопрос об изложении в обвинительном заключении показаний обвиняемого (подозреваемого).

Во многих обвинительных заключениях после изложения показаний подозреваемого содержится фраза «обвиняемый дал аналогичные показания», а в целом ряде обвинительных заключений сначала описаны показания обвиняемого, а показания подозреваемого представлены после них в следующей редакции: «показания подозреваемого Д., который дал показания, аналогичные показаниям, данным им в качестве обвиняемого». Полагаем, что такое изложение показаний обвиняемого вряд ли возможно. Подозреваемый и обвиняемый, являющиеся одним лицом, как участники процесса со стороны защиты допрашивались в разных правовых условиях. Во-первых, разный уровень доказанности причастности к совершению преступления, во-вторых, в отношении обвиняемого в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого содержится изложение существа обвинения и его формулировка, после чего незамедлительно следует допрос обвиняемого по существу предъявленного обвинения. В то время как допрос подозреваемого осуществляется после принятия решений не о признании

подозреваемым, а иных, например, о задержании по подозрению в совершении преступления. Именно по основаниям принятия этих решений и осуществляется допрос. Показания подозреваемого и обвиняемого по этим основаниям не могут быть абсолютно аналогичными, аналогичность заключается вероятнее всего в том, что лицо признало, что совершило преступление и рассказало, при каких обстоятельствах.

На наш взгляд, следует признать правильной позицию тех следователей, которые приводят в обвинительном заключении показания как подозреваемого, так и обвиняемого. В связи с этим ответим на поставленный нами ранее вопрос о том, подлежит ли пересоставлению обвинительное заключение в том случае, если показания обвиняемого не указаны как доказательства, подтверждающие обвинение. Представляется, что в этом случае никакой ошибки по содержанию и форме обвинительного заключения не допущено. В соответствии с УПК РФ в обвинительном заключении приводится перечень и содержание доказательств, подтверждающих обвинение, и доказательств, на которые ссылается сторона защиты. Как уже было отмечено, именно следователь определяет, какие доказательства указать в подтверждение обвинения. Если в отсутствие показаний обвиняемого совокупность доказательств, подтверждающих обвинение, прокурор признает достаточной, он утверждает обвинительное заключение. Это не становится запретом для оглашения показаний обвиняемого в порядке, предусмотренном законом, в судебном разбирательстве.

Обвиняемый допрашивается по каждому квалифицирующему признаку, по каждому обстоятельству, указанному в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого. Поэтому целесообразно указать, в каком преступлении (преступлениях) с указанием пункта, части статьи УК РФ он признал себя виновным, хотя во многих изученных документах содержится неконкретная формулировка «в инкриминируемом деянии признал себя виновным». Следует ли повторять в обвинительном заключении показания, что называется, «слово в слово» или достаточно выделить существенные сведения относительно предъявленного обвинения?

Пример изложения показаний по уголовному делу: «Показания обвиняемого, который подтверждает показания, данные им в качестве подозреваемого, в полном объеме, а также признает вину в совершенном им преступлении полностью, а именно в покушении на незаконный сбыт наркотических средств, совершенном группой лиц по предварительному сговору, в крупном размере. Наркотическое средство «соль», которое было обнаружено и изъято у него при проведении его личного досмотра 19.01.2017 года действительно принадлежит ему, хранил его при себе с

⁴ Уголовное дело №11701520001001207. Следственный отдел ОРПТНО УМВД России по г. Омску СУ УМВД России по г. Омску за 2017 г.

целью дальнейшей реализации (сбыта), его ему никто не подбрасывал. Сбытом наркотического средства «соль» он занимался совместно со своей сожительницей П. с сентября 2016 года. В содеянном раскаивается». В данном случае в обвинительном заключении приведены показания не в полном объеме, они не являются абсолютной копией показаний, изложенных в протоколе допроса, а лишь отражают существо обвинения. Считаем это вполне допустимым и даже разумным. Требование излагать показания по возможности дословно относится к протоколу допроса, в обвинительном заключении, на наш взгляд, форма изложения доказательства может быть более свободной, но не искажающей существо показаний.

Другой пример. Если обвинение предъявлено по нескольким преступлениям или эпизодам преступной деятельности, то в допросе необходимо отразить отношение обвиняемого к каждому эпизоду обвинения. Так, при обвинении в присвоении и растрате по ст. 160 УК РФ показания подозреваемой в обвинительном заключении были сокращены настолько, что указан в общем лишь способ совершения преступления, а при каких обстоятельствах оно было совершено, не указано. А в строке «показания обвиняемой» содержится фраза «дала аналогичные показания». Полагаем, в данном примере содержание доказательства не отражено, как того требует закон.

Недопустимо объединять показания подозреваемого и обвиняемого, указывая одно содержание. В уголовном деле по обвинению Ч. показания подозреваемого и обвиняемого Ч. объединены в обвинительном заключении и представлены как одно доказательство, с указанием листов дела, на которых зафиксированы показания подозреваемого и обвиняемого «(л. д. 54–57, 106–108)»⁵.

Если по уголовному делу обвиняются несколько лиц, то доказательства, подтверждающие обвинение, приводятся в отношении каждого обвиняемого. В этом перечне следует указать и показания соучастников преступления. Таким образом, показания каждого обвиняемого, равно как и другие доказательства, будут названы неоднократно. Безусловно, это увеличивает объем обвинительного заключения, более того, не совсем понятно, в чем значение таких повторов. Возможно ли только назвать доказательство, не раскрывая его содержание, если оно уже было раскрыто в подтверждение обвинения другого лица. Приоритет в определении того, как изложить доказательства в таком обвинительном заключении, остается за следователем. Если он посчитает необходимым, то содержание доказательств будет повторяться неоднократно. В то же время полагаем допустимым привести содержание доказательства, подтверждающего обвинение, выдвинутое следователем, без повторения в отношении каждого обвиняемого. Некоторые рекомендации

по изложению доказательств вполне могут быть позаимствованы из постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебном приговоре»:

1. Когда несколько подсудимых обвиняются в совершении одного и того же преступления (преступлений), в приговоре могут быть приведены обстоятельства совершенного преступления (преступлений) и доказательства, подтверждающие выводы суда, без их повторения в отношении каждого подсудимого.

2. Если какие-либо доказательства по уголовному делу относятся сразу к нескольким преступлениям (например, показания свидетеля об обстоятельствах нескольких краж чужого имущества, очевидцем которых он являлся; должностная инструкция лица, обвиняемого в совершении ряда должностных преступлений, и т. п.), то их содержание достаточно изложить в приговоре при обосновании вывода о виновности или невиновности в совершении одного из преступлений, делая в дальнейшем лишь ссылку на них.

Вместе с тем следует отметить, что сама структура обвинительного заключения не предполагает анализа доказательств, умозаключения следователя, приведения мотивов изложения доказательств обвинения в определенной последовательности и т. д. Если в приговоре дается оценка доказательств, то в обвинительном заключении следователь представляет результат оценки доказательств. В приговоре судья обязан мотивировать свое решение по оценке доказательств, представлять анализ доказательств, вправе делать свои умозаключения. Так, очевидно, что в приговоре, основанном на косвенных доказательствах, судья будет их анализировать, делать заключения о том, дополняют ли они друг друга, не противоречивы ли, не вызывают ли разного толкования по главным вопросам, следователь же в обвинительном заключении представляет только выводы.

Пункт шестой ч. 1 ст. 220 УПК РФ указывает на обязательность приведения в обвинительном заключении доказательств, на которые ссылается защита. Данное положение подвергается критике в теории уголовного процесса. Так, Т. А. Гумеров называет это положение противоречивым и неуклюжим, отмечая, что это противоречит названию процессуального документа, в котором содержатся и доказательства обвинения, и доказательства защиты [4, с. 56].

Опросы следователей по данному вопросу показали следующее. На первоначальном этапе применения п. 6 ч. 1 ст. 220 УПК РФ в строке «доказательства, на которые ссылается сторона защиты», указывалось «нет». Вместе с тем следователи обращают внимание на то, что при ознакомлении с материалами дела у обвиняемого и защитника выясняется, какие свидетели, эксперты, специалисты подлежат вызову в судебное заседание для допроса и подтверждения позиции стороны защиты, что отражается в протоколе озна-

⁵ Уголовное дело № 11701520002000555. Следственный отдел ОМВД России по Исилькульскому району Омской области. 2018.

комления с материалами дела (ч. 4 ст. 217 УПК РФ). В этот момент следователь может уточнить, на какие доказательства ссылается сторона защиты. До настоящего времени следователям непонятно, могут ли они по собственной инициативе выбрать доказательства в пользу защиты и указать их, вправе ли следователь в обвинительном заключении давать оценку доказательствам, на которые ссылается сторона защиты. Следователи отметили, что в отдельных случаях по собственной инициативе указывают в этом разделе показания обвиняемого о признании его вины, протокол явки с повинной.

Если следователь считает определенные доказательства подтверждающими обвинение и на них же ссылается сторона защиты (например, показания обвиняемого, протокол явки с повинной, заключения экспертизы, противоречащие фактическим дан-

ным и т. д.), то такие спорные доказательства, полагаем, следует вносить как в перечень доказательств, подтверждающих обвинение, так и в перечень доказательств, на которые ссылается сторона защиты. Окончательную оценку даст суд.

Список литературы

1. Соловьев С. А. Процессуальная ценность обвинительного заключения (практический аспект) // Адвокатская практика. 2016. № 1.
2. Артамонов А. Н., Седельников П. В. Окончание предварительного расследования. Омск, 2016.
3. Ефимичев С. П., Ефимичев П. С. Обвинительное заключение, его содержание и структура // Российский следователь. 2005. № 12.
4. Гумеров Т. А. Обвинительное заключение: правовая природа, содержание, процессуальные последствия: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2009.

УДК 343.13

П. В. СЕДЕЛЬНИКОВ**Участие защитника в следственных действиях, производимых по его ходатайству**

Рассматриваются актуальные в настоящее время вопросы о возможности участия защитника в следственных действиях, производимых по его ходатайству. Автор на основе действующего законодательства выделяет 5 групп обстоятельств, для установления которых защитник вправе заявлять ходатайство о производстве следственных действий. Исследуются также случаи необоснованного заявления защитником подобных ходатайств.

Ключевые слова: ходатайство; защитник; участие; следственные действия; отвод защитника; доказательства стороны защиты; интересы защиты; права защитника

17 апреля 2017 г. был принят «Адвокатский закон»¹, дополняющий правовой статус адвоката новыми гарантиями, а также расширяющий полномочия адвоката в уголовном судопроизводстве.

Данным законом ст. 159 УПК РФ была дополнена частью 2¹ следующего содержания: «Защитнику не может быть отказано в участии в следственных действиях, производимых по его ходатайству либо по ходатайству подозреваемого или обвиняемого, за исключением случая, предусмотренного частью третьей статьи 11 настоящего Кодекса. Неявка защитника, своевременно извещенного о месте и времени производства следственного действия, не является препятствием для его производства»².

Необходимость дать комментарий к указанной правовой норме и послужила поводом для написания данной статьи. На первый взгляд, уяснение содержания нормы не представляет сложности. Но это кажущаяся простота. Правоприменение данного правового предписания в течение года уже сформировало противоречивую практику, стало камнем преткновения между следователем, дознавателем, с одной стороны, и подозреваемым, обвиняемым и их защитником, с другой.

Для понимания сути проблемы нужно вернуться в прошлое, а именно к моменту вступления в действие УПК РФ. Принятый в 2001 г. УПК РФ в п. 5 ч. 1 ст. 53 закрепил положение, согласно которому защитник вправе участвовать в следственных действиях, производимых по ходатайству подозреваемого, обвиняемого или самого защитника в порядке, установленном УПК РФ.

Защитник действительно стал чаще участвовать в производстве следственных действий. Однако, когда дело касалось следственных действий, производимых без участия подозреваемого, обвиняемого, лицо, осуществляющее расследование по уголовному делу, в ходатайстве защитника о его участии в проводимом по

его ходатайству следственным действию, как правило, отказывало.

В таком случае дополнение Закона ч. 2¹ ст. 159 УПК РФ (о невозможности отказа в удовлетворении ходатайства защитника об участии в следственном действии, проводимом по его ходатайству) логически обосновано и призвано устранить имеющуюся неопределенность п. 5 ч. 1 ст. 53 УПК РФ (обязательно ли участие защитника в следственном действии или оно зависит от усмотрения следователя). Тем самым законодатель дает правоприменителю более точный ориентир о порядке действия в подобной ситуации.

Однако заметим, в п. 5 ч. 1 ст. 53 УПК РФ не имеется оговорки, что защитник допускается к следственному действию, проводимому по его ходатайству, в зависимости от усмотрения следователя, дознавателя, как это прямо сделано для потерпевшего, гражданского истца, подозреваемого, обвиняемого, законного представителя несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого (п. 9 ч. 2 ст. 42, п. 10 ч. 34 ст. 44, п. 9 ч. 4 ст. 46, п. 10 ч. 4 ст. 47, п. 3 ч. 2 ст. 426 УПК РФ). Значит, следователь, дознаватель не вправе ограничивать защитника в этом праве. Получается, что п. 5 ч. 1 ст. 53 УПК РФ самодостаточен (содержит четкие правила поведения) и не требовал своего подкрепления ч. 2¹ ст. 159 УПК РФ.

Таким образом, дело не в недосказанности п. 5 ч. 1 ст. 53 УПК РФ, а в чем-то другом. Поэтому введение ч. 2¹ ст. 159 УПК РФ не смогло исправить ситуацию. Следователи, дознаватели продолжают отказывать защитнику в участии в следственных действиях, о производстве которых им заявлялось ходатайство, и в настоящее время.

Сами по себе редакции п. 5 ч. 1 ст. 53 и ч. 2¹ ст. 159 УПК РФ нареканий не вызывают. Полагаем, в данном случае неправильно ограничиваться одним лишь буквальным (адекватным) толкованием данных правовых предписаний, при котором текстуальное, сло-

¹ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федеральный закон Российской Федерации от 17 апреля 2017 г. № 73-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Предметом статьи являются только случаи заявления ходатайств непосредственно защитником. При этом производство следственных действий не предполагает участия в них подозреваемого, обвиняемого. Участие защитника в следственных действиях, производимых по ходатайству подозреваемого, обвиняемого, имеет несколько иную природу, поэтому требует отдельного анализа.

весное выражение нормы права и ее действительный смысл совпадают, так как они равны по объему.

Для уяснения их истинного смысла и содержания необходим систематический способ толкования, который требует определения их места в системе законодательства на основании сопоставления текста норм с содержанием иных нормативных предписаний, а также с другими институтами, основными положениями и принципами уголовно-процессуального права.

Участие защитника во всех следственных действиях выгодно стороне защиты. Имеется возможность получить информацию о ходе и результатах расследования задолго до окончания производства следственных действий и ознакомления с материалами уголовного дела сторон, что позволяет лучшим образом выстроить линию защиты. При этом его участие способно негативным образом отразиться на таких важных положениях уголовного судопроизводства, как тайна предварительного расследования, наступательность предварительного расследования, а в итоге может сделать невозможным достижение назначения уголовного судопроизводства: обеспечения защиты прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений [1, с. 205].

В силу особенностей российского уголовного процесса формирование доказательств происходит в два этапа: в ходе предварительного расследования, а потом судебного разбирательства. Поэтому процесс собирания доказательств следователем, дознавателем не является гласным, ему присуща тайность. Кроме того, установление обстоятельств совершенного преступления является обязанностью названных должностных лиц. Процессуальная активность подозреваемого, обвиняемого и его защитника во многом ограничена интересами предварительного расследования, обеспечением прав и безопасности других участников.

Защитник не связан обязанностью собирания доказательств, а собранные им лично доказательства он может «утаить» от органов предварительного расследования и представить их непосредственно в судебном заседании. Не выполняет защитник и функцию контроля (как основной вид деятельности) за процессуальной деятельностью следователя, дознавателя.

Можно продолжить проводить сопоставление участия защитника в следственных действиях с другими институтами, основными положениями и принципами уголовного процесса, но уже и сказанного достаточно, чтобы утверждать, что *в настоящее время не имеется ни законодательных оснований, ни научно обоснованных постулатов для участия защитника во всех проводимых по уголовному делу следственных действиях.*

Остается только выяснить, в каких следственных действиях может участвовать защитник. Представляется, что ответить на этот вопрос не составит труда, если мы дадим ответ на другой вопрос: «О производ-

стве каких следственных действий защитник может ходатайствовать?».

Ответ очевиден. В силу выполняемой в уголовном судопроизводстве функции он может ходатайствовать о производстве следственных действий, направленных на получение сведений об обстоятельствах:

- 1) оправдывающих подозреваемого, обвиняемого;
- 2) смягчающих наказание;
- 3) указывающих на незаконность и необоснованность производства следователем, дознавателем процессуальных действий и принятых ими процессуальных решений;
- 4) исключающих преступность и наказуемость деяния.

Однако достаточно часто в практической деятельности защитник заявляет следователю, дознавателю ходатайство о производстве почти всех необходимых по уголовному делу следственных действий и своем участии в них (если лицо знакомо с методикой расследования отдельных видов преступлений, это сделать совсем несложно). Как быть в таком случае?

Полагаем, когда защитник ходатайствует о производстве следственных действий, в результате которых могут быть собраны обвинительные доказательства или установлены другие обстоятельства, ухудшающие положение подозреваемого, обвиняемого, то можно говорить о нарушении им статутных основ (Федерального закона Российской Федерации от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», Кодекса профессиональной этики адвоката). Исходя из своего процессуального статуса, *защитник не может своими действиями ухудшить положение своего подзащитного. Значит, он действует непрофессионально. Оказываемая им юридическая помощь не является квалифицированной.*

В соответствии с ч. 1 ст. 48 Конституции Российской Федерации каждому гарантируется право на получение квалифицированной юридической помощи. Общеизвестно, что в уголовном судопроизводстве такую помощь подозреваемому, обвиняемому оказывает именно адвокат (защитник). В силу ст. 16 УПК РФ следователь, дознаватель обязаны создать условия, чтобы подозреваемый, обвиняемый смогли воспользоваться его услугами. Должен ли следователь, дознаватель этим ограничиться? Полагаем, что нет. Ответственность за точное исполнение законов в ходе предварительного расследования, за соблюдение прав участников процесса лежит на следователе, дознавателе. Значит, они обязаны реагировать на случаи, когда подозреваемому, обвиняемому оказывается некачественная юридическая помощь. Поэтому, *если юридическая помощь со стороны адвоката (защитника) оказывается подозреваемому, обвиняемому некачественно и это очевидно, следователь, дознаватель обязаны рассмотреть вопрос об отводе данно-*

го адвоката (защитника). В случае отвода адвоката (защитника) от дальнейшего участия в производстве по уголовному делу, следователь (дознатель) обязан принять меры к приглашению (назначению) другого адвоката (защитника).

Когда защитник ходатайствует о производстве следственного действия, он должен предполагать, что в результате его выполнения будет получена информация в пользу его подзащитного. В большинстве случаев (пожалуй, за исключением тех ситуаций, когда заявляются ходатайства о проверке законности и обоснованности проведенных процессуальных действий) еще до производства следственного действия ему должно быть известно о характере полученного результата. Как правило, защитник уже знаком с источником информации непосредственно (им лично опрошены свидетели и очевидцы преступления; осмотрены и изучены предметы и документы, подлежащие изъятию и осмотру и т. п.) или опосредованно (например, о наличии свидетелей и очевидцев со стороны защиты ему рассказал его подзащитный).

Участие защитника в подобном следственном действии логически оправдано, поскольку:

- а) инициатива в его производстве исходит от стороны защиты — ходатайство заявлено защитником;
- б) оно направлено на собирание доказательств стороны защиты;
- в) защитник знает о характере результата, который будет получен;
- г) оно гарантирует, что следователь (дознатель) зафиксирует все сведения, установление которых важно по мнению стороны защиты (посредством постановки дополнительных вопросов свидетелю; обращения внимания следователя, дознавателя на определенные признаки предмета и т. д.).

Полагаем, что изложенное выше свидетельствует о необходимости не только заявления защитником ходатайства о проведении следственного действия, но и обоснования того, почему его требуется провести (какие сведения предположительно будут получены и какое значение они имеют для уголовного дела). Ходатайство следователь, дознаватель рассматривают на общих основаниях в порядке ст. ст. 121, 122 УПК РФ. В соответствии с ч. 2 ст. 159 УПК РФ участнику уголовного процесса не может быть отказано в удовлетворении ходатайства в производстве следственного действия, если обстоятельства, об установлении которых он ходатайствует, имеют значение для данного уголовного дела. Однако, если данные обстоятельства следователем, дознавателем уже установлены, их достоверность не вызывает сомнений, в производстве следственного действия может быть отказано. Например, защитник ходатайствует о допросе школьного учителя несовершеннолетнего обвиняемого, который может его положительно охарактеризовать. Однако в материалах уголовного дела уже имеется характеристика от директора школы и показания классного руководителя, в которых положительно описы-

вается поведение несовершеннолетнего, эта информация сомнений у следователя, дознавателя не вызывает. Очевидно, что новых сведений, имеющих значение для уголовного дела, получено не будет, поэтому в удовлетворении ходатайства защитника может быть отказано.

Чтобы лучше понять настоящее, нужно изучить прошлое. Обратимся к УПК РСФСР 1960 г. Допускал ли он участие защитника в производстве следственных действий, проводимых по его ходатайству? В пункте 7 ч. 1 ст. 202 названного Закона прямо было предусмотрено, что защитник имеет право присутствовать с разрешения следователя при производстве следственных действий, выполняемых по ходатайствам, заявленным обвиняемым и самим защитником. Причем данным правом он мог воспользоваться только при ознакомлении с материалами расследования по окончании производства следственных действий. Ходатайства о производстве каких следственных действий мог заявить защитник после того, как следователь завершил расследование и предъявил ему и его подзащитному материалы уголовного дела? Ответ очевиден. Данные следственные действия должны были быть направлены исключительно на получение доказательств в пользу стороны защиты. И вот в таких следственных действиях с разрешения следователя мог участвовать защитник.

Это лишний раз подтверждает выдвинутый автором тезис о том, что защитник имеет право участвовать в производстве следственных действий, проводимых по его ходатайству, если только они направлены на получение доказательств со стороны защиты. В настоящее время данное право защитника перенесено с момента ознакомления с материалами уголовного дела на более ранний этап, фактически он может воспользоваться данным правом с момента вступления в уголовное дело. Кроме того, его участие в производстве следственного действия не зависит от усмотрения следователя. Необходимо принимать эти изменения как данность. Они идут в общем русле уголовной политики государства по демократизации уголовно-процессуального законодательства, расширению прав участников уголовного процесса.

В юридической литературе можно встретить утверждение, что условием участия защитника в следственном действии, производимом по его ходатайству, является тот факт, что оно инициировано исключительно им, а следователь, дознаватель не видели надобности в его производстве. Когда же следственное действие является плановым, то допуск защитника для участия в нём зависит от усмотрения лица, осуществляющего предварительное расследование.

Полагаем, что это не так. Сторона защиты лишена возможности (за редким исключением) самостоятельно формировать доказательства. Основной путь их вовлечения в уголовное судопроизводство лежит через следователя, дознавателя. В то же время сегодня в досудебном производстве становится все больше про-

цедур, объективно предполагающих необходимость представления доказательств стороной защиты.

Возьмем, например, избрание меры пресечения в виде заключения под стражу. Чтобы убедить суд в наличии какого-либо значимого обстоятельства, сторона защиты должна представить соответствующие доказательства. А если у нее их нет (они еще не сформированы), то решение может быть принято не в ее пользу. На следователя, дознавателя в данном случае рассчитывать не приходится. Они самостоятельно направляют ход расследования, поэтому могут осуществлять важные для стороны защиты следственные действия, когда посчитают возможным это сделать.

Предвосхищая подобное развитие событий, защитник еще до подачи следователем, дознавателем материалов в суд заявляет ходатайство о производстве определенного следственного действия и своем участии в нем. Какие могут быть значимые причины для отказа в данном ходатайстве? Полагаем, что их не имеется. Поэтому считаем, что *если защитник ходатайствует об участии в следственном действии, направленном на формирование доказательств со стороны защиты, вне зависимости от того, по чьей инициативе оно проводится (защитника или в «плановом» порядке), следователь, дознаватель обязаны допустить его к участию в следственном действии.*

Может ли защитник ходатайствовать об участии в следственных действиях, направленных на формирование доказательств обвинения? Почему бы и нет? Главное, он не должен их инициировать. Следователь, дознаватель самостоятельно определяют круг лиц, кто может быть допущен к производству следственного действия (за исключением обязательных участников). Лицо, осуществляющее предварительное расследование, в каждом случае должно оценить ситуацию и решить, не способно ли присутствие конкретного участника отрицательно отразиться на ходе и результатах следственного действия и интересах расследования в целом, и с учетом этого принять окончательное решение. Например, о нецелесообразности участия в следственном действии могут свидетельствовать предположения, что защитник использует данное следственное действие в целях оказания негативного психологического воздействия на участвующих в нем лиц или ему могут стать известными сведения, которые органы предварительного расследования хотели бы пока сохранить в тайне. В таком случае, если следователь (дознаватель) сочтет присутствие защитника нецелесообразным, он должен вынести постановление об отказе в удовлетворении заявленного ходатайства.

Далее следует выделить еще одно, пятое обстоятельство, для установления которого защитник может заявить ходатайство о производстве следственного действия и о своем участии в его осуществлении. Оно несколько отличается от четырех предыдущих, поэтому рассмотрим его отдельно. Полагаем, *защитник может ходатайствовать о производстве следственного действия в целях реализации процес-*

суального права подозреваемого, обвиняемого. При чем данное право должно быть существенным, принципиальным, значимым. Например, к таким правам можно отнести право оспорить данные против преследуемого лица показания (право на оспаривание доказательств).

В основе понятия «оспаривание доказательства» лежит норма подпункта «д» п. 3 ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (Европейской конвенции) от 4 ноября 1950 г., согласно которой «каждый обвиняемый в совершении уголовного преступления имеет право допрашивать показывающих против него свидетелей или иметь право на то, чтобы эти свидетели были допрошены, и иметь право на вызов и допрос свидетелей в его пользу на тех же условиях, что и для свидетелей, показывающих против него» [2, с. 7].

Данное право может быть реализовано посредством проведения очной ставки между подозреваемым, обвиняемым и свидетельствующим против него лицом или поэтапно, через систему дополнительных допросов участников. Второй путь может иметь следующую схему: дополнительный допрос подозреваемого, обвиняемого (формулирование вопросов) — дополнительный допрос свидетельствующего против него лица (получение ответов на вопросы подозреваемого, обвиняемого) — дополнительный допрос подозреваемого, обвиняемого (ознакомление с ответами лица, свидетельствующего против). В тех случаях, когда по определенным причинам выбран поэтапный путь, при наличии соответствующего ходатайства защитника, полагаем, следователь, дознаватель обязаны его допустить в производство дополнительного допроса лица, свидетельствующего против. Участие защитника в таком допросе позволит ему убедиться в полноте выяснения тех обстоятельств, которые оспаривает подозреваемый, обвиняемый. Следует учитывать, что участие защитника в допросе исключается, когда свидетельствующее против лица участвует в уголовном судопроизводстве под псевдонимом в соответствии с ч. 9 ст. 166 УПК РФ. Об этом прямо указано в ч. 2¹ ст. 159 УПК РФ со ссылкой на ч. 3 ст. 11 УПК РФ.

В качестве «пищи для размышления» остановимся на некоторых спорных аспектах рассматриваемого в статье вопроса. Выработать однозначную позицию по ним сложно, но они интересны для обсуждения.

Например, имеется некоторое лицо, которое может дать показания, благоприятствующие стороне защиты. Но другая часть показаний будет изобличать подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления. Органы предварительного расследования о данном лице не знают. Может ли защитник заявить ходатайство о допросе данного лица? Размышляя обо всех «за» и «против», полагаем, что защитнику все же следует отказаться от заявления ходатайства о допросе. Вред, причиненный интересам подозрева-

емого, обвиняемого, может оказаться несоизмеримо бóльшим по сравнению с предполагаемой выгодой. Поэтому ставить под угрозу интересы своего подзащитного он не вправе.

Завершено расследование, стороне защиты предъявлены для ознакомления материалы уголовного дела. Указанное лицо так и не было допрошено. Вправе ли защитник в данный момент заявить ходатайство о его допросе? Полагаем, что в этот период — вправе. Сторона обвинения уже сформировала доказательственную базу, по ее мнению, достаточную для рассмотрения уголовного дела по существу в судебном разбирательстве. Поэтому логично предположить, что показания данного лица не могут еще более ухудшить положение обвиняемого, а оправдывающие доказательства, напротив, помогут стороне защиты в отстаивании своих интересов.

Считаем, что у защитника допустима «инициатива после инициативы стороны обвинения». Если провести аналогию с судом, то это как право быть активным после активности сторон (например, суд может задавать вопросы допрашиваемому лицу только после того, как его допросили стороны). Это позволяет защитнику ходатайствовать о производстве следственного действия с источником доказательства со стороны обвинения. Например, допрошен свидетель, который описал обстоятельства совершения подозреваемым преступления. Доказательство обвинения от этого источника сформировано (сторона обвинения выяснила от него все важные для себя сведения). Защитнику становится известно, что этот свидетель также располагает сведениями о давних неприязненных отношениях между потерпевшим и подозреваемым, которые, по его мнению, могут быть использованы в интересах стороны защиты. В таком случае возможно заявление защитником мотивированного ходатайства о дополнительном допросе свидетеля об обстоятельствах, благоприятствующих стороне защиты.

Какими правами обладает защитник, участвующий в следственном действии, проводимом по его ходатайству? УПК РФ прямого ответа на этот вопрос не содержит. Интересно, что УПК РСФСР 1960 г. на этот же вопрос прямой ответ давал. В данном законе отдельно были перечислены общие права защитника, которыми он обладал с момента вступления в уголовное дело (ст. 51), и его права на этапе окончания предварительного следствия (ст. ст. 202, 204). Из содержания ч. 3 ст. 204 УПК РСФСР 1960 г. следует, что «если при дополнительно производимых следственных действиях присутствует защитник, он вправе с разрешения следователя задавать вопросы свидетелю, потерпевшему, эксперту, специалисту и обвиняемому, а равно ходатайствовать о занесении в протокол данных, имеющих значение для дела. Сле-

дователь может отвести вопросы, предлагаемые защитником, однако отведенный вопрос должен быть занесен в протокол».

В настоящее время, во-первых, следует руководствоваться общими правилами производства следственных действий. При участии в следственном действии защитник имеет право делать заявления по порядку его проведения (ч. 4 ст. 166 УПК РФ), знакомиться с протоколом данного следственного действия, делать подлежащие внесению в протокол замечания о его дополнении или уточнении (ч. 6 ст. 166 УПК РФ). Во-вторых, поскольку защитник — это не безмолвный участник, а напротив, один из самых активных, считаем, он вправе воспользоваться своими правами, закрепленными в ч. 2 ст. 53 УПК РФ: задавать с разрешения следователя вопросы допрашиваемым лицам; делать письменные замечания по поводу правильности и полноты записей в протоколе следственного действия. В-третьих, у защитника есть право, которое неочевидно, но в настоящее время можно говорить о его наличии: право просить следователя, дознавателя предоставить копию протокола следственного действия или снять с него копию самостоятельно, в том числе с использованием технических средств.

Если следователь, дознаватель посчитают, что нежелательно разглашение результатов следственного действия, следует предупредить защитника о недопустимости разглашения без соответствующего разрешения ставших ему известными данных предварительного расследования и взять у него подписку с предупреждением об ответственности в соответствии со ст. 310 УК РФ.

Полагаем, что изложенные автором позиции помогут снять излишний накал напряжения между следователем, дознавателем и стороной защиты, будут способствовать принятию обоснованных и взаимовыгодных решений. Право защитника на участие в следственном действии, производимом по его ходатайству, является действенным средством защиты интересов подозреваемого, обвиняемого, но в силу возможности различного толкования правоприменителем регулирующих его правовых предписаний нуждается в более точном законодательном выражении.

Список литературы

1. Седельников П. В. Участие подозреваемого, обвиняемого, его защитника и законного представителя в следственных действиях, производимых по их ходатайству // Международные юридические чтения: материалы научно-практической конференции (15 апреля 2004 г.). Омск, 2004. Ч. 3.
2. Кальницкий В. В. Органы расследования обязаны обеспечивать право обвиняемого допрашивать лиц, свидетельствующих против него // Законодательство и практика. 2016. № 1.

УДК 343.13

Е. Г. ЛАРИН, А. В. ПАВЛОВ**Новые правила отмены постановления о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) по реабилитирующим основаниям**

В статье исследуется постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 ноября 2017 г. № 28-П, которое устанавливает новый порядок отмены постановления о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) по реабилитирующим основаниям. Проанализированы основания, сроки и порядок принятия решения об отмене постановления прокурором, а также судом по заявлению прокурора.

Ключевые слова: прокурор; прекращение уголовного дела (уголовного преследования); реабилитация; отмена постановления; возобновление производства.

При наличии оснований, исключающих возможность продолжения производства и привлечения подозреваемых (обвиняемых) к уголовной ответственности (пп. 1, 2, 5 и 6 ч. 1 ст. 24, пп. 1, 4–6 ч. 1 ст. 27 УПК РФ), следователь (дознатель) принимает решение о прекращении уголовного дела (уголовного преследования).

Являясь одной из форм отказа от уголовного преследования невиновных (ч. 2 ст. 6 УПК РФ), прекращение уголовного дела (уголовного преследования) по реабилитирующим основаниям влечет принятие органами предварительного расследования, прокурором всех предусмотренных законом мер по их реабилитации и возмещению вреда, причиненного в результате уголовного преследования. Несмотря на то что это решение направлено на защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод (п. 2 ч. 1 ст. 6 УПК РФ) в правоприменительной практике оно оценивается как негативный показатель [1, с. 606]. Столкновение в данном решении интересов правосудия, прав и свобод потерпевших, а также прав и законных интересов лиц, освобождаемых от уголовной ответственности, обуславливает особые требования к надзору за законностью и обоснованностью принятия подобного решения.

Генеральный прокурор Российской Федерации требует вести раздельно по ведомствам книги учета поступивших в прокуратуру копий постановлений о прекращении уголовных дел (уголовного преследования) и обеспечить проверку и изучение всех прекращенных дел в течение одного месяца со дня принятия решения¹.

В соответствии с ч. 1 ст. 214 УПК РФ прокурор, признав постановление руководителя следственного органа или следователя о прекращении уголовного дела или уголовного преследования (за исключением дел частного обвинения) незаконным или необоснованным, в срок не позднее 14 суток с момента получения материалов уголовного дела отменяет его, о чем выно-

сит мотивированное постановление с изложением конкретных обстоятельств, подлежащих дополнительно расследованию, которое вместе с материалами уголовного дела незамедлительно направляет руководителю следственного органа. В случае принятия решения о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) дознавателем, прокурор также вправе отметить данное постановление, но при этом в законе не установлен срок, в течение которого возможна его отмена.

В юридической литературе дается разная оценка установления в законе срока реализации полномочий прокурора. В. А. Лазарева, анализируя Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 404-ФЗ, которым было установлено указанное ограничение, приходит к выводу, что в случае истечения 14 суток прокурору необходимо обратиться к руководителю следственного органа, который и отменяет данное постановление, поскольку его полномочие законом не ограничено [2, с. 2–5]. К. А. Таболина исходит из того, что ограничение полномочий прокурора определенным сроком отмены незаконного или необоснованного решения препятствует законному производству по уголовному делу и является недопустимым [3, с. 228].

В настоящее время в соответствии с правовой позицией Конституционного Суда РФ, указанный в ч. 1 ст. 214 УПК РФ 14-дневный срок исчисляется с момента получения прокурором материалов уголовного дела, которое может быть истребовано для проверки в рамках надзорной деятельности, а его истечение не влечет для прокурора запрета принять соответствующее решение, т. е. данный срок не является пресекательным, препятствующим осуществлению прокурором своих полномочий².

При решении вопроса о возобновлении прекращенных уголовных дел правоохранительным органам следует стремиться к оптимальному обеспечению баланса частных и публичных интересов на основе прин-

¹ Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия : приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 28 декабря 2016 г. № 826. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс»; Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания : приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 26 января 2017 г. № 33. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² По делу о проверке конституционности отдельных положений УПК РФ в связи с жалобой гражданина М. И. Бондаренко : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 ноября 2017 г. № 28-П // Рос. газета. 2017. 24 нояб.

ципа справедливости. Как неоднократно указывал Конституционный Суд РФ, недопустимо произвольное возобновление прекращенного уголовного дела, в том числе многократное его возобновление по одному и тому же основанию (в частности, по причине неполноты проведенного расследования), создающее для лица, в отношении которого дело было прекращено, постоянную угрозу уголовного преследования³.

При реализации данной правовой позиции следует акцентировать внимание на следующих обстоятельствах.

Во-первых, указано, что решение прокурора о возобновлении⁴ производства по уголовному делу не должно быть произвольным. Значение слова «произвольный» по словарю определяется как «не вытекающий из чего-нибудь с необходимостью; не обязательный для данного случая; неубедительный; ничем не стесняемый; производимый по своей воле» [4, с. 939].

Относительно рассматриваемой ситуации произвольным следует считать такое решение прокурора о возобновлении предварительного расследования, которое принимается при отсутствии или недостаточности данных, указывающих на незаконность или необоснованность прекращения уголовного дела (уголовного преследования). Эти сведения прокурор устанавливает при ознакомлении с постановлением о прекращении уголовного дела. При необходимости он вправе истребовать материалы уголовного дела.

Во-вторых, Конституционный Суд Российской Федерации накладывает запрет на многократное возобновление прекращенного уголовного дела по одному и тому же основанию (в частности, по причине неполноты проведенного расследования). Нам представляется, что использованная при разрешении этой ситуации формулировка, ввиду ее неопределенности, выбрана не совсем удачно. В частности, не исключается, что основание отмены решения может быть и то же самое (например, по причине неполноты проведенного расследования), если ранее данные указания прокурора⁵ в постановлении об отмене решения о прекращении уголовного дела выполнены органами предварительного расследования не в полном объеме. Так, в приказе Генерального прокурора Российской Федерации особо обращается внимание на факты неоднократного вынесения следственными органами постановлений о прекра-

щении уголовного дела (уголовного преследования) после возобновления производства по делу, с оценкой при этом объема проведенных по делу следственных, а также иных процессуальных действий в период его возобновления⁶. Кроме того, могла возникнуть необходимость проведения по данному основанию (неполнота проведенного расследования) иных процессуальных действий в связи с выяснением новых обстоятельств.

Конституционный Суд Российской Федерации требует не допускать ситуации, при которой исключалась бы возможность отмены принятого на досудебной стадии постановления о прекращении уголовного дела (уголовного преследования), если выявились новые сведения о его виновности в совершении преступления и такая отмена необходима для восстановления справедливости и предупреждения совершения новых преступлений⁷.

В соответствии с ч. 2 ст. 17 УПК РФ прокурор, следователь, дознаватель оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, поэтому не исключается возникновение противоречий между позицией прокурора и следователя (дознавателя). Прокурор может посчитать, что следователь (дознаватель) выполнил процессуальную деятельность не в полном объеме, в то время как следователь (дознаватель) придерживается иного мнения. Буквальное толкование правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации о недопустимости возобновления производства по уголовному делу по одному и тому же основанию, по нашему мнению, не позволяет прокурору отстоять свою позицию и обеспечить восстановление интересов потерпевшего от преступления.

Важна сама идея создания Конституционным Судом РФ системы эффективных гарантий защиты от незаконного и необоснованного возобновления уголовного преследования и соответственно исключения для лица постоянной угрозы привлечения к уголовной ответственности. При этом не должна исключаться потенциальная возможность отмены незаконного решения следователя (дознавателя), тем не менее ее реализация может быть оправдана исключительно мотивами восстановления справедливости и предупреждения совершения новых преступлений.

При применении данной правовой позиции в правоприменительной практике следует руководствоваться

³ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Липатова А. С. на нарушение его конституционных прав частью шестой статьи 162, частями первой и третьей статьи 214 УПК РФ : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 23 сентября 2010 г. № 1214-О-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Прокурор правомочен возобновлять дознание, при реализации надзорных полномочий за предварительным следствием он подобным правом не наделен. Тем не менее в данном случае решение о возобновлении предварительного следствия выступает как обязательный результат отмены данного решения прокурором.

⁵ В настоящее время по УПК РФ прокурор напрямую не вправе давать указания при отмене постановления о прекращении уголовного дела (уголовного преследования). Однако прокурор, отменяя постановление о прекращении уголовного дела (уголовного преследования), выносит мотивированное постановление с изложением конкретных обстоятельств, подлежащих дополнительному расследованию (ч. 1 ст. 214 УПК РФ).

⁶ Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия : приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 28 декабря 2016 г. № 826. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁷ По делу о проверке конституционности отдельных положений УПК РФ в связи с жалобой гражданина М. И. Бондаренко : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 ноября 2017 г. № 28-П // Рос. газета. 2017. 24 нояб.

ся приказом Генерального прокурора РФ, согласно которому прокурорам предписано при отмене решений излагать конкретные обстоятельства, подлежащие дополнительному расследованию⁸. Эта рекомендация накладывает обязанность на прокурора формировать достаточную совокупность сведений, указывающих на необходимость установления обстоятельств, без оценки которых невозможно обеспечить принятие законного процессуального решения. Именно необходимость установления данных обстоятельств и свидетельствует о незаконности или необоснованности прекращения уголовного дела (уголовного преследования). Эта рекомендация позволяет определить прокурору дальнейшее направление расследования, которое, возможно, в недостаточной степени было исследовано следователем (дознавателем), а также позволяет определить перспективу расследования. Подобный подход исключает произвольную отмену прокурором решения следователя (дознавателя) о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) и позволяет создать условия для установления всех обстоятельств происшедшего события.

При прекращении уголовного дела (уголовного преследования) по реабилитирующим основаниям решаются вопросы, направленные на восстановление нарушенных прав лица, в отношении которого осуществлялось уголовное преследование. При этом в законе отсутствует процедура приостановления процесса возмещения вреда в рамках реабилитации, в случае отмены постановления о прекращении уголовного дела (уголовного преследования). Правовым последствием отмены прокурором постановления о прекращении уголовного дела является прекращение процесса реабилитации.

Важно отметить, что судебная проверка в порядке ст. 125 УПК РФ решения прокурора об отмене такого постановления, направленная на защиту подозреваемого, обвиняемого от повторного уголовного преследования, не позволяет обеспечить защиту другого его права — права на реабилитацию, поскольку даже удовлетворение жалобы, поданной по правилам этой статьи, не влечет продолжения судебной защиты прав реабилитированного в порядке главы 18 УПК РФ.

Отсутствие в уголовно-процессуальном законе срока для отмены постановления о прекращении уголовного преследования, вынесенного на досудебной стадии уголовного судопроизводства, по мнению Конституционного Суда РФ, умаляет гарантии защиты от необоснованного возобновления прекращенного уголовного преследования, создает для лица постоянную угрозу привлечения к уголовной ответственности. В связи с этим ч. 1 ст. 214 УПК РФ признана Конституционным Судом РФ не соответствующей Конституции РФ в той мере, в какой позволяет прокурору в течение неопределенного срока отменять вынесен-

ное по реабилитирующим основаниям постановление о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) без предоставления лицу, в отношении которого оно вынесено, эффективных гарантий защиты, включая судебную, от незаконного и необоснованного возобновления уголовного преследования.

Конституционный Суд РФ, учитывая пресекаемый годичный срок для поворота к худшему при пересмотре вступившего в законную силу приговора, считает необходимым установить подобное правило и при прекращении уголовного дела (уголовного преследования) по реабилитирующим основаниям. До внесения изменений в УПК РФ отмена или изменение в обычном порядке постановления о прекращении уголовного дела либо уголовного преследования по основаниям, влекущим ухудшение положения реабилитированного лица, допускается в срок, не превышающий одного года со дня его вынесения.

Полагаем, что если уголовное дело (уголовное преследование) прекращалось неоднократно, то годичный срок исчисляется со дня вынесения первого соответствующего постановления.

По истечении года постановление о прекращении уголовного дела либо уголовного преследования может быть отменено только судом по заявлению прокурора по правилам ст. 165 УПК РФ или потерпевшего — по правилам ст. 125 УПК РФ с обязательным предоставлением лицу, уголовное преследование которого было прекращено, и (или) его представителю возможности участия в судебном заседании⁹.

Таким образом, прокурор вправе отменить постановление о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) лишь в течение одного года с момента вынесения данного постановления. Запрет на отмену решения по истечении одного года касается только оснований, влекущих ухудшение положения реабилитированного лица. Соответственно не исключается возобновление производства по уголовному делу, которое было прекращено по иным основаниям и по истечении одного года (в пределах срока давности привлечения к уголовной ответственности).

По истечении года постановление о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) может быть отменено только судом по заявлению:

- 1) прокурора по правилам ст. 165 УПК РФ;
- 2) потерпевшего — по правилам ст. 125 УПК РФ.

Право потерпевшего на обжалование возникает с момента прекращения уголовного дела (уголовного преследования) и годичным сроком не ограничивается. Порядок обжалования данного решения общий, подробно регламентирован в ст. 125 УПК РФ.

Правовая неопределенность возникает при обращении прокурора с заявлением в порядке ст. 165 УПК РФ.

⁸ Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия : приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 28 декабря 2016 г. № 826. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

⁹ По делу о проверке конституционности отдельных положений УПК РФ в связи с жалобой гражданина М. И. Бондаренко : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 ноября 2017 г. № 28-П // Рос. газета. 2017. 24 нояб.

Во-первых, УПК РФ регламентировано право прокурора обратиться в суд с ходатайством, с представлением и не предусмотрена форма такого обращения, как заявление. Представляется, что в данном случае документ может называться «Постановление о возбуждении ходатайства перед судом о признании постановления о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) незаконным или необоснованным».

Во-вторых, ст. 165 УПК РФ регламентирует судебный порядок получения разрешения на производство следственного действия и не адаптирована для разрешения подобных вопросов.

В феврале 2018 г. Министерством юстиции РФ подготовлен проект Федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части уточнения порядка отмены постановления о прекращении уголовного дела или уголовного преследования)»¹⁰ в целях реализации постановления Конституционного Суда РФ от 14 ноября 2017 г. № 28-П.

Анализ законопроекта позволяет обратить внимание на следующие аспекты:

1) предлагается дополнить ч. 2 ст. 29 УПК РФ и наделить суд в досудебном производстве новым полномочием: давать *разрешение на отмену* постановления о прекращении уголовного дела или уголовного преследования (по проекту очевидно, что суд лишь дает разрешение на отмену, а само решение об отмене постановления о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) будет приниматься прокурором либо руководителем следственного органа);

2) прокурор и руководитель следственного органа получают право заявлять перед судом ходатайство о разрешении на отмену постановления о прекращении уголовного дела или уголовного преследования;

3) устанавливается порядок исчисления годичного срока: если уголовное дело или уголовное преследование прекращались неоднократно, срок исчисляется со дня вынесения первого соответствующего постановления;

4) предложен следующий порядок получения разрешения суда на отмену постановления о прекращении уголовного дела либо уголовного преследования:

— прокурор, руководитель следственного органа возбуждают перед судом мотивированное ходатайство о разрешении на отмену постановления о прекращении уголовного дела или уголовного преследования, о чем выносится соответствующее постановление. К постановлению прилагаются материалы, подтверждающие обоснованность ходатайства;

— ходатайство прокурора, руководителя следственного органа о разрешении на отмену постановления о прекращении уголовного дела или уголовного преследования рассматривается единолично судьей районного суда или военного суда соответствующего

уровня по месту производства предварительного расследования не позднее чем через 14 суток со дня поступления материалов в суд. При рассмотрении ходатайства в судебном заседании участвуют прокурор, должностное лицо, возбудившее ходатайство, лицо, в отношении которого уголовное дело или уголовное преследование прекращено, его защитники и (или) законный представитель, потерпевший, его законный представитель и (или) представитель. Неявка лиц, своевременно извещенных о времени рассмотрения ходатайства, не является препятствием для рассмотрения ходатайства судом;

— в начале заседания судья объявляет, какое ходатайство подлежит рассмотрению, разъясняет явившимся в судебное заседание лицам их права и обязанности. Затем лицо, возбудившее ходатайство, обосновывает его, после чего исследуются поступившие материалы и заслушиваются другие явившиеся в судебное заседание лица;

— рассмотрев ходатайство, судья выносит одно из следующих постановлений: об удовлетворении ходатайства и разрешении на отмену постановления о прекращении уголовного дела или уголовного преследования; об отказе в удовлетворении ходатайства.

До внесения изменений в УПК РФ необходимо руководствоваться правовой позицией Конституционного Суда РФ, изложенной в постановлении от 14 ноября 2017 г. № 28-П.

Таким образом, решение прокурора об отмене постановления о прекращении уголовного дела принимается на основе достаточных данных, указывающих на незаконность или необоснованность данного решения. При этом прокурор обязан указать в постановлении конкретные обстоятельства, подлежащие дополнительному расследованию. По основаниям, влекущим ухудшение положения реабилитированного лица, постановление о прекращении уголовного дела может быть отменено прокурором не позднее одного года со дня его вынесения. По истечении указанного времени решение об отмене данного постановления может быть принято только после признания судом решения о прекращении уголовного дела незаконным или необоснованным.

Список литературы

1. *Курс уголовного процесса* / под ред. Л. В. Головки. М., 2016.
2. *Лазарева В. А.* Долгожданное изменение в статусе прокурора (Закон от 28 декабря 2010 г. № 404-ФЗ) // *Уголовное судопроизводство*. 2011. № 3.
3. *Таболкина К. А.* Надзор прокурора за возбуждением и расследованием уголовных дел: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015.
4. *Толковый словарь русского языка*: в 4 т. / под ред. проф. Д. Н. Ушакова. М., 1939.

¹⁰ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части уточнения порядка отмены постановления о прекращении уголовного дела или уголовного преследования): проект Федерального закона. Официальный портал нормативно-правовых актов. URL: <http://regulation.gov.ru/projects#npa=78105> (дата обращения: 10.02.2018).

КВАЛИФИКАЦИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРИ НЕУДАВШЕМСЯ СОУЧАСТИИ

Проведенный в статье анализ судебной практики позволил выявить круг актуальных проблем квалификации преступлений при наличии добровольного отказа соучастников от совершения преступления в целом либо при изменении изначально оговоренного умысла на совершение преступления. Рассмотрение специальных вопросов соучастия в различных судебных решениях и с разных точек зрения позволило сформулировать предложения, уточняющие существующие подходы к квалификации.

Ключевые слова: соучастие; добровольный отказ; подстрекатель; эксцесс; приготовление к преступлению.

Неудавшееся соучастие — явление, которое непосредственно в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее — УК РФ) не упоминается. На нормативном уровне не встречалось упоминаний о нем и в предыдущих редакциях уголовных кодексов различных периодов развития нашего государства. Не урегулирован сегодня и вопрос о видах неудавшегося соучастия. В частности, речь идет о неудавшемся подстрекательстве, организаторстве и пособничестве. Тем не менее и в практической деятельности, и в доктрине само выражение «неудавшееся соучастие» (как и его деление на перечисленные разновидности) имеет место быть. Более того, факт недоведения преступления, совершаемого в соучастии, до конца, представляет непосредственный интерес с позиции возникающих в связи с ним сложных вопросов юридической оценки деяния. Одним из таких вопросов спорного характера является итоговая квалификация поведения всех соучастников в зависимости от степени завершенности общественно опасного деяния, совершаемого исполнителем, действующим при этом в рамках единого умысла. Судебно-следственная практика знает многочисленные примеры подобного рода, когда непосредственный исполнитель не реализует умысел других соучастников, не выходя при этом за его пределы, что исключает такое явление, как эксцесс. Подобное может произойти по причинам как субъективного (добровольный отказ от доведения преступления до конца), так и объективного свойства (задержание в процессе или перед совершением преступления, стечение жизненных обстоятельств, включая непреодолимые силы природы, техногенного характера, физиологического свойства, и т. д.). Все эти случаи объединяет вопрос ответственности каждого из соучастников, особенно когда речь идет о сложной форме соучастия и за пределами объективной стороны находятся организатор, подстрекатель или пособник.

Традиционной в юридической оценке действий соучастников в ситуациях подобного рода является

их оценка с позиции неоконченного преступления, но в объеме реализованного исполнителем общего умысла. Выступая закономерным итогом отражения идеи акцессорности в уголовном праве, данный тезис в полной мере находит сегодня соответствующее подтверждение и в российской судебно-следственной практике.

Так, гр. Л. непосредственно после совершения его другом гр. Н. убийства С., предвидя возможность того, что Д. и Г. сообщат об указанном преступлении в правоохранительные органы и стремясь не допустить этого, предложил Н. убить указанных лиц. При этом Л. должен был убить Д., а Н. — спящего в состоянии тяжелого алкогольного опьянения Г. путем его сожжения.

Между тем Н., согласившись на убийство Г., после того как поджег матрац под спящим потерпевшим, добровольно отказался от доведения убийства Г. до конца: вернулся в комнату, потушил матрац и разбудил потерпевшего. В результате такого развития событий Л., по не зависящим от него обстоятельствам, не удалось склонить Н. к совершению преступления и довести его до конца. В соответствии с положением, предусмотренным ч. 5 ст. 34 УК РФ, за приготовление и покушение на преступление несет уголовную ответственность лицо, которому по не зависящим от него обстоятельствам не удалось склонить других лиц к совершению преступления (так называемое неудавшееся соучастие, в данном случае — неудавшееся подстрекательство)¹.

Данный пример представляет собой классическую ситуацию неудавшегося соучастия, а именно подстрекательства. Умысел подстрекателя уже вступил в стадию его реализации, что означает переход от приготовления к покушению на преступление. С учетом избранного способа (поджог) совершения добровольный отказ от доведения преступления до конца происходил на этапе оконченого покушения, что само по себе весьма редкое явление для судебной

¹ Апелляционное определение Коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 15 января 2014 г. № 8-АПУ13-13. URL: <http://sudact.ru/> (дата обращения: 14.02.2018).

практики. Тем не менее именно этот аспект дополнительно и достаточно красноречиво свидетельствует о степени решимости подстрекателя, что исключает возможность усмотрения в его поведении добровольного отказа.

Необходимо отметить, что ситуации неудавшегося соучастия нередко носят проблемный характер, вызывая достаточно серьезные сложности в практической деятельности, на что указывает следующий пример. В целях завладения чужим имуществом три группы лиц на автомобилях подъехали к дому потерпевшей. Водители остались в машинах, а остальные надели шапки-маски и с непригодным для стрельбы газовым пистолетом поднялись к квартире З. и позвонили в дверь. После того как З. открыла дверь, находившаяся в этой квартире Б. закричала, а З. начала оказывать активное сопротивление, попытавшись закрыть дверь. Нападавшие, испугавшись шума, убежали из подъезда и на ожидавших их автомобилях с места происшествия скрылись². Практически идентичная ситуация описана в статье Е. С. Шалугиной [1, с. 867].

С позиции исследуемой тематики безусловный интерес представляют действия лиц, управлявших транспортными средствами и непосредственного участия в разбойном нападении не принимавших. Первоначальная квалификация суда первой инстанции была сведена к установлению роли указанных лиц и выяснению того, к какому из видов соучастников их следует относить — соисполнителям или пособникам. В случае определения виновных в качестве пособников (данный вывод затем был подтвержден Верховным Судом Российской Федерации и в рамках данной статьи не обсуждается) требовалось установление стадии совершенного ими посягательства с позиции такого явления, как неудавшееся соучастие. Если для непосредственных участников разбойного нападения этого не требовалось, то для пособников (как, впрочем, и для организаторов или подстрекателей) данный вопрос, по мнению Верховного Суда Российской Федерации, продолжал оставаться актуальным и требовал соответствующего отражения в квалификации. В своем кассационном определении Верховный Суд Российской Федерации указал, что в связи с тем, что лица, оставшиеся в автомобилях, судом первой инстанции были признаны пособниками в совершаемом разбое, в их действиях усматриваются лишь признаки неоконченного преступления, а именно — покушения на разбой.

Не соглашаясь с данной позицией, отметим, что по своей конструкции разбой имеет усеченный состав, а его окончание связано с моментом его начала,

которое в данном случае, согласно материалам дела, имело место. Таким образом, разбой уже был завершен, а значит и ответственность всех соучастников, будь то организатор, пособник или подстрекатель, должна оцениваться с позиции оконченного посягательства. При этом неудавшегося соучастия в данном конкретном случае как такового не было, что обусловлено исключительно конструкцией состава преступления, которое совершалось виновными. Во всех остальных случаях речь действительно приходилось бы вести о неудавшемся пособничестве, например, при совершении кражи или грабежа, составы которых относятся к числу материальных.

Достаточно красноречивым является и следующий пример, характеризующий неудавшиеся действия по организации преступления. Гр. Д., испытывая личную неприязнь к С., решил предпринять действия, направленные на организацию его убийства по найму, предложив К. за денежное вознаграждение совершить данное преступление. На прямой умысел Д. указывают его действия, направленные на поиск исполнителя преступления, а также дальнейшее руководство им путем разработки плана совершения преступления, гарантированием вознаграждения, предоставлением денежных средств на приобретение орудия убийства (пистолета) и выплатой части вознаграждения. Однако подготовленное преступление не было доведено до конца по не зависящим от Д. обстоятельствам в связи с тем, что К. об этом сообщил в органы полиции, в результате вмешательства которой преступление было прервано на стадии его приготовления.

Хотя в судебном заседании Д. в организации приготовления убийства по найму виновным себя не признал, суд вполне законно и обоснованно пришел к иному выводу, квалифицировав совершенные им действия по признакам ч. 3 ст. 33, ч. 1 ст. 30, п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ как организацию приготовления к умышленному убийству по найму³.

Представленный пример красноречиво иллюстрирует неудавшееся соучастие (организаторство), причиной которого явился добровольный отказ исполнителя, сопряженный с вмешательством третьих лиц, а именно сотрудников полиции, предотвративших реализацию преступного умысла виновного на стадии приготовления преступного посягательства. Добровольный отказ исполнителя носил активный характер и был обусловлен не только отсутствием желания совершать преступление, но и стремлением его предотвратить, тем самым исключив возможность его совершения посредством привлечения к этому других исполнителей. Впрочем, данный момент, характеризуя добровольный отказ, не оказывает какого-

² Кассационное определение Коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 3 декабря 2004 г. № 46-004-85сп от 24 октября 2017 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»

³ Кассационное определение Коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации № 34-008-6 от 9 апреля 2008 г. URL: <http://sudact.ru/> (дата обращения: 11.02.2018).

либо влияния на квалификацию Д., которая остается в представленном виде вне зависимости от активного или пассивного характера добровольного отказа от доведения преступления до конца исполнителем. Более того, судебная практика знает немало примеров неудавшегося соучастия при отсутствии признаков добровольного отказа от доведения преступления до конца, основанием признания которого являются лишь действия третьих лиц, направленные на предотвращение совершаемого деяния, как и действия лиц, изначально преследовавших иные, отличные от других соучастников, цели.

Характерным в этом отношении является следующий пример. Гражданин Ч. признан виновным в покушении на пособничество в даче взятки должностному лицу за совершение им заведомо незаконных действий. Как установил суд, к Ч., работавшему старшим следователем СЧ РОПД ГСУ при ГУВД по краю, обратился его знакомый адвокат Н. с просьбой получить информацию о ходе расследования уголовных дел по фактам хищения из федерального и краевого бюджетов денежных средств в особо крупном размере при приобретении рентгеновских компьютерных томографов и о том, имеется ли возможность положительно решить вопрос о непривлечении Е. к уголовной ответственности. Ч. попросил А., бывшего следователя прокуратуры, узнать, в чьем производстве находится указанное уголовное дело и с кем можно положительно решить вопрос о непривлечении к уголовной ответственности Е.

А., намереваясь путем обмана совершить хищение денежных средств, принадлежащих Е., решил создать у Ч. ложное представление о том, что он якобы договорился с должностными лицами Следственного комитета при прокуратуре РФ по поводу непривлечения Е. к уголовной ответственности за взятку, которую необходимо передать через А. указанным должностным лицам. В действительности же А. с предложением за взятку положительно решить вопрос о непривлечении к уголовной ответственности Е. ни к кому обращаться не собирался, полученные денежные средства никому передавать не намеревался. С этой целью А., узнав необходимую информацию о движении уголовного дела, сообщил ее Ч., предоставив при этом заведомо ложные сведения о том, что положительно решить вопрос якобы можно за взятку должностным лицам Следственного комитета РФ.

Ч. в целях получения в последующем материального вознаграждения сообщил Н. о возможности положительного решения вопроса о непривлечении Е. к уголовной ответственности и запросил у А. требуемую сумму для последующей передачи ее должностным лицам Следственного комитета РФ в качестве взятки. В последующем Ч. получил от Н. первую часть

заранее обговоренной суммы взятки, в процессе передачи которой и был задержан сотрудниками УФСБ России.

Типичность ситуации подобного рода на сегодняшний день не вызывает каких-либо сомнений. Корыстный мотив Ч. и Н. от корыстного же мотива А. отличаются, так как первые при этом были полностью убеждены в том, что передают взятку, а последний действовал исключительно в рамках мошеннического умысла. Поэтому итоговая квалификация их действий осуществляется с позиции признаков неудавшегося соучастия и выглядит как пособничество в покушении на дачу взятки у Ч. и Н. и мошенничество у А. Неудавшееся пособничество в данном случае обусловлено разнонаправленным характером не столько действий всех участников приведенного выше эпизода, сколько отношением к этому действию. Таким образом, направленность умысла каждого из фигурантов оказала соответствующее влияние на юридическую оценку поведения каждого из них.

Вмешательство третьих лиц в процесс совершения исполнителем общественно опасного деяния также обеспечивает наличие признаков неудавшегося соучастия у остальных виновных. Рассмотрим пример. По приговору Московского областного суда Т. был осужден по признакам ч. 3 ст. 30, чч. 4, 5 ст. 33, п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Он признан виновным в том, что предложил выступившему под видом преступника И. за денежное вознаграждение лишить жизни Г. Впоследствии Т. передал И. предоплату, обговорил с ним способ убийства, дал иные советы и указания. В ходе оперативно-розыскного мероприятия — оперативно-эксперимента — было инсценировано убийство Г., фотографии с изображениями инсценировки переданы Т. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ, рассмотрев уголовное дело по апелляционной жалобе осужденного и адвоката, приговор оставила без изменения⁴. Совершенно справедливо по этому поводу пишет Д. А. Мелешко, что позиция, представленная в приведенном выше примере, является для практики типичной и не выступает в качестве предмета для обсуждения [2, с. 56].

Также случаем неудавшегося соучастия до 2015 г. являлся сбыт наркотических средств под контролем сотрудников правоохранительных органов в рамках проведения такого оперативно-розыскного мероприятия, как проверочная закупка. В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2006 г. № 14 г. (п. 13) указывалось следующее: «В тех случаях, когда передача наркотического средства, психотропного вещества или их аналогов осуществляется в ходе проверочной закупки, проводимой представителями правоохранительных органов в соответствии с Федеральным законом от 12 авгу-

⁴ Апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации от 18 февраля 2014 г. № 4-АП/14-6СП. URL: <http://sudact.ru/> (дата обращения: 03.03.2018).

ста 1995 г. № 144-ФЗ „Об оперативно-розыскной деятельности“; содеянное следует квалифицировать по ч. 3 ст. 30 и соответствующей части ст. 228¹ УК РФ, поскольку в этих случаях происходит изъятие наркотического средства или психотропного вещества из незаконного оборота»⁵.

Так, гр. Ч. признан виновным в том, что в феврале 2011 г. он после уговоров своего друга А. в целях сбыта приобрел у неустановленного лица марихуану в крупном размере массой 7,87 грамма. После ее хранения у себя дома в течение некоторого времени и последующих настоятельных требований А. он продал марихуану И., действующему в интересах ОРМ «Проверочная закупка». Однако сбыт не был доведен до конца, поскольку марихуана была изъята из незаконного оборота⁶. В этой ситуации действия А. были оценены как неудавшееся подстрекательство к покушению на сбыт наркотических средств, что нашло соответствующее отражение и в итоговой квалификации содеянного.

Позиция Верховного Суда Российской Федерации в этом отношении кардинально изменилась лишь в 2015 г., когда его постановлением в указанный документ был включен п. 13.1, согласно которому незаконный сбыт наркотических средств, а также психотропных веществ следует считать оконченным преступлением с момента выполнения лицом всех необходимых действий по их передаче приобретателю независимо от их фактического получения приобретателем, в том числе, когда данные действия осуществляются в ходе проверочной закупки или иного оперативно-розыскного мероприятия, проводимого в соответствии с Федеральным законом от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ „Об оперативно-розыскной деятельности“. Изъятие в таких случаях сотрудниками правоохранительных органов из незаконного оборота указанных средств, веществ, растений не влияет на квалификацию преступления как оконченного⁷. Изменение позиции Верховного Суда Российской Федерации по данному отдельно взятому вопросу оказывает самое непосредственное влияние на решение проблемы неудавшегося соучастия в случаях сбыта наркотических средств или психотропных веществ при наличии в совершаемом посягательстве организатора, подстрекателя или пособника. И если первый подход сам по себе порождал такое явление, как неудавшееся соучастие, то второй выполнил прямо противоположную функцию, полностью исключив саму постановку вопроса о возможности су-

ществования неудавшегося соучастия при совершении преступлений указанной группы.

Не менее характерной для сегодняшней правоприменительной практики является квалификация неудавшегося соучастия в ситуации, когда в процессе совершения преступления использовались непригодные средства (покушение с негодными средствами). В частности, речь идет об осечках, типичных для огнестрельного оружия; невозможности совершения полового акта по физиологическим причинам; использовании средств, непригодных для отравления потерпевшего, не сработавших взрывных устройствах и непригодных взрывчатых веществ и др.

Любой из примеров судебно-следственной практики при наличии перечисленных обстоятельств и выделении таких фигур, как организатор, подстрекатель или пособник, указывает на наличие признаков неудавшегося соучастия. Так, судом первой инстанции был осужден по чч. 4, 5 ст. 33, ч. 3 ст. 30, пп. «е», «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ гр. Х., который из корыстных побуждений подстрекал других лиц к убийству А. опасным способом с уничтожением чужого имущества, способствовал совершению этого преступления представлением информации и орудий убийства; незаконно приобретал, хранил и передавал огнестрельное оружие и боевые припасы исполнителям данного преступления братьям К. Вместе с тем в момент реализации убийства посредством взрыва автомобиля взрывное устройство сработало с недостаточной силой, не причинив никакого вреда потерпевшему. Пытаясь довести преступный умысел до конца, один из братьев К. произвел три выстрела в потерпевшего, попав при этом один раз и причинив тяжкий вред здоровью А.⁸ В итоге преступный результат так и не был достигнут по не зависящим от лиц обстоятельствам, в числе которых выступили непригодные средства (взрывчатые вещества), используемые виновными для совершения данного посягательства.

Таким образом, неудавшееся соучастие представляет собой достаточно распространенное и не всегда однозначное явление в российской судебно-следственной практике. При этом решение вопросов квалификации в случаях неудавшегося организаторства, подстрекательства или пособничества в целом имеет достаточно прочную основу, построенную как на законодательных предписаниях, так и на опыте, который в данном направлении сегодня уже наработан правоприменителем. Возникающие в ходе юридической оценки иссле-

⁵ О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2006 г. № 14 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2006. № 7. С. 1–4.

⁶ Определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации. Дело № 25-Д13-5 от 12 марта 2013 г. Доступ из справочно-поисковой системы «КонсультантПлюс».

⁷ О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2006 года № 14 „О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами“ : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 июня 2015 г. № 30 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2015. № 8. С. 1–2.

⁸ Кассационное определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 30 мая 2005 г. Дело № 45-004-78. URL: <http://sudact.ru/> (дата обращения: 12.03.2018).

дуемого явления сложности в основном обусловлены не проблемами его правового регулирования, а особенностями законодательных конструкций отдельных составов преступлений, а также конкретными обстоятельствами совершения деяний, которые этими составами преступлений предусмотрены.

Список литературы

1. *Шалюгина Е. С.* Некоторые особенности юридической конструкции нормы об ответственности за разбой организованной группой // *Юридическая техника.* 2013. № 7.
2. *Мелешко Д. А.* Неудавшееся «соучастие» в убийствах по найму // *Законность.* 2015. № 11.

А. Б. СУДНИЦЫН

Тяжесть обвинения (подозрения) и возможность назначения наказания в виде лишения свободы на длительный срок как фактические данные, подтверждающие основание избрания меры пресечения в виде заключения под стражу на первоначальном этапе расследования

На основании анализа норм закона, следственной и судебной практики (в том числе Европейского суда по правам человека) тяжесть преступления, вменяемого в вину лицу, и возможность назначения наказания в виде лишения свободы на длительный срок предложено использовать как единственные и достаточные фактические данные, подтверждающие наличие основания (п. 1 ч. 1 ст. 97 УПК РФ) для избрания меры пресечения в виде заключения под стражу на первоначальном этапе расследования.

Ключевые слова: заключение под стражу; тяжесть преступления; тяжесть обвинения (подозрения); лишение свободы на длительный срок; первоначальный этап расследования.

В системе оснований, условий, обстоятельств, определяющих возможность и необходимость избрания и применения мер пресечения, присутствует тяжесть преступления. Указанная правовая категория, согласно ст. 99 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ), относится к обстоятельствам, учитываемым при избрании и применении мер пресечения, но не является основанием для избрания этой меры (ст. 97 УПК РФ).

Обобщение практики избрания меры пресечения в виде заключения под стражу (далее — ЗПС), результаты анкетирования, интервьюирования следователей показывают, что нередко тяжесть совершенного преступления преподносится в качестве основания для избрания ЗПС. При этом конкретные данные, подтверждающие наличие оснований, остаются не установленными в достаточной мере.

Указанный подход приводит правоприменителей к отождествлению оснований, условий и обстоятельств избрания ЗПС. Итогом является подмена требований, определенных законом (например, оснований для избрания меры пресечения — обстоятельствами, которые необходимо учитывать при избрании меры пресечения). В результате чего в удовлетворении ходатайства об избрании ЗПС закономерно отказывают.

Так, Никулинский районный суд г. Москвы отказал в удовлетворении ходатайства следователя об избрании ЗПС. Принимая решение об отказе, суд указал, что в постановлении следователя не содержится ссылок на какие-либо фактические данные, дающие основания полагать, что, находясь на свободе, Б. может скрыться от следствия и суда либо иным образом воспрепятствовать производству по уголовному делу. Сама по себе тяжесть преступления, в совершении которого обвиняется Б., не является основанием для избрания в отношении него меры пресечения в виде заключения

под стражу. Решение суда первой инстанции судебная коллегия по уголовным делам Московского городского суда оставила без изменения¹.

Вместе с тем тяжесть преступления, вменяемого в вину лицу, в отношении которого решается вопрос об избрании ЗПС, может выступать не только в качестве одного из обстоятельств, учитываемых при избрании меры пресечения (ст. 99 УПК РФ). Однако прежде чем переходить к обоснованию заявленного тезиса, следует обозначить ряд отправных точек.

Действующее законодательство не разъясняет, что понимается под основаниями, условиями и другими требованиями, определяющими возможность избрания и применения мер пресечения. Не приводя разнообразные позиции по этому вопросу, полагаем возможным кратко сформулировать свою точку зрения.

В систему правовых предпосылок для решения вопроса об избрании и применении меры пресечения входят: условия; основания; обстоятельства, учитываемые при избрании (применении) меры пресечения; условия избрания (применения) конкретной меры пресечения.

Приведенные элементы системы правовых предпосылок избрания и применения мер пресечения и учет правоприменительной практики позволяют обозначить типичный алгоритм, характерный для решения вопроса об избрании ЗПС, который может заключаться в следующем.

Следователь (дознатель) может возбудить ходатайство перед судом об избрании ЗПС, суд — принять решение об избрании ЗПС, оценив наличие:

1) условий (законность и обоснованность возбуждения уголовного дела, принятие следователем уголовного дела к своему производству, обоснованность обвинения (подозрения), обусловленного достаточностью данных о причастности лица к совер-

¹ Кассационное определение Московского городского суда от 11 октября 2010 г. по делу № 22-13322. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

шенному преступлению, выразившееся в том числе в процессуальном акте, повлекшем возникновение ответственности процессуального статуса);

2) оснований (например, достаточных оснований полагать, что обвиняемый, подозреваемый скрывается от дознания, предварительного следствия или суда, подтвержденных конкретными фактическими обстоятельствами, такими как внезапное приобретение билетов для отъезда, высказывание намерений скрыться, совершение иных подобных действий);

3) обстоятельств, учитываемых при избрании меры пресечения (личность обвиняемого (подозреваемого), характер и степень общественной опасности содеянного, возраст, состояние здоровья, семейное положение, род занятий и другие);

4) условий избрания конкретной меры пресечения — ЗПС (санкция за преступление, в котором обвиняется (подозревается) лицо, предусматривающая наказание в виде лишения свободы на срок свыше трех лет; невозможность избрания другой, более мягкой меры пресечения).

Несмотря на то что уголовно-процессуальное законодательство довольно подробно определяет систему оснований, условий, обстоятельств избрания и применения мер пресечения, существующая регламентация и основывающиеся на ней подходы охватывают далеко не все возможные ситуации, складывающиеся в правоприменительной деятельности.

Представим, что на начальном этапе расследования тяжкого или особо тяжкого преступления установлено лицо, обоснованно подозреваемое в его совершении. При этом данное лицо еще не только не скрылось, но и не было зафиксировано попыток совершения с его стороны действий, указывающих на подобные намерения. Таким образом, данных, подтверждающих основания для избрания меры пресечения, предусмотренной п. 1 ч. 1 ст. 97 УПК РФ (с точки зрения действующего закона и в смысле, придаваемом сложившейся правоприменительной практикой), в такой ситуации нет. Однако индивидуальные особенности конкретного уголовного наказания (характер и степень общественной опасности, фактические обстоятельства совершения, определяющие его тяжесть) таковы, что лицо, осознавая тяжесть совершенного деяния, а также грозящее наказание, с высокой степенью вероятности попытается избежать негативных для себя последствий путем сокрытия от расследования и суда.

Случаи, подобные смоделированной ситуации, встречаются в действительности. Например, в 2012 г. жительница подмосковного города Долгопрудный вывела своих малолетних детей на балкон пятнадцатого этажа и перебросила их через ограждение. В результате падения дети погибли на месте². После совершения преступления женщина не предпринимала попытки уйти с места преступления, не высказывала на-

мерений скрыться от последующего расследования (суда), не выполняла иных типичных действий. Конкретных данных, подтверждающих наличие основания, предусмотренного п. 1 ч. 1 ст. 97 УПК РФ, на начальном этапе расследования не было. Однако это не исключало того, что по прошествии небольшого промежутка времени осознание тяжести совершенного преступления и серьезности грозящего наказания побудили бы ее скрыться.

Отсутствие типичных данных, подтверждающих наличие основания, предусмотренного п. 1 ч. 1 ст. 97 УПК РФ, характерно и для целого ряда иных ситуаций по тяжким, особо тяжким преступлениям. Например, подобное отсутствие сведений может иметь место при подозрении в совершении преступлений лиц с криминальным опытом, ранее находившихся под стражей, отбывавших наказание, связанное с лишением свободы, неоднократно судимых, участников организованных преступных формирований и пр., которые будут скрывать свои намерения по ненадлежащему поведению. При этом не исключено, что фактические данные, свидетельствующие об иных основаниях для избрания мер пресечения, могут быть еще не получены (в силу информационного и временного дефицита).

Таким образом, в неординарных ситуациях не всегда хватает стандартных правовых предпосылок для решения вопроса о ЗПС. Тяжесть совершенного преступления следует принимать во внимание не только как обстоятельство, учитываемое при избрании ЗПС. В контексте приводимых соображений предлагается индивидуализировать избрание ЗПС в зависимости от содеянного, а также от постпреступной оценки деяния лицом, его совершившим, и его возможного ненадлежащего поведения, обусловленного желанием избежать ответственности путем побега.

В связи с отсутствием в законе перечня конкретных данных, которые могут подтверждать наличие оснований для избрания мер пресечения; фактическое разнообразие таковых сведений; важность подтверждения основания (п. 1 ч. 1 ст. 97 УПК РФ) сведениями о тяжести совершенного деяния и грозящего наказания в целях предотвращения ненадлежащего поведения лица, совершившего преступление; дефицит информации, характерной для начального этапа производства по делу; а также принимая во внимание ранее изложенные доводы, констатируем следующее.

Учет тяжести совершенного преступления на первоначальном этапе производства по уголовному делу может быть определяющим при оценке вероятности наступления негативных последствий, перечисленных в п. 1 ч. 1 ст. 97 УПК РФ. Необходимо подтвердить наличие указанного основания тяжестью обвинения и возможностью назначения наказания в виде лишения свободы на длительный срок.

² В Подмоскowie мать выбросила своих детей с 15 этажа URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=829412> (дата обращения: 01.12.2017).

Для определения верности приведенных размышлений обратимся к судебной-следственной практике.

Европейский суд по правам человека (далее — ЕСПЧ) неоднократно подчеркивал, что тяжесть вменяемого в вину преступления должна учитываться при выводе о том, что лицо может скрыться: «Жестокость наказания за совершенное преступление имеет значение при оценке риска того, что лицо скроется от правосудия»³; «вид и размер грозящего заявителю (обвиняемому, подозреваемому. — А. С.) наказания имеют значение для оценки опасности того, что он скроется от следствия»⁴; «суровость возможного приговора (она во многом определяется тяжестью совершенного преступления. — А. С.) является важным фактором при оценке возможности побега»⁵; и др.

Более того, ЕСПЧ отмечал, что на начальном этапе производства по делу сведения о тяжести преступления имеют особое значение. «Ввиду тяжести предъявленного заявителю обвинения власти Российской Федерации могли разумно полагать, что подобный риск (лицо скроется от правосудия. — А. С.) был изначально установлен»⁶. «Европейский Суд допустил, что подозрения в том, что заявитель совершил тяжкое преступление, могло служить изначально основанием для применения меры пресечения. Европейский суд согласился, что на начальной стадии разбирательства по делу необходимость обеспечения надлежащего проведения расследования и предотвращения того, что заявитель скроется от правосудия или совершит повторное преступление, могла быть оправданием содержания под стражей»⁷.

Подобная позиция прослеживается в решениях Европейского суда по правам человека применительно и к иным основаниям для избрания мер пресечения: «На начальных стадиях следствия угроза того, что обвиняемый воспрепятствует правосудию, может оправдывать его содержание под стражей»⁸;

«Европейский Суд приемлет тот аргумент, что опасения в воспрепятствовании следствию вкупе с подозрениями, что заявитель совершил преступления, в которых он был обвинен, могли первоначально быть достаточным основанием для санкционирования заключения заявителя под стражу»⁹. Продолжая приведенную логику, ЕСПЧ и в ряде последующих решений отмечал, что возможность наказания в виде лишения свободы на длительный срок определяет избрание ЗПС на начальных стадиях разбирательства¹⁰.

Таким образом, согласно позиции Европейского суда по правам человека, предполагаемое наказание в виде лишения свободы на длительный срок определяет возможность избрания ЗПС на начальных стадиях разбирательства.

Юрисдикция Европейского суда по вопросам толкования и применения Конвенции и Протоколов к ней, подчеркивает Верховный Суд РФ, признается Российской Федерацией обязательной, приведенные постановления подлежат применению при вынесении решений в аналогичных ситуациях, что обеспечит учет практики применения ЕСПЧ¹¹. В судебной практике по конкретным уголовным делам обнаруживается подтверждение этому.

Так, Воронежский областной суд, рассматривая в апелляционном порядке жалобу на постановление судьи Центрального районного суда г. Воронежа об избрании ЗПС в отношении Гончар, оставил постановление без изменения, а жалобу — без удовлетворения. Областной суд, найдя постановление районного суда законным и обоснованным, привел правовые предпосылки для избрания ЗПС, особо акцентировав внимание на том, что «подозреваемый в совершении тяжких преступлений с целью избежать уголовной ответственности за содеянное может скрыться от органов предварительного следствия и суда... При этом, согласно позиции Европейского Суда по правам человека, на первоначальном этапе следствия для избра-

³ Дело Рохлина (Rokhlina) против Российской Федерации : постановление Европейского суда по правам человека от 7 апреля 2005 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Дело Мамедова (Mamedova) против Российской Федерации : постановление Европейского суда по правам человека от 1 июня 2006 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ Дело Яковлев (Yakovlev) против Российской Федерации : постановление Европейского суда по правам человека от 29 апреля 2010 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁶ Дело Рохлина (Rokhlina) против Российской Федерации : постановление Европейского суда по правам человека от 7 апреля 2005 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁷ Дело Панченко (Panchenko) против Российской Федерации : постановление Европейского суда по правам человека от 8 февраля 2005 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁸ Дело Мамедова (Mamedova) против Российской Федерации : постановление Европейского суда по правам человека от 1 июня 2006 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁹ Дело Калашников (Kalashnikov) против Российской Федерации : постановление Европейского суда по правам человека от 15 июля 2002 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁰ Дело Самойлов (Samoylov) против Российской Федерации : постановление Европейского суда по правам человека от 24 января 2012 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» ; Дело Пятков (Pyatkov) против Российской Федерации : постановление Европейского суда по правам человека от 13 ноября 2012 г. ; Дело Королева (Koroleva) против Российской Федерации : постановление Европейского суда по правам человека от 13 ноября 2012 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹¹ О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 октября 2003 г. № 5. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ния меры пресечения в виде содержания под стражей достаточно подозрения в совершении тяжких и особо тяжких преступлений»¹².

На данную особенность обращает внимание и сам Верховный Суд РФ, фактически разграничивая степень обоснованности решения об избрании этой меры пресечения в зависимости от периода расследования¹³. Так, в пп. 5, 21 постановления указывается, что наличие основания для избрания ЗПС (п. 1 ч. 1 ст. 97 УПК РФ) на первоначальных этапах производства по уголовному делу может быть подтверждено собственно тяжестью предъявленного обвинения и возможностью назначения наказания в виде лишения свободы на длительный срок.

Примеры использования судами районного и областного уровней логики, приведенной ЕСПЧ и Верховным Судом РФ, имеются.

Так, Краснодарский краевой суд, рассматривая в апелляционном порядке жалобу на постановление Динского районного суда об избрании ЗПС в отношении К., оставил жалобу без удовлетворения, а постановление без изменения. Краевой суд, согласившись с решением районного суда, привел сведения, подтверждающие наличие общих условий, оснований для избрания меры пресечения, обстоятельств, учитываемых при избрании меры пресечения, а также условий избрания ЗПС. При этом в подтверждение наличия оснований использовалось следующее обоснование: «Судом первой инстанции при разрешении ходатайства следователя об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении К. было принято во внимание, что он подозревается в совершении тяжкого преступления, за которое может быть назначено наказание в виде длительного лишения свободы, и, опасаясь суровости наказания, может скрыться от органов следствия и суда». Таким образом, фактическими данными, подтверждающими наличие основания, предусмотренного п. 1 ч. 1 ст. 97 УПК РФ, являлись подозрение в совершении тяжкого преступления и возможность назначения наказания в виде лишения свободы на длительный срок, а также осознание подозреваемым суровости наказания¹⁴.

Положительно оценивая сформулированный ЕСПЧ и Верховным Судом РФ подход, учитывающий возникающие на практике ситуации дефицита информации на первоначальном этапе производства по делу при решении вопроса об избрании ЗПС, необходимо сделать некоторые уточнения.

Используемую Верховным Судом РФ формулировку — «тяжесть предъявленного обвинения» — не следует истолковывать буквально и связывать только с институтом привлечения в качестве обвиняемого. Закон предусматривает возможность избрания меры пресечения и в отношении подозреваемого (ст. 100 УПК РФ). Поэтому целесообразнее говорить о тяжести преступления, в совершении которого обвиняется или подозревается лицо, в отношении которого принимается решение об избрании ЗПС.

Обоснованность данного уточнения, как и в целом обозначенного подхода, подтверждается и Обзором судебной практики. Так, Президиум Верховного Суда РФ, подчеркивая, что вывод о том, что лицо скрывается от дознания или предварительного следствия по делам о преступлениях небольшой и средней тяжести не может быть обоснован только тяжестью преступления, указывает: «в отличие от случаев подозрения или обвинения лица в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления» (п. 1.3)¹⁵.

Кроме того, следует сделать еще одно уточнение. Необходимость подтверждения основания, предусмотренного п. 1 ч. 1 ст. 97 УПК РФ, тяжестью совершенного преступления и возможным наказанием не исключается не только на первоначальном этапе, но и на более поздних этапах производства по делу. Такая потребность может быть вызвана, например, тем, что в ходе расследования появляется информация о лице, подлежащем привлечению в качестве обвиняемого, но исчерпывающих данных для полноценного обоснования решения об избрании ЗПС в общем порядке (несмотря на ранее проводившиеся процессуальные действия) не имеется. Таким образом, следователь может находиться в условиях, аналогичных тем, что имели место при решении вопроса об избрании ЗПС на первоначальном этапе производства по уголовному делу. В связи с этим следует говорить о возможности подтверждения основания, предусмотренного п. 1 ч. 1 ст. 97 УПК РФ, тяжестью обвинения (подозрения) и предполагаемым назначением наказания на длительный срок и на последующих этапах производства по делу, но при первоначальном избрании ЗПС.

Подытожим. Тяжесть преступления, вменяемого в вину лицу, и возможность назначения наказания в виде лишения свободы на длительный срок могут выступать в качестве единственных и достаточных фактических данных, подтверждающих наличие основания (п. 1 ч. 1 ст. 97 УПК РФ) для избрания ЗПС на первоначальном

¹² Апелляционное постановление Воронежского областного суда от 16 апреля 2015 г. по делу № 22К-762/2015. URL: [http://sudact.ru/regular/doc/P7LFmBG4qxrO/?regular-txt=®ular-case_doc=22%D0%9A-762%2F2015®ular-lawchunkinfo1507314726618_\(дата обращения: 01.12.2017\)](http://sudact.ru/regular/doc/P7LFmBG4qxrO/?regular-txt=®ular-case_doc=22%D0%9A-762%2F2015®ular-lawchunkinfo1507314726618_(дата обращения: 01.12.2017)).

¹³ О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 г. № 41. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁴ Апелляционное постановление Краснодарского краевого суда от 30 июня 2016 г. по делу № 22-3815/2016. URL: [https://rospravosudie.com/court-krasnodarskij-kraevoj-sud-krasnodarskij-kraj-s/act-550043566_\(дата обращения: 01.12.2017\)](https://rospravosudie.com/court-krasnodarskij-kraevoj-sud-krasnodarskij-kraj-s/act-550043566_(дата обращения: 01.12.2017)).

¹⁵ Обзор практики рассмотрения судами ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и о продлении срока содержания под стражей (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 18 января 2017 г.) // Бюллетень Верховного суда РФ. 2017. № 9.

этапе расследования. Безусловно, данный подход не исключает необходимости подтверждения наличия общих условий избрания мер пресечения, условий избрания конкретной меры пресечения, учета обстоятельств, предусмотренных ст. 99 УПК РФ.

Предложенный подход позволит повысить эффективность решений правоприменителей при из-

брании ЗПС в условиях дефицита информации, характерных для первоначального этапа производства по делу, будет способствовать пресечению возможности скрыться от следствия и суда подозреваемых и обвиняемых и в целом обеспечит адекватную и соразмерную реакцию на преступные вызовы, относящиеся к тяжким и особо тяжким деяниям.

Особенности продления предельного срока содержания под стражей по возвращенному судом уголовному делу

Анализируется постановление Конституционного Суда РФ от 16 июля 2015 г. № 23-П, а также особые мнения судей органа конституционного контроля о возможности содержания обвиняемого под стражей свыше предельных сроков по уголовному делу, возвращенному прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ. Автором дается положительная оценка правовым позициям Конституционного Суда РФ, однако критически трактуется правоприменительная практика.

Ключевые слова: предельный срок содержания под стражей; Конституционный Суд Российской Федерации; правовая позиция; возвращение уголовного дела прокурору; пробелы правового регулирования; ознакомление с материалами дела; досудебное производство.

Как следует из постановления Конституционного Суда РФ от 16 июля 2015 г. № 23-П¹ (далее — Постановление) *обвиняемый*, в отношении которого уголовное дело возвращено прокурору для устранения препятствий к его рассмотрению судом, *может содержаться под стражей свыше установленных предельных сроков применения данной меры пресечения*, даже если требование о представлении ему и его защитнику возможности ознакомления с материалами уголовного дела за 30 суток до окончания предельного срока не было соблюдено. Это постановление получило неоднозначный отклик у юридической общественности [1, с. 65–69; 2, с. 66–73], особенно негативно оно воспринято адвокатским сообществом. Обратимся к правовым позициям, сформулированным в постановлении, и рассмотрим их не только (и не столько) с теоретической точки зрения, но и с позиции правоприменительной практики. Для начала попытаемся разобратся в предпосылках их формирования.

Уголовно-процессуальное законодательство подчеркивает различия в регламентации сроков содержания обвиняемого под стражей в период предварительного расследования и судебного разбирательства, однако не выражает специфики применения данной меры пресечения и, соответственно, продления срока заключения под стражу в отношении обвиняемого по уголовному делу, возвращенному прокурору для устранения препятствий к его рассмотрению судом².

Необходимость специального регулирования правоотношений, складывающихся в связи с возвра-

щением уголовного дела прокурору, очевидна, на это неоднократно обращал внимание Конституционный Суд РФ³. Обусловлена она содержанием и задачами этапа уголовного судопроизводства, в ходе которого устраняются нарушения, препятствующие рассмотрению дела.

Поскольку целью нашего анализа является определение сущности и обоснование разумности толкования Конституционным Судом РФ существа института возвращения уголовного дела прокурору, приведем выдержки из описательно-мотивировочных частей решений, отражающие понимание Конституционным Судом РФ предназначения этой процедуры.

Подход Конституционного Суда РФ к вопросу о существовании этапа возвращения уголовного дела прокурору:

1) «...поскольку конституционные принципы правосудия предполагают неукоснительное следование процедуре уголовного преследования, ... суд, выявив допущенные органом расследования процессуальные нарушения, вправе принимать предусмотренные уголовно-процессуальным законом меры по их устранению с целью восстановления нарушенных прав и создания условий для... рассмотрения дела по существу»;

2) «возвращение уголовного дела прокурору судом имеет целью не продолжение следственной деятельности по обоснованию или дополнению обвинения, а приведение процедуры предварительного расследования в соответствие с требованиями уголовно-процессуального закона, создание предпосы-

¹ По делу о проверке конституционности положений частей третьей-седьмой статьи 109 и части третьей статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С. В. Махина : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16 июля 2015 г. № 23-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Следует отметить, что из-за разной правовой природы содержащихся в ст. 237 УПК РФ оснований возвращения уголовного дела прокурору рассматриваемый порядок исчисления и продления срока содержания под стражей распространяется только на случаи, предусмотренные частями 1 и 12 данной статьи. Аналогичный (абз. 3 п. 3.1 постановления Конституционного Суда РФ от 16 июля 2015 г. № 23-П). [3], [4, с. 53].

³ По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан : постановление Конституционного Суда РФ от 8 декабря 2003 г. № 18-П ; По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Республики Узбекистан Б. Т. Гадаева и запросом Курганского областного суда : постановление Конституционного Суда РФ от 2 июля 2013 г.; особые мнения судей Конституционного Суда РФ к этим решениям.

лок для правильного применения норм уголовного закона, что дает возможность — после устранения выявленных процессуальных нарушений и предоставления участникам уголовного судопроизводства возможности реализовать свои права — вновь направить дело в суд для рассмотрения по существу»⁴;

3) «...в контексте стадийности уголовного судопроизводства... процедура возвращения уголовного дела прокурору для устранения препятствий к его судебному рассмотрению, по существу, — особый порядок движения уголовного дела, не тождественный его возвращению для производства дополнительного расследования»;

4) «суд... обязан — учитывая обстоятельства, послужившие основанием для направления уголовного дела прокурору, и исходя из существа допущенных процессуальных нарушений — установить разумный срок, который достаточен для производства следственных действий, необходимых для устранения препятствий к судебному рассмотрению дела»⁵.

Обобщим позиции Конституционного Суда РФ:

1. Возвращение уголовного дела прокурору — особый порядок движения дела. Высший суд отличает его от возвращения дела для производства дополнительного расследования. Уголовное дело направляется прокурору исключительно для устранения допущенных в досудебном производстве нарушений, препятствующих судебному разрешению дела, в целях восстановления нарушенных прав участников и создания условий для рассмотрения дела по существу.

2. Устранение нарушений должно осуществляться в разумные сроки, обусловленные выявленными судом обстоятельствами.

3. После устранения нарушения уголовное дело должно вернуться в суд для его разрешения по существу.

Анализ пп. 3.2, 4 описательно-мотивировочной части постановления позволяет увидеть, что Конституционный Суд РФ считает процедуру возвращения уголовного дела прокурору самостоятельным, отличным от предварительного расследования и вошедшим в себя некоторые черты судебного производства этапом уголовного процесса. Дело возвращается с единственной целью — устранить преграды к разрешению уголовного дела по существу. Исходя из такого понимания существа этапа возвращения уголов-

ного дела, Конституционный Суд РФ формирует свое отношение к возможности применения меры пресечения в период устранения нарушений.

Теперь определим правила применения меры пресечения в виде содержания под стражей по возвращенному делу.

УПК РФ определяет единые (для судебного и досудебного производств) основания применения заключения под стражу, а также предусматривает сроки содержания под стражей и порядок их продления. При этом согласно ст. 109 УПК РФ при расследовании преступлений срок содержания под стражей не может превышать 2 месяца. Когда закончить предварительное расследование в течение этого времени невозможно, срок может быть продлен до 6 месяцев. Дальнейшее продление допускается в отношении лиц, обвиняемых в совершении тяжких и особо тяжких преступлений, только в случаях особой сложности уголовного дела. При обвинении лиц в совершении особо тяжких преступлений в исключительных случаях срок содержания под стражей может быть продлен до 18 месяцев. Таким образом, в УПК РФ содержатся формальные ограничения, определяющие максимальный срок содержания под стражей в период предварительного расследования, за пределами которых, по общему правилу, дальнейшее пребывание обвиняемого под стражей недопустимо. Поэтому в случаях, когда в рамках предельных сроков содержания под стражей не удалось завершить расследование, лицо подлежит немедленному освобождению. Исключением из общего правила являются положения ч. 7 ст. 109 УПК РФ, в силу которых для обеспечения права обвиняемого и его защитника на ознакомление с материалами дела без ограничения во времени и для профилактики злоупотребления этим правом срок содержания обвиняемого под стражей может быть продлен свыше установленных предельных сроков⁶. В качестве баланса между публичными интересами, требующими применения к лицу заключения под стражу, и важностью права на свободу личности, в чч. 5, 7 ст. 109 УПК РФ закреплено условие, несоблюдение которого делает невозможным содержание лица под стражей свыше предельного срока. Таким условием является предоставление обвиняемому и его защитнику материалов оконченного уголовного дела не позднее чем за

⁴ Постановление Конституционного Суда РФ от 16 июля 2015 г. № 23-П.

⁵ По делу о проверке конституционности статей 237, 413 и 418 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом президиума Курганского областного суда : постановление Конституционного Суда РФ от 16 мая 2007 г. № 6-П ; По делу о проверке конституционности части первой статьи 320, части второй статьи 327 и статьи 328 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами гражданки Е. В. Алейниковой «Общество с ограниченной ответственностью «Три К» и запросами Норильского городского суда Красноярского края и Центрального районного суда города Читы : постановление Конституционного Суда РФ от 21 апреля 2010 г. № 10-П ; постановление Конституционного Суда РФ от 2 июля 2013 г. № 16-П ; постановление Конституционного Суда РФ от 16 июля 2015 г. № 23-П ; и др. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁶ Федеральным законом от 19 февраля 2018 г. № 27-ФЗ внесены изменения в ст. 109 УПК РФ, в соответствии с которыми после направления следователем дела прокурору срок содержания под стражей может быть продлен свыше предельного срока: 1) на время ознакомления прокурора с материалами уголовного дела на этапе утверждения обвинительного заключения; 2) на период обжалования следователем решения прокурора о возвращении уголовного дела; 3) для обеспечения судебной деятельности, связанной с организацией судебного заседания, в ходе которого рассматривается вопрос об оставлении меры пресечения.

30 суток до окончания такого срока, установленного чч. 2 и 3 данной статьи⁷.

Для судебных стадий предусмотрены иные сроки содержания под стражей и порядок их продления. Так, в ходе судебного разбирательства и апелляционного производства срок содержания под стражей подсудимого не может превышать 6 месяцев, однако по уголовным делам о тяжких и особо тяжких преступлениях суд вправе продлить срок его содержания под стражей, но каждый раз не более чем на 3 месяца (чч. 2, 3 ст. 255 УПК РФ). Каких-либо формальных ограничений, устанавливающих предельные сроки содержания под стражей лиц, обвиняемых в совершении *тяжких и особо тяжких* преступлений, не предусмотрено.

Важным моментом является вытекающее из ст. ст. 109 и 255 УПК РФ правило, в силу которого время содержания обвиняемого под стражей на стадии предварительного расследования не включается в судебный срок содержания под стражей, и наоборот⁸.

Особым случаем продления срока содержания под стражей является принятие такого решения при возвращении уголовного дела прокурору для устранения препятствий его рассмотрения. Поскольку направленное прокурору дело должно вернуться в суд, Конституционный Суд РФ распространяет на этап устранения препятствий правила «судебного» содержания под стражей — отсутствие предельного ограничения. Учитывая прямое предписание закона (ч. 3 ст. 237 УПК РФ) и необходимость закрепления содержащегося под стражей лица за органом расследования, суд определяет срок его содержания под стражей с учетом сроков, предусмотренных ст. 109 УПК РФ. Все остальные правила этой статьи (в том числе о недопустимости продления предельного срока содержания под стражей) не распространяются на данный случай (абз. 5 п. 3.2 Постановления).

В таком истолковании Конституционным Судом РФ возможности содержания обвиняемого под стражей свыше предусмотренных ст. 109 УПК РФ предельных сроков нет ничего фатального: этот срок строго ограничен необходимостью устранить конкретное нарушение и ознакомить обвиняемого «с новыми для него, не фигурирующими ранее в деле материалами», а также, при необходимости, с материалами, с которы-

ми он ознакомился до направления дела в суд (п. 4 Постановления). Возвращая дело, суд не просто соглашается с необходимостью продления срока содержания под стражей, он принимает решение исходя из анализа всего комплекса обстоятельств, в том числе связанных с переходом уголовного судопроизводства в особый порядок движения возвращенного уголовного дела, с учетом разумности сроков его нахождения под стражей. Гарантиями от необоснованного и незаконного применения меры пресечения выступают процедура сокращенного обжалования судебного решения и механизмы компенсационного характера, включая возмещение вреда, причиненного необоснованным содержанием под стражей (п. 5 Постановления).

Однако серьезные опасения вызывает правоприменительная практика. Изучая особенности производства по возвращенным прокурору уголовным дела более десяти лет, автор убедилась в существенном расхождении судебно-следственной практики с правовыми позициями Конституционного Суда РФ. В частности, давно стало нормой, что сроки устранения нарушений исчисляются месяцами и даже годами. Неодинаковы случаи, когда возвращенные дела повторно в суд не направляются. Под видом устранения препятствий к рассмотрению уголовного дела за рамками судебных указаний проводятся полномасштабные расследования (допросы, обыски, другие следственные действия), направленные на изобличение обвиняемого, что категорически запрещено (условием возвращения судом уголовного дела прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ является запрет на восполнение полноты проведенного расследования⁹). Поэтому сроки содержания обвиняемых под стражей становятся бесконечными, ограниченными только сроками давности привлечения к уголовной ответственности¹⁰. Вместе с тем правоприменитель не вправе придавать нормам закона иной смысл, нежели выявленный в результате их проверки в конституционном судопроизводстве, т. е. смысл, не соответствующий Конституции РФ, тем самым преодолевая решения Конституционного Суда РФ¹¹.

Обеспокоенность по этому поводу в особом мнении к Постановлению выражают судьи Конституционного Суда РФ¹².

⁷ О порядке продления предельных сроков содержания под стражей для ознакомления обвиняемого с материалами уголовного дела, смотри [5, с. 37], [6, с. 90].

⁸ О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁹ Постановления Конституционного Суда РФ от 18 декабря 2003 г. № 18-П; от 2 июля 2013 г. № 16-П; и др.

¹⁰ Особое мнение судьи Конституционного Суда РФ Данилова Ю. М. (по поводу постановления Конституционного Суда РФ от 16 июля 2015 г. № 23-П). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹¹ По ходатайству гр. Махина С. В. об официальном разъяснении постановления Конституционного Суда РФ от 16 июля 2015 г. № 23-П, определений Конституционного Суда Российской Федерации от 6 февраля 2003 г. № 34-О, от 12 мая 2006 г. № 135-О; и др.: определение Конституционного Суда РФ от 10 марта 2016 г. № 484-О-П; По делу о проверке конституционности положений статьи 90 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан В. Д. Власенко и Е. А. Власенко: постановление Конституционного Суда РФ от 21 декабря 2011 г. № 30-П, и др. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹² Особое мнение судьи Конституционного Суда Российской Федерации Данилова Ю. М.; Особое мнение судьи Конституционного Суда Российской Федерации Казанцева С. М.; Особое мнение судьи Конституционного Суда Российской Федерации Гаджиева Г. А. (относительно постановления Конституционного Суда РФ от 16 июля 2015 г. № 23-П). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Выход из сложившейся ситуации — детальная регламентация деятельности органа расследования по устранению нарушений уголовно-процессуального закона, препятствующих рассмотрению дела. Бездействие законодателя приводит к нарушению прав участников уголовного судопроизводства.

Наличие правовой неопределенности дает возможность неограниченного усмотрения правоприменительных органов¹³. Это отчетливо видно на примере дела С. В. Махина, жалоба которого стала поводом формирования правовых позиций в Постановлении. Срок первоначального расследования дела в отношении С. В. Махина длился 17 месяцев, тогда как производство по возвращенному делу велось более 26 месяцев.

Список литературы

1. Сидоренко М. В. Правовые позиции актов конституционного правосудия в контексте правила Plain Meaning Rule // Научный вестник Омской академии МВД России. 2018. № 1(68).
2. Червоткин А. С. Заключение под стражу при возвращении уголовного дела прокурору // Уголовный процесс. 2016. № 5.
3. Кальницкий В. В., Куряхова Т. В. Существо и порядок реализации позиции Конституционного Суда РФ по вопросу о возвращении дела прокурору для усиления обвинения // URL: <http://www.iuaj.net/node/1409#comments>;
4. Кальницкий В. В., Куряхова Т. В. Предлагаемая процессуальная форма не соответствует содержанию // Законодательство и практика. 2014. № 1.
5. Седельников П. В. Продление предельных сроков содержания под стражей // Законодательство и практика. 2014. № 2.
6. Седельников П. В. Продление срока содержания под стражей сверх предельного // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 12. Ч. 2.

¹³ Особое мнение судьи Конституционного Суда Российской Федерации Казанцева С. М. (относительно постановления Конституционного Суда РФ от 16 июля 2015 г. № 23-П). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

К проблеме возбуждения уголовных дел о преступлениях, связанных с незаконным оборотом «неподконтрольных» наркотических средств

Рассматриваются вопросы, связанные с принятием итогового решения стадии возбуждения уголовного дела при изъятии вещества, не включенного в Перечень наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации¹ (далее — Перечень). Приводится положительный опыт расследования и рассмотрения в суде уголовных дел данной категории.

Ключевые слова: возбуждение уголовного дела; наркотические средства; производные; аналоги; новые потенциально опасные психоактивные вещества.

В Докладе Международного комитета по контролю над наркотиками за 2017 г. указано: «Количество изъятых новых психоактивных веществ продолжает увеличиваться в каждом регионе мира. По состоянию на сентябрь 2017 г. на консультативном портале раннего предупреждения о новых психоактивных веществах УНП ООН, представляющем собой систему отслеживания новых психоактивных веществ, о которых сообщают государства-члены, были размещены данные о 796 конкретных веществах, что превышает показатель 2016 г., когда было сообщено о 739 веществах. Многие из выявленных веществ не задерживаются на рынке надолго»².

Впервые правоохранительные органы России столкнулись с проблемой «неподконтрольных» веществ в 2010–2012 гг., когда в различных регионах России участились случаи изъятия из оборота веществ, не внесенных в Перечень. Например, только в первом квартале 2013 г. Управлением ФСКН России по Красноярскому краю произведено 20 изъятий (общей массой более 11 кг) из оборота психоактивных веществ, не отнесенных к Перечню наркотических средств, психотропных или сильнодействующих веществ и не являющихся их производными.

Об актуальности рассматриваемого вопроса также свидетельствует обращение к данной проблеме Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации (далее — Уполномоченный). Из Доклада о деятельности Уполномоченного за 2016 год: «В нескольких коллективных обращениях говорилось о низком качестве экспертных заключений, а также о том, что дополнение Списка № 1, являющегося приложением к постановлению Правительства Российской Федерации от 30 июня 1998 г. № 681 „Об утверждении перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контро-

лю в Российской Федерации“, словами „и его производные, за исключением производных, включенных в качестве самостоятельных позиций в перечень“ привело к тому, что граждане Российской Федерации привлекаются к уголовной ответственности за оборот веществ, которые не указаны ни в одном перечне, а психоактивное воздействие которых на человека не исследовано и не установлено. Таких веществ может быть огромное множество, конечное число которых невозможно установить, их крайне трудно назвать в полном объеме даже профессиональным химикам... Таким образом, под сомнение ставится само понятие «Перечень», которое предусматривает конкретное, определенное и закрытое количество позиций, его составляющих. Любой человек, ознакомившись с ним, должен знать, за какие действия он может быть привлечен к уголовной ответственности. Такая ситуация, и в этом Уполномоченный согласен с доводами заявителей, позволяет правоприменителям расширительно, руководствуясь только заключениями экспертов уже в рамках возбужденного уголовного дела, толковать список наркотических средств, запрещенных к обороту в Российской Федерации, и привлекать к уголовной ответственности по аналогии...»³.

В связи с этим Уполномоченным предложено «рассмотреть вопрос о внесении ряда изменений в законодательство, а именно раскрыть в законодательстве понятие „производные наркотических средств“, что исключило бы субъективный подход к толкованию положения закона, так как отсутствие правовой определенности в этом вопросе приводит к трудностям при определении конкретных критериев уголовно-правового запрета и может привести к злоупотреблениям со стороны должностных лиц»⁴.

Приведенная точка зрения по предлагаемым изменениям не вызывает полного согласия.

¹ Об утверждении перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации : постановление Правительства РФ от 30 июня 1998 г. № 681. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² С текстом Доклада можно ознакомиться на русскоязычной версии веб-сайта Международного комитета по контролю над наркотиками (www.incb.org).

³ Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2016 г. // Рос. газета. 2017. 17 мая.

⁴ Там же.

Нацеленность наркодилеров на распространение новых опасных веществ подталкивает правоохранителей к познанию «юридической химии». Закон (ст. 57 УПК РФ) позволяет привлекать к участию в уголовном судопроизводстве лицо, обладающее специальными знаниями.

Опасные социально-экономические последствия распространения на территории России новых видов «неподконтрольных» психоактивных веществ требуют от законодателя и правоприменителя принятия быстрых и эффективных запретительных мер.

Признаем, что существуют некоторые трудности в разграничении категорий «наркотические средства», «психотропные вещества», «производные наркотических средств и психотропных веществ» (далее — производные), «аналоги наркотических средств и психотропных веществ» (далее — аналоги), «новые психоактивные вещества». Сложности возникают перед следователем (дознавателем) и при решении вопроса о возбуждении уголовного дела. Подробная уголовно-правовая характеристика деяний, предусмотренных ст. ст. 228, 228¹ УК РФ, не является предметом настоящей статьи, однако обратим внимание на отдельные обстоятельства, учет которых важен при разрешении вопроса о возбуждении уголовного дела.

Действующее законодательство однозначно определяет критерии, позволяющие относить те или иные вещества к категориям «наркотические средства», «психотропные вещества», «производные», «аналоги», «новые потенциально опасные психоактивные вещества», что исключает возможность какой-либо неопределенности.

Словосочетание «наркотические средства» каких-то неясностей не вызывает, поскольку позволяет привлекать лиц к ответственности за незаконный оборот веществ, внесенных в Перечень запрещенных.

Множество нареканий имеется к формулировке «новые потенциально опасные психоактивные вещества», которая была введена Федеральным законом от 3 февраля 2015 г. № 7-ФЗ⁵. Идея законодателя заключалась во временном введении полного запрета на оборот изымаемых неизвестных веществ до внесения их в Перечень в установленном Правительством РФ порядке либо до введения в отношении

них санитарно-эпидемиологических требований, предусмотренных законодательством. Вместе с тем, по нашему мнению, эксперимент не удался, поскольку механизм формирования реестра упомянутой категории веществ четко проработан не был. Норма, предусмотренная ст. 234¹ УК РФ, являлась «мертворожденной». До настоящего времени реестр новых потенциально опасных психоактивных веществ не формируется.

Исследованию также подлежит не менее обсуждаемая категория «производные». К ним относятся вещества синтетического или естественного происхождения, которые не включены самостоятельными позициями в государственный реестр лекарственных средств или в Перечень наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации, химическая структура которых образована заменой (формальным замещением) одного или нескольких атомов водорода, галогенов и (или) гидроксильных групп в химической структуре соответствующего наркотического средства или психотропного вещества на иные одновалентные и (или) двухвалентные атомы или заместители (за исключением гидроксильной и карбоксильной групп), суммарное количество атомов углерода в которых не должно превышать количество атомов углерода в исходной химической структуре соответствующего наркотического средства или психотропного вещества⁶. На первый взгляд, такая формулировка кажется громоздкой и неясной. Получив некоторые разъяснения от химиков, мы можем констатировать, что отнесенное к производным вещество должно иметь сходную структуру с контролируемым наркотическим средством или психотропным веществом, при этом условия сходства — замена одного или нескольких атомов водорода, галогенов и (или) гидроксильных групп на иные одновалентные и (или) двухвалентные атомы или заместители.

Понятие «производные» является общепринятым термином и используется во многих нормативных актах, в том числе международных. Законность включения в Перечень понятия «производные» неоднократно являлась предметом разбирательств в Верховном Суде РФ⁷ и Конституционном Суде РФ⁸. При

⁵ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федеральный закон от 3 февраля 2015 г. № 7-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁶ Об утверждении перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации : постановление Правительства РФ от 30 июня 1998 г. № 681. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁷ Об оставлении без изменения решения Верховного Суда РФ от 18 июля 2014 г. № АКПИ14-584, которым отказано в удовлетворении заявления о признании частично недействующим постановления Правительства РФ от 01 октября 2012 г. № 1002 «Об утверждении значительного, крупного и особо крупного размеров наркотических средств и психотропных веществ, а также значительного, крупного и особо крупного размеров для растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, для целей статей 228, 228¹, 229 и 229¹ Уголовного кодекса Российской Федерации» : апелляционное определение Верховного Суда РФ № АПЛ 14-582 от 4 декабря 2014 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁸ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Басенко Сергея Олеговича на нарушение его конституционных прав положениями постановлений Правительства Российской Федерации «Об утверждении перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации» и «О внесении изменения в перечень наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации» : определение Конституционного Суда РФ от 24 сентября 2013 г. № 1502-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

этом существующий механизм законодательного регулирования не предполагает одновременного включения одного и того же вещества (препарата, материала) в разные списки объектов, ограниченных в обороте или запрещенных к обороту, что позволяет гражданам осознавать существо ограничений и запретов, предвидеть правовые последствия своего поведения, а правоприменителям разграничивать смежные противоправные деяния⁹.

В любом случае вопрос отнесения следователем (дознавателем) вещества к категории «производное» и возбуждения уголовного дела по факту изъятия такого будет разрешаться исходя из заключения эксперта, содержащего вывод о том, что представленное на исследование вещество является производным наркотического средства или психотропного вещества.

Гораздо сложнее в этом плане разрешается вопрос отнесения изъятых веществ к категории «аналоги». Практика привлечения правоохранительными органами лиц к уголовной ответственности за незаконный сбыт «неподконтрольных» веществ через категорию «аналоги» спровоцировала широкий общественный резонанс.

Полагаем, что позиция Уполномоченного по правам человека, прозвучавшая в Докладе, была во многом сформирована доводами заявителей и общественных правозащитников, указывающих на незаконность сбываемых неизвестных психоактивных веществ.

Так, на протяжении последних лет исследуемая тема активно обсуждается в средствах массовой информации, на правовых порталах сети Интернет¹⁰. Независимыми экспертами, позиционирующими себя специалистами в области химии, на коммерческой основе оказываются услуги по рецензированию заключений, произведенных по уголовным делам экспертами МВД России. В частности, речь идет о независимой судебно-экспертной организации «Бюро независимой экспертизы „Версия“»¹¹. Правозащитники отмечают необходимость коренного изменения законодательства о наркотических, психотропных, ядовитых, сильнодействующих, психоактивных веществах [1, с. 85]. Есть мнения об отмене практики внесения веществ в перечни постановлением Правительства РФ, которые «составляются по заявкам силовиков»; о создании независимого экспертного органа, состоящего из медиков и химиков (не связанных своим служебным положением с правоохранителями), который будет формировать списки психоактивных веществ и определять их размеры с использованием научных данных о реальной степени опасности этих веществ для здоровья человека [2, с. 1].

Частично соглашаясь с озвученными позициями, считаем вполне оправданным создание единого научно-исследовательского центра (института) по исследованию психоактивных веществ и метаболитов. В настоящее время в России такая работа практически не ведется. Подобный орган целесообразно структурно отнести к подведомственности Министерства юстиции РФ, что позволило бы обеспечить независимость такого учреждения и в то же время государственный контроль за его деятельностью в целях исключения злоупотреблений должностными полномочиями. Создание центра удовлетворит потребность в разработке методик проведения химических исследований, что является насущной необходимостью действующих экспертных учреждений. Кроме того, не исключается возможность возложения на центр обязанности оперативно включать в Перечень запрещенных веществ все представляющие опасность для здоровья населения психоактивные вещества и доводить сведения об их опасности до потенциальных потребителей. При этом важно понимать, что подобное нововведение потребует значительных затрат материального характера (оборудование, реактивы, штат экспертов-химиков и т. д.).

В остальной же части позволим себе не соглашаться с доводами правозащитников по ряду причин.

Что касается мнения об отмене практики внесения веществ в Перечень по инициативе силовиков, то такая позиция представляется неоправданной. Именно правоохранительными органами производится изъятие наркотически опасных веществ, следовательно они же должны оперативно инициировать запрет таких веществ.

Требуют подробного анализа доводы правозащитников, связанные с незаконностью возбуждения уголовных дел по «аналогам», оспариванием проведенных химических исследований, а также заключений экспертов по ним.

Приведем выдержку из публикации, размещенной на главной странице портала hand-help.ru, где гражданам предлагается: «При наличии сомнений в научной обоснованности экспертизы наркотических средств присылайте ее полный текст по адресу hand-help.ru@rambler.ru для подготовки, при наличии оснований, рецензии специалиста-химика»¹².

На другом подобном сайте имеются консультации следующего содержания: «Ваш сын приобретал китайскую химию, просто она была смешана с составом, который копирует (причем, довольно поверхностно) гашиш... Это какой-то аналог либо заменитель. Скажите адвокату, чтобы посмотрел, какая химия была легальна, или просто в обиходе во время задержания

⁹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Давлетшина Рената Равилевича на нарушение его конституционных прав примечаниями к статье 228, статьями 228¹ и 234¹ Уголовного кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 19 июля 2016 г. № 1638-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁰ Антисуд: юридическая помощь по делам о наркотиках. URL: <http://www.antisud.com/> (дата обращения: 18.03.2018).

¹¹ Правовые консультации по делам, связанным с наркотиками. URL: <http://www.hand-help.ru/> (дата обращения: 18.03.2018).

¹² Там же.

вашего сына, пусть раздобудет масс-спектры этих веществ. Потом эти масс-спектры всей кучей, вместе с экспертизой, тащите к эксперту-химику, пусть ищет, может это будет одна из отрав, которую не успели запретить на тот момент. Если повезет, то шансы выхода на свободу у Вашего сына резко возрастут»¹³.

Дальнейшую тактику стороны защиты по данному уголовному делу несложно спрогнозировать. Логично, что акцент будет сделан на мнимой легальности, незапрещенности вещества, изъятого из оборота.

Исследуем комментарии одного из участников правового форума, связавшегося с независимым химиком-специалистом и получившего разъяснения следующего содержания: «В заключении эксперта наркотическое средство не определено и не доказано. Его количество определено неверно и является завышенным. Можно и нужно писать заключение специалиста с критикой заключения эксперта. Стоимость работы составляет 45 000 рублей. Срок исполнения работы 3 недели с момента ее оплаты»¹⁴.

Через критику независимыми специалистами методик проведения химических исследований, оспаривание правомерности выводов экспертов, безусловно, реализуется принцип свободы оценки доказательств, в частности положение о том, что никакие доказательства не имеют заранее установленной силы.

Вместе с тем немаловажны другие аспекты. Являлись ли выводы независимых специалистов научно обоснованными или же голословными? Заслуживали ли их доводы внимания суда? Повлияли ли эти доводы на оценку законности возбуждения уголовного дела? Отразились ли они на принятии судом итогового решения?

Анализ судебной практики показывает, что оправдательные приговоры по уголовным делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом аналогов наркотических средств, не выносились. В подавляющем большинстве случаев доводы независимых химиков о незапрещенности изъятых веществ не принимались во внимание судом.

Показателен в этом отношении следующий пример, когда выводы, указанные в заключениях химико-токсикологических судебных экспертиз, были поставлены под сомнение защитниками. Так, по уголовному делу в отношении Абдрахманова Ф. Ф., Коношенко (Балашевой) И. О., направленному в Советский районный суд г. Красноярск, судебное разбирательство длилось в течение трех лет. Преступники обвинялись органами предварительного следствия в незаконном сбыте аналога наркотического средства из помещения торгового павильона «Семена». В ходе судебного разбирательства судом назначалась повторная экс-

пертиза, поскольку стороной защиты поставлены под сомнение выводы экспертов, химика и токсиколога, об отнесении веществ к аналогам. Приговором Советского районного суда г. Красноярск от 26 сентября 2014 г. Абдрахманов Ф. Ф., Коношенко (Балашева) И. О. осуждены за совершение трех преступлений, связанных с незаконным сбытом аналога наркотического средства в особо крупном размере. В апелляционной жалобе адвокат продолжал оспаривать заключение химико-токсикологической экспертизы.

Проверив материалы дела, обсудив доводы, изложенные в апелляционных жалобах, суд апелляционной инстанции нашел выводы суда первой инстанции основанными на доказательствах, полученных в установленном законом порядке. Определением суда апелляционной инстанции Красноярского краевого суда от 4 июня 2015 г. приговор в отношении Абдрахманова Ф. Ф., Коношенко (Балашевой) И. О. оставлен без изменения, апелляционные жалобы осужденных, адвокатов — без удовлетворения¹⁵. В определении приведены доводы о том, что у суда не было оснований сомневаться в профессионализме и квалификации экспертов, а также в их заключениях. Как показал в судебном заседании эксперт-токсиколог, он проводил исследования и экспертизы по данному уголовному делу совместно с экспертом-химиком. Им была найдена информация и литература о том, на какие рецепторы действует представленное на исследование вещество. Существует информация о степени воздействия данного вещества на рецепторы, на основании этого делается заключение, является ли вещество аналогом наркотического вещества или нет. Если действие вещества распространяется на конкретный рецептор, то и эффект от действия этого вещества всегда будет один. Перед ним, как экспертом, стоял вопрос, являлось ли данное вещество аналогом наркотического средства. Изучив литературу, он пришел к выводу, что данное вещество является аналогом наркотического средства, так как оно действует на конкретный рецептор и эффект от употребления указанного вещества будет тот же, как и от употребления самого наркотического средства.

Эксперт-химик в судебном заседании показал, что им по уголовному делу проводилась повторная судебно-химическая экспертиза и повторная комплексная химико-токсикологическая экспертиза, исследуемое им вещество определялось как наркотическое средство, которое имеет очень сходную химическую структуру, различаются лишь одним заместителем.

Суд апелляционной инстанции пришел к выводу, что заключения экспертов мотивированы и науч-

¹³ Антисуд: юридическая помощь по делам о наркотиках. URL: <http://www.antisud.com/> (дата обращения: 18.03.2018).

¹⁴ Там же.

¹⁵ Апелляционное определение Красноярского краевого суда от 4 июня 2015 г. по уголовному делу в отношении Абдрахманова Ф. Ф., Коношенко (Балашевой) И. О. на приговор Советского районного суда г. Красноярск от 26 сентября 2014 г. // Архив Советского районного суда г. Красноярск.

но обоснованы. Считать, что экспертами неправильно установлен аналог наркотического средства, как утверждается в апелляционных жалобах, нет оснований.

Указанное уголовное дело служит примером конструктивного подхода при выявлении преступлений, связанных с незаконным сбытом аналогов наркотических средств. Расследование и рассмотрение дела в суде осуществлялось в условиях активного противодействия со стороны защиты. Последовательное исследование доказательств, собранных по делу, их оценка в единстве и взаимосвязи позволили суду принять законное и справедливое решение. Вместе с тем необходимо отметить, что привлечение стороной защиты к участию в судебном разбирательстве независимых специалистов требовало значительного и неоправданного отвлечения сил и средств. Речь идет о неоднократных вызовах экспертов и следователей в судебное заседание, проведении повторных судебных экспертиз, доставлении вещественных доказательств в зал судебного заседания для их осмотра, разрешении необоснованных, неподтвержденных ходатайств со стороны специалистов стороны защиты и т. д.

Обобщенные сведения УФСКН России по Красноярскому краю¹⁶ о рассмотрении судами уголовных дел, связанных с незаконным оборотом аналогов наркотических средств, указывают о вынесении судами края в 2012 г. 2 приговоров в отношении 2 лиц; в 2013 г. — 13 в отношении 13 лиц; в 2014 г. — 37 в отношении 43 лиц; в 2015 г. — 16 в отношении 25 лиц.

Объективно процедура внесения «неподконтрольного» вещества в Перечень требует значительных временных затрат. С учетом этого эффективность противодействия распространению данных веществ правоохранительными органами чрезвычайно низка. Действующая структура антинаркотического законодательства не всегда позволяет однозначно привлечь лицо за незаконный оборот таких веществ, поскольку они не внесены в списки запрещенных. Безусловно, такой механизм правового регулирования не в полной мере отвечает потребностям правоприменителей.

Однако, несмотря на изложенные трудности, законодатель все же предусматривает возможность противодействия указанной категории преступлений. Именно с этой целью законом предусмотрена категория «аналоги наркотических средств». О положительных результатах такого противодействия свидетельствует приведенный выше опыт расследования уголовных дел по преступлениям данной категории.

В соответствии с постановлением Пленума Верховного Суда РФ № 14 от 15 июня 2006 г. «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропны-

ми, сильнодействующими и ядовитыми веществами» и Федеральным законом РФ № 3-ФЗ от 8 января 1998 г. «О наркотических средствах и психотропных веществах» аналоги наркотических средств и психотропных веществ — это запрещенные для оборота в Российской Федерации вещества синтетического или естественного происхождения, не включенные в Перечень наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации, химическая структура и свойства которых сходны с химической структурой и свойствами наркотических средств или психотропных веществ, психоактивное действие которых они воспроизводят. Кроме того, Пленум Верховного Суда РФ указывает, что суды при рассмотрении уголовных дел названной категории должны руководствоваться заключениями экспертов, специалистов¹⁷.

В случае изъятия вещества, не предусмотренного Перечнем, в материалах проверки сообщения о преступлении содержатся отдельные признаки, характерные для преступлений, предусмотренных ст. ст. 228, 228¹ УК РФ. Как правило, имеются сведения о том, что вещество, изъятное из оборота, приобреталось, хранилось либо сбывалось как наркотическое. Часто в материалах содержатся данные о психоактивном действии вещества на человека. Формально предполагаемые действия являются общественно опасными. При этом справка о первоначальном исследовании вещества содержит вывод о его массе и о том, что вещество является неизвестным. Однако это не свидетельствует о том, что вещество не является запрещенным.

Выделим ряд аспектов, важных для отнесения вещества к аналогам. Во-первых, вещество должно иметь сходную химическую структуру. При этом степень сходства не оговаривается, в отличие от производных, где структура может быть изменена лишь незначительно. Отсюда делаем вывод, что структура аналога может быть более отличной, чем у вещества-производного, но тем не менее сходной со структурой запрещенного наркотического средства или психотропного вещества. Ответ на данный вопрос в любом случае входит в компетенцию эксперта-химика. Во-вторых, вещество должно обладать таким же психоактивным действием, как и исходное запрещенное вещество. Исследование в этой части должен провести эксперт-токсиколог.

Правоприменителю необходимо убедиться в возможности отнесения изъяттого неизвестного вещества к категории «аналоги наркотических средств либо психотропных веществ». С этой целью может быть назначено комплексное химико-токсикологическое исследование. При этом перед экспертами-химиками

¹⁶ Архивные аналитические материалы следственной службы УФСКН России по Красноярскому краю за 2016 г.

¹⁷ О судебной практике по делам, связанным с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 № 14. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ставится вопрос: «Имеются ли в представленном объекте аналоги наркотических средств, если да, то каких именно?». При получении положительного вывода о том, что изъятое вещество имеет химическую структуру, сходную с химической структурой запрещенного вещества, эксперт-токсиколог производит вторую часть исследования вещества, формулируя выводы о психоактивном действии вещества. Пример вывода эксперта-токсиколога: «По своим свойствам, воздействию на организм человека вещество (АМ-694) — синтетический каннабиноид — оказывает сходное психоактивное действие, аналогичное веществу, относящемуся к наркотическим — дельта-9-тетрагидроканнабинолу».

Результаты проведенного комплексного химико-токсикологического исследования позволят отнести изъятое неизвестное вещество к категории «аналоги наркотических средств».

Полагаем, что сотрудникам оперативных, следственных, экспертных подразделений органов внутренних дел в случае изъятия «неподконтрольных»

веществ необходимо учитывать имеющийся опыт выявления преступлений указанной категории и расследования уголовных дел, изыскивать возможности проведения химических, токсикологических исследований по отнесению «неподконтрольных» веществ к аналогам.

При наличии справки о первоначальном исследовании по результатам комплексного химико-токсикологического исследования изъятого вещества с выводами о сходстве химической структуры и его психоактивном действии вопрос наличия фактических оснований для возбуждения уголовного дела может быть разрешен положительно.

Список литературы

1. Крутнов Ю. В., Левинсон Л. С. Война с наркотиками — проиграна? // Индекс безопасности. 2011. № 3 (98), т. 17.
2. Гладышев Д. Ю. Производные наркотических средств и психотропных веществ — новый курс на химизацию российского правосудия // Правовые консультации по делам, связанным с наркотиками. URL : <http://www.hand-help.ru/> (дата обращения: 18.03.2018).

УДК 343.36

В. Н. БОРКОВ, К. Н. КАРПОВ**Квалификация хищения средств для оплаты командировочных расходов**

В Омскую академию МВД России из органов предварительного следствия поступило письмо с просьбой дать разъяснения по квалификации действий лица, обвиняемого в совершении растраты (ст. 160 УК РФ). Проблема состояла в следующем.

В ходе расследования было установлено, что ректор одного из государственных вузов, заведомо зная, что его выезд в Москву не связан с его профессиональной деятельностью, а вызван личными обстоятельствами (операция и последующее стационарное лечение), издал и подписал приказ об убытии в служебную командировку, распорядился о приобретении авиабилетов и выплате денежных средств в размере 354 000 рублей для оплаты других командировочных расходов. Следствием также было установлено, что мероприятия, указанные в служебном задании, в Москве не планировались и не проводились, а сам ректор заранее договорился с врачом медицинского учреждения о проведении ему в период командировки операции и послеоперационного стационарного лечения. Во время лечения в номере ФГУП «Президент-Отель» гостиницы «Арбат» ректор не проживал, там проживала его жена. При составлении авансового отчета обвиняемый указал, что денежные средства были им израсходованы на оплату гостиницы и суточные расходы.

Уголовное дело, возбужденное по данному факту, было возвращено прокурором для дополнительного следствия. Из постановления прокурора ясно, что версия обвиняемого, согласно которой операция ему была проведена в связи с ухудшением здоровья в период нахождения в командировке, не опровергнута. Орган предварительного следствия обратился в академию с вопросом о влиянии на квалификацию действий ректора по ст. 160 УК РФ характера оказанной ему в Москве медицинской помощи, с учетом того, что он ехал туда именно для проведения операции.

В ответе Омской академии МВД России было отмечено, что проведение правовых исследований по материалам уголовных дел не входит в компетенцию ее сотрудников. Оценка допустимости и достаточности доказательств, а также доказанности того либо иного факта в рамках расследования уголовного дела и судебного разбирательства относится к исключительной компетенции следователя и суда, поэтому не может выступать предметом независимого исследования специалиста в области уголовного права и криминологии. Омская академия МВД России не может отвечать на вопросы о наличии или отсутствии в действиях конкретного лица признаков того либо иного состава преступления.

При этом в целях оказания содействия были даны следующие разъяснения по поводу изложенных в письме сведений и поставленных вопросов. При исследовании значения для квалификации действий ректора по ч. 3 ст. 160 УК РФ характера проведенной в Москве медицинской операции мы гипотетически исходили из того, что обвиняемый ехал в Москву именно для проведения операции. В соответствии с описанными в обращении обстоятельствами при доказанности изначального умысла лица на завладение имуществом для личных нужд, оформления приказа о командировке и других командировочных документов, отсутствия намерения выполнять изложенные в приказе задания (участвовать в запланированных мероприятиях, встречах и т. д.), а также с учетом занимаемой лицом должности (ректор, которому в соответствии с занимаемой должностью предоставлено право распоряжения имуществом, в том числе денежными средствами образовательного учреждения), действия ректора следует рассматривать как растрату чужого имущества, совершенную с использованием лицом своего служебного положения. В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» разъясняется, что «как растрата должны квалифицироваться противоправные действия лица, которое в корыстных целях истратило вверенное имущество против воли собственника путем потребления этого имущества, его расходования или передачи другим лицам» (п. 24)¹.

В случае доказанности наличия у ректора до оформления командировки умысла следовать в Москву не по служебным делам, а для проведения плановой медицинской операции, характер такой операции не может быть признан обстоятельством, исключаящим преступность деяния. В соответствии с ч. 1 ст. 39 УК РФ причинение вреда охраняемым уголовным законом отношениям может быть признано совершенным в состоянии крайней необходимости, т. е. для устранения опасности, только если эта опасность не могла быть устранена иными средствами. В исследуемом случае речь может идти об опасности здоровью обвиняемого, которая могла быть устранена проведением операции. Полагаем, ректор был в состоянии сам оплатить проезд и проживание на период оказания ему медицинской помощи.

В случае выезда в командировку с намерением выполнять служебное задание, получения денег для перелета и проживания в гостинице, отсутствия умысла

¹ Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

на хищение и возникновение уже в Москве необходимости экстренного лечения в результате обострения заболевания (или других причин), денежные средства, израсходованные на приобретение билетов, не могут выступать в качестве предмета хищения, так как были израсходованы в момент оформления командировки правомерно. В то же время израсходование денежных средств, предназначенных для оплаты проживания в гостинице, при отсутствии факта такого проживания, и денежных средств, предоставленных на суточные расходы, а также последующая подделка документов о факте проживания и предоставление их в качестве отчетных документов по командировке свидетельствуют о наличии в действиях обвиняемого признаков растраты чужого имущества, вверенного ему (ст. 160 УК РФ). В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48 разъясняется, что о наличии растраты может свидетель-

ствовать, например, «наличие у лица реальной возможности возвратить имущество его собственнику, совершение им попыток путем подлога или другим способом скрыть свои действия» (п. 25)².

В последнем случае такой квалифицирующий признак растраты, как ее совершение лицом с использованием своего служебного положения (ч. 160 УК РФ), может быть вменен только в том случае, если обвиняемый для совершения хищения использовал свои организационно-распорядительные или административно-хозяйственные полномочия (п. 29), например, оказание влияния на финансовый отдел (осуществляющий оформление документов) в целях сокрытия факта подложности документов, подтверждающих оплату за проживание. Один лишь факт выдачи денег для оплаты расходов в период командировки не может сам по себе свидетельствовать об использовании лицом, совершающим растрату, своего служебного положения.

² Там же.

УДК 343.13

В. В. КАЛЬНИЦКИЙ

Соотношение уголовного досудебного и судебного производства как учебная проблема

В методических целях предпринята попытка помочь обучающимся сформировать общее представление по вопросу о соотношении уголовного досудебного и судебного производства как основы для исследования частных аспектов уголовно-процессуальной деятельности.

Ключевые слова: досудебное производство; судебное производство; обучающиеся; учебное исследование.

Длительное включенное наблюдение в качестве преподавателя за тематикой студенческих исследований по уголовному процессу показывает, что всё большее место в предмете учебных и научных работ занимают вопросы соотношения досудебного и судебного производства. Этот интерес предопределен, конечно же, соответствующим вектором «взрослой» науки, которая активно реагирует на актуальные вызовы современного уголовно-процессуального законодательства. Сквозь призму соотношения досудебного уголовного производства и судебного следствия в суде первой инстанции обучающимися делаются попытки рассматривать, например, понятие и виды доказательств; отдельные свойства доказательств, в частности допустимость сведений, полученных на стадии предварительного расследования, в том числе результатов оперативно-розыскной деятельности; условия непосредственности и устности судебного разбирательства; пределы полномочий судьи, председательствующего при рассмотрении уголовного дела; возвращение уголовного дела прокурору; содержание и форму обвинительного заключения и обвинительного акта; судебный контроль за действиями (бездействием) и решениями органов преследования; проблему нормативного введения фигуры следственного судьи и многие другие вопросы.

Вместе с тем возникает ощущение, что курсантам и студентам не удастся сфокусироваться на существе произошедших (происходящих) в уголовно-процессуальной сфере изменений. Обучающиеся не всегда в полной мере осознают, что реально означает их научная поддержка идеи приоритета судебного доказывания над доказыванием досудебным, какие, по сути, титанические сдвиги произойдут при реализации предложений о деформализации существующего досудебного производства, отказе от его розыскной природы в пользу начала состязательности.

Иногда в одной и той же студенческой работе можно встретить предложения, направленные на развитие процессуального порядка производства отдельных следственных действий, ужесточение требований к допустимости доказательств, и утверждение, что доказательства могут быть сформированы только в судебном заседании.

Не претендуя на истинность суждений и находясь вместе с обучающимися в поиске ответов на непростые вопросы развития отечественного уголовного процесса, обозначим в доступной форме некоторые вехи (ориентиры), которые могут быть приняты во внимание при учебном исследовании соотношения досудебного и судебного уголовно-процессуальных производств.

1. В советском уголовном процессе вопросы соотношения досудебного и судебного доказывания не имели той остроты, которая присуща им в настоящее время. Это было связано с тем, что судебное доказывание не противопоставлялось доказыванию следственному (не возвышалось над ним) столь рельефно, как это имеет место в настоящее время. На законодательном, идеологическом и научном уровнях следователь рассматривался в качестве самостоятельной фигуры, отождествляемой с органом расследования в целом. В дореволюционный период следователь занимал высокое место в уголовно-процессуальном разделении функций, он был *судебным* следователем. Позже прилагательное «судебный» заменено другим — «советский», что по идеологическим канонам недавнего времени считалось весьма возвышенной характеристикой. «Советский следователь, — учил М. С. Строгович, — должен сочетать в работе: максимальную активность и настойчивость в преследовании и изобличении совершивших преступление лиц; максимальную объективность в расследовании, отсутствие предвзятости и вдумчивое, чуткое отношение к привлекаемым к делу лицам...» [1, с. 40]. Восторженно воспринимал следователя Б. Т. Безлепкина: «Отечественной истории было угодно распорядиться так, — писал данный ученый, — что в памяти поколений стерлись простые истины: предварительное следствие по природе своей является деятельностью не прокурорской и не полицейской, а судебной, юстиционной; от судебного разбирательства оно отделено лишь для более тщательной проработки материала, а следователь — это судья, сошедший со своего места, чтобы такую работу обеспечить» [2, с. 4]. В предшествующее время практически не встречалось распространенное ныне суждение, что следователь — представитель полицейской власти, по существу он (по западной клас-

сификации) — дознаватель. Утверждается порой, что полицейская власть в сфере уголовного судопроизводства, к которой относятся следователь и дознаватель, не должна выдвигать и формулировать обвинение, поскольку это прерогатива прокурорской власти. Отдельные современные авторы называют следственную власть никчемной и прогнозируют, что профессия следователя в перспективе отомрет полностью [3, с. 9–18].

В то же время заблуждением является сформировавшееся у части обучающихся представление, что судебное разбирательство было архаичным, примитивным, построенным, как и досудебное производство, по розыскному принципу. Действительно, принцип состязательности не был провозглашен; председательствующий в судебном заседании обязан был устанавливать объективную истину (реальные обстоятельства), для чего пользовался правом инициативно собирать доказательства, вернуть дело для производства дополнительного расследования; отказ прокурора от обвинения не препятствовал продолжению судебного разбирательства и постановлению обвинительного приговора. Вместе с тем правосудие осуществлялось только судом (ст. 160 Конституции СССР), приговор мог быть постановлен исключительно на тех материалах, которые были исследованы в судебном заседании, судебное разбирательство подчинялось началам непосредственности, устности и очности, правило о пределах судебного разбирательства действовало в том же виде, что и в настоящее время.

В учебной и научной литературе подчеркивалось, что следствие именуется предварительным, поскольку готовит материалы «до суда и для суда». Тем самым обозначалась решающая роль судебного рассмотрения дела. Но предварительное расследование и судебное разбирательство находились, образно говоря, на одной линии, немного приподнятой в том месте, где она обозначает судебную деятельность. Судебное разбирательство было продолжением предварительного расследования, но продолжением с иными характеристиками: осуществлявшимся в гласном судебном заседании, с участием народных заседателей, на основе проверки всех собранных органом расследования материалов. Между предварительным и судебным следствием была не отрицавшаяся специалистами преемственность: каждый государственный орган проходил свой путь в установлении обстоятельств дела, окончательное слово при этом оставалось за судом.

2. В новых условиях (принятие Конституции РФ и УПК РФ) судебное производство получило опережающее развитие. Судебное разбирательство стало перестраиваться в соответствии с принципом состязательности. Абсолютизация состязательного начала привела отдельных авторов к отрицанию пригод-

ности розыскного начала, которое сохраняется при предварительном расследовании. Возник тезис, что полноценное доказательство может быть сформировано исключительно в ходе спора сторон перед независимым судом. Показания свидетеля, полученные и записанные следователем, доказательством не являются. Показания становятся пригодными для использования по итогам перекрестного допроса свидетеля в судебном следствии. Аналогична судьба любого протокола следственного действия, заключения эксперта, вещественного доказательства, документа, полученного на досудебном этапе.

Как бы мы ни относились к подобным категоричным суждениям, определенная доля истины в них заложена. Судебное доказывание в настоящее время приоритетно. Соответственно доказательственная сила следственных сведений относительно снижается. Им порой отказывают в доверии по той причине, что доказательства собраны не представителем судебной власти. При этом сама процедура собирания доказательств в досудебном производстве не упростилась (не стала порочной, неприемлемой). Так бывает всегда, когда сопоставимые (равнозначные) некогда явления и предметы вдруг начинают оцениваться по-разному: возвеличивание одного объекта приводит к невольному принижению другого. Это следствие изменившегося подхода, смены базовой установки.

Нужно отдавать отчет, что возрастание (по сравнению с советским уголовным процессом) состязательности судебного производства само по себе явление положительное. Достаточно сказать, что в каждом судебном процессе участвуют государственный обвинитель (в сравниваемый период таких случаев было не более 50%) и сторона защиты, стороны получили равные возможности по представлению доказательств, взаимному оспариванию представляемых сведений, заявлению ходатайств, принесению жалоб и реализации других полномочий. Однако улучшение характеристик одного производства не должно подавлять другое. Состязательность судебного производства, можно предположить, должна влечь глубоко продуманное воздействие (диалектическая взаимосвязь) на компоненты досудебного производства, не нарушая системы уголовного судопроизводства в целом, не отрицая основополагающее розыскное начало досудебного производства как таковое¹. В студенческом научном исследовании не обязательно рассуждать так же, можно отстаивать противоположную точку зрения или найти разумный компромисс между состязательным и розыскным началом, но не следует допускать необдуманного смешения исключаящих друг друга суждений.

3. Конституция РФ 1993 г. закрепила, что «судопроизводство осуществляется на основе состязательности и равноправия сторон» (ч. 3 ст. 123). Поскольку

¹ *Позицию*, направленную против абсолютизации состязательного начала и перенесения его в досудебное производство вместо начала розыскного, ярко выразил М. П. Поляков.

это положение имеет отношение и к уголовному судопроизводству, возникла острая дискуссия о том, распространяется ли состязательность исключительно на судебное производство или также и на предварительное расследование. Формально под уголовным судопроизводством понимается досудебное и судебное производство по уголовному делу (п. 56 ст. 5 УПК РФ). Следуя логике юристов, относящих идею состязательности к судопроизводству в целом, включая досудебную часть, современное предварительное расследование должно быть коренным образом перестроено. В настоящее время следователь (дознатель) отнесен к стороне обвинения и выполняет соответствующую функцию. Он же — субъект разрешения дела. Налицо соединение различных функций, что не согласуется с началом состязательности. Значит, надо вводить фигуру следственного судьи и изменять компетенцию следователя. Наиболее ярко и образно данная позиция представлена нижегородскими процессуалистами. «Сейчас у нас хозяином уголовного дела и главным субъектом доказывания является следователь, — пишет А. С. Александров. — А мы хотим, чтобы им стал судья (следственный судья) и равноправные стороны: обвинения и защиты. Соответственно, субъектом доказывания со стороны обвинения должен быть прокурор, а со стороны защиты — обвиняемый и его защитник. Их права должны быть равны, в том числе в части получения фактического материала и участия в судебном доказывании. Следователь же из хозяина должен превратиться в слугу прокурора... Мы предлагаем вывести досудебное уголовное производство из состава судебного доказывания и одновременно снять различия между оперативно-розыскной деятельностью, предварительным следствием и адвокатским расследованием» [5, с. 7]. Реализация такой концепции будет означать деформализацию (депроцессуализацию) досудебного производства, задача которого состоит в собирании не доказательств, а просто сведений, которые будут интерпретироваться сторонами перед судом и статус судебного доказательства приобретут только в состязательном судебном следствии. Отсюда «снятие различий» между уголовно-процессуальным, оперативно-розыскным и любым иным собиранием сведений: какая разница, в каком режиме и кем собрана первичная информация, если она всего лишь основа для формирования судебного доказательства.

Нетрудно видеть, что подобный подход полностью меняет сложившийся уклад досудебного производства. Насколько целесообразен в современных условиях отказ от традиционного предварительного расследования, будет ли он соответствовать национальным потребностям? Этот вопрос — достойный предмет студенческого исследования.

4. Обучающимся надо осознавать, что в уголовно-процессуальной теории в настоящее время все пришло в движение, причем активнее всего обсуждаются базовые вопросы построения уголовного судопроизвод-

ства. Время господствующих официальных позиций, вокруг которых выстраивались частные исследования, прошло. Сегодня тот или иной юрист может встретить в литературе импонирующие ему позиции по отдельным аспектам, высказанные автором, который в целом стоит на принципиально иной платформе.

В таком многоголосии трудно сориентироваться даже юристу, систематически изучающему уголовно-процессуальную литературу. Как, например, отнестись к предложению А. И. Бастрыкина и его единомышленников о закреплении в УПК РФ понятия «объективная истина» и соответствующего института? Кто-то утверждает, что это единственно правильное решение, поскольку по-другому и быть не может: доказывание, не нацеленное на установление реальности, юридически бесплодно. При этом беспредметно спорить о достижимости или недостижимости истины, в конкретном деле она может оказаться недостигнутой, но идеальным ориентиром для каждого следователя, прокурора и судьи объективная истина должна быть.

Другие авторы говорят, что реализация подобного предложения будет означать конец условию состязательности, поскольку требование установления истины предполагает восстановление института возвращения уголовного дела из судебных стадий для производства дополнительного расследования, устранение ограничений по инициативному собиранию доказательств судом и т. д.

Третьи процессуалисты пишут, что никаких усилий по изменению законодательства прилагать не надо, так как, несмотря на отсутствие в нормативной системе принципов указания на всестороннее, полное и объективное исследование обстоятельств дела (принципа объективной истины), технология уголовно-процессуального познания описана с учетом потребности познания исследуемого преступного деяния. Отнесение следователя к стороне обвинения, как полагают, не препятствует всестороннему изучению события преступления, поскольку и предмет доказывания, и система следственных действий, и порядок разрешения ходатайств, и многие другие нормы и институты, а также правовые позиции Конституционного Суда РФ однозначно нацеливают должностных лиц на познание реальности. Сторона обвинения в розыском процессе не выполняет исключительно обвинительную функцию, она в силу начала публичности собирает и оправдательные доказательства, выявляет смягчающие обстоятельства, фактические основания, исключающие преступность деяния и влекущие освобождение от уголовной ответственности. Поэтому отсутствие в досудебном производстве нейтрального органа, отвечающего исключительно за разрешение дела, не чревато эскалацией обвинительного уклона.

Другое дело, что современный формально-юридический подход не позволяет считать, что представитель государства способен проявить объектив-

ность в силу долга. Обязательно нужно функционирование независимого защитника, реализующего функцию формальной защиты. Отсюда, как производное, стремление сопоставить полномочия следователя и защитника, привлечь внимание к якобы имеющемуся неравенству прав по собиранию доказательств, предложения по расширению возможностей участия защитника в доказывании, возрастанию роли судебного контроля вплоть до введения фигуры следственного судьи.

5. Сложившееся различие процессуальной формы собирания и исследования доказательственных сведений в ходе розыскного предварительного расследования и состязательного судебного разбирательства (образно говоря, досудебное производство позиционирует себя: «Все, что сказано, но не записано — не существует», тогда как судебное производство выражает себя иначе: «Все, что написано, но не сказано — не существует») приводит к сложностям в использовании в суде следственных доказательств, влияет на подходы к совершенствованию системы и порядка производства следственных действий. Например, в советском уголовном процессе и в современном российском (данная тенденция сохраняется до настоящего времени) под влиянием практики или предложений ученых появлялись новые следственные действия, порядок их производства дополнялся новыми элементами, обеспечивающими достоверность полученных результатов. Конечная цель такой законодательской работы — закрепить сведения в качестве полноценного доказательства, пригодного для обоснования совершения лицом преступления. Но если в досудебном производстве, как рассуждают, в принципе нельзя получить доказательство (оно может быть только судебным), то зачем оттачивать процедуру следственных действий, снабжать ее дополнительными гарантиями, повышающими достоверность конечного результата. В любом случае сила досудебных сведений ограничена, они могут совершенствоваться только в диапазоне «основа доказательства» или «основа для формирования судебного доказательства». Правильность или порочность такого суждения должны быть проверены в ходе самостоятельного учебного исследования.

Тесно связан с этим и вопрос о признании доказательства недопустимым. Логика современного регулирования, предписывающего исключать сведения, не в полной мере соответствующие формальным требованиям к их собиранию, из судебного исследования (ст. 235 УПК РФ), исходит из следственного подхода к собиранию доказательств. Судебное доказывание способно самостоятельно оценить достоверность и силу сведений, формально не отвечающих порядку их собирания в досудебном производстве. Значит, исследуя порядок следственных действий, виды и свойства доказательств, необходимо смотреть на вопрос шире, рассматривать его с учетом общих тенденций развития доказательственного права либо не разделять эти тенденции, оставаясь на

традиционных для последних десятилетий представлениях о доказательствах.

6. Важным прикладным аспектом в контексте соотношения досудебного и судебного производства выступает непосредственность как общее условие судебного разбирательства. О непосредственности судебного разбирательства речь идет в значительной степени потому, что существует досудебное производство. К началу судебного разбирательства на преступного события следователем уже составлена, им же собрана совокупность сведений, подтверждающих вмененное обвинение. Если бы следователь был уполномочен, он признал бы обвиняемого виновным. Но ему такое право не предоставлено. Правосудие осуществляется только судом. Значит, суду надо пройти тот путь, который прошел следователь, но в условиях состязательного процесса, т. е. при участии равноправных сторон в непосредственном исследовании каждого доказательства, содержащегося в деле или вновь полученного в ходе судебного заседания.

В законе сформулирован порядок исследования показаний участвующих в деле лиц. По общему правилу, все лица, дававшие показания следователю, должны прибыть в суд лично и дать показания перед судом, подвергаясь перекрестному допросу противоположной стороной. Как исключение, в предусмотренных законом случаях могут быть оглашены и исследованы показания, данные этими лицами в досудебном производстве (ст. ст. 276 и 281 УПК РФ). Обязанность следователя — обеспечить возможность такого оглашения путем предоставления подозреваемому (обвиняемому) права оспорить показания свидетельствующих против него лиц (ч. 2¹ ст. 281 УПК РФ). Механизмы такого оспаривания в законе детально не описаны, поэтому требуют углубленного изучения в рамках курсовой или выпускной квалификационной работ. Самостоятельным предметом учебного исследования может стать порядок применения в досудебном производстве видеозаписи показаний несовершеннолетних свидетелей и потерпевших (ч. 5 ст. 191 УПК РФ), демонстрация которой в судебном заседании способна заменить личное участие несовершеннолетнего (ч. 6 ст. 281 УПК РФ).

Круг вопросов, которые по-разному решаются в теории уголовного процесса в зависимости от избранной «системы координат» (сохранение розыскного досудебного производства, формирующего полноценное доказательство, проверяемое впоследствии судом, либо деформализация досудебного производства) можно продолжить. Задача обучающихся состоит в том, чтобы, оценивая то или иное опубликованное авторское предложение, предварительно сориентироваться в его (автора) взглядах на развитие уголовного судопроизводства в целом. Необходимо определиться с собственными предпочтениями в ведущей дискуссии. Следует разрешить для себя общие вопросы, прежде чем приступить к раз-

решению вопросов частных. В противном случае эффективность результатов научно-исследовательской работы будет заметно снижена.

Список литературы

1. *Строгович М. С.* Курс советского уголовного процесса. Т. II. М., 1970.
2. *Безлепкин Б. Т.* Настольная книга следователя и дознавателя. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2012.

3. *Власова С. В.* К вопросу о приспособлении уголовно-процессуального механизма к цифровой реальности // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2018. № 1.

4. *Поляков М. П.* Принцип состязательности как источник проблем судебного следствия // Судебное следствие в уголовном процессе: проблемы и пути их решения : сб. тр. межвуз. науч. конф. Н. Новгород, 2007.

5. *Доктринальная модель* уголовно-процессуального доказательственного права Российской Федерации и комментарии к ней / под ред. А. С. Александрова. М., 2015.

ПАМЯТИ ПРОФЕССОРА А. П. ГУЛЯЕВА

22 января 2018 г. ушел из жизни доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации Анатолий Петрович Гуляев.

А. П. Гуляев родился 14 февраля 1934 г. в Москве, окончил МГУ им. Ломоносова в 1961 г., проходил службу в МВД СССР, затем в МВД России, вышел в отставку в звании полковника юстиции. Последнее время работал профессором кафедры уголовно-правовых дисциплин Юридического института Московской академии экономики и права.

Выступление с докладом на Межвузовской научно-практической конференции в Омской академии МВД России

Анатолий Петрович был крупным ученым в области уголовного процесса и внес неоценимый вклад в развитие отечественной науки. Он принимал непосредственное участие в разработке ряда законопроектов, в том числе действующего Уголовно-процессуального кодекса РФ. Его научные труды, включая учебники, монографии, комментарии УПК РСФСР и РФ, которых в общей сложности более 500, служат базисом любой исследовательской работы в области уголовно-процессуального права.

Блестящий лектор, талантливый педагог, взыскательный научный оппонент, А. П. Гуляев активно участвовал в профессиональной деятельности Омской академии МВД России.

Высокие профессиональные качества А. П. Гуляева сочетались с удивительной душевностью, доброжелательностью, педагогическим тактом.

Светлая память об Анатолии Петровиче Гуляеве навсегда останется в наших сердцах.

*Руководство,
профессорско-преподавательский состав
Омской академии МВД России*

**Встреча с коллективом
кафедры уголовного процесса
ОМА МВД России**

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абрамова Любовь Леонидовна — заместитель начальника кафедры уголовного процесса Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск).

Бавсун Максим Викторович — доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника Омской академии МВД России (по научной работе).

Бескембиров Рашид Аблаевич — заместитель прокурора Сегежского района Республики Карелия.

Богданов Роман Владимирович — старший преподаватель кафедры криминалистики Омской академии МВД России.

Борков Виктор Николаевич — доктор юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного права Омской академии МВД России.

Ефремова Надежда Павловна — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса Омской академии МВД России.

Кальницкий Владимир Васильевич — кандидат юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса Омской академии МВД России.

Карпов Кирилл Николаевич — кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права Омской академии МВД России.

Куряхова Татьяна Владимировна — старший преподаватель кафедры уголовного процесса Омской академии МВД России.

Ларин Евгений Геннадьевич — кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры уголовного процесса Омской академии МВД России.

Миронова Галина Николаевна — адъюнкт Омской академии МВД России.

Павлов Антон Васильевич — кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры уголовного процесса Омской академии МВД России.

Седельников Павел Владимирович — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса Омской академии МВД России.

Судницын Алексей Борисович — кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного процесса Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск).

Сысенко Альфия Радиковна — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминалистики Омской академии МВД России.

Табачков Сергей Анатольевич — кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного процесса Омской академии МВД России.

Чемерилова Елена Николаевна — преподаватель кафедры уголовного процесса Омской академии МВД России.

ABSTRACTS AND KEY WORDS

NOVELTY IN LEGISLATION

Sedelnikov P. V., Kuryakhova T. V., Beskembirov R. A. **Novels in Extension of House Arrest and Term of Custody.**

The article focuses on the changes and amendments introduced into the Russian Criminal Procedural Code in February of 2018 related to detailing the grounds and procedure of extension of time for house arrest and custody. The authors note that the legislator has corrected the gaps in the legal regulation and implemented totally new legal provisions earlier unknown to the national criminal procedural legislation.

Keywords: time on house arrest; time for keeping in custody; restraining measure; prosecutor; investigator; interrogator; motion on extension; time limits.

TO ASSIST AN INVESTIGATOR

Sysenko A. R., Bogdanov R. V. **Special Tactics of Crime Scene Search in Investigation of Robbery on the Open Area.**

Investigation of robberies due to its dynamic character, lack of time and information requires an investigator's high qualification based on profound theoretical knowledge of consistencies of committing such crimes. The authors summarize modern practice of solving the problems related to the crime scene search when investigating robberies committed on the open area.

Keywords: crime scene search; investigative action; criminalistics tactics; robbery.

Mironova G. N. **Characteristic of Minor Commercial Bribery by means of Criminal Law.**

Objective and subjective elements of corpus delicti of the crime provided for by Article 204² of the Russian Criminal Code are under study. The article reveals the content of the object and subject in minor commercial bribery, establishes the moment of completion of a crime. Characteristic of minor commercial bribery given by criminal law includes examples from law enforcement practice. Interpretation of the content of the concept used by the legislator is revealed by scholars of criminal law and through higher court acts.

Keywords: minor commercial bribery; object of minor commercial bribery; objective side of minor commercial bribery; subject of minor commercial bribery; subjective side of minor commercial bribery.

Tabakov S. A. **Preliminary Check and Interrogation in case of Minor Commercial Bribery.**

The article is devoted to the questions of checking reports about crimes provided for by Article 204² of the Russian Criminal Code and special features of individual procedural activities on criminal cases related to minor commercial bribery. The focus is made on usage of the results of crime detection when forming the data which helps to decide to bring a criminal action on the case under study. The author also points out the circumstances to be established during procedural activities.

Keywords: minor commercial bribery; bringing a criminal action; criminal proceedings participant; investigator.

Chemirilova Ye. N. **Peculiarities of Recovering a Stolen Vehicle to Russia.**

The article comprises the procedure for recovering a vehicle as physical evidence on a criminal case considered by the Internal Affairs investigator. The author sets forth the main requirements to an appropriate request for legal assistance filed to foreign authorities. Its basis is the consolidation of the requirements set for the mentioned requests by the Russian General Prosecutor's Office and Investigation Department of the Russian Federation.

Keywords: request for legal assistance on criminal cases; recovery of a vehicle; foreign authorities.

SPECIALIST COMMENTS

Yefremova N. P. **Setting forth the Proofs in an Indictment.**

The article comprises some approaches to drawing up an indictment with regard to setting forth the proofs of guilt and evidence the defence relies upon. According to the author's opinion an investigator has got the right to formulate conclusions estimating the proofs in an indictment.

Keywords: indictment; proofs; prosecution; the form of an indictment.

Sedelnikov P. V. **Defence Lawyer's Participation in Investigative Actions initiated by his Motion.**

Relevant issues of the defence counsel's possible participation in investigative actions initiated by his motion are under study. According to the current legislation the author identifies five groups of circumstances to establish which the defence lawyer has got the right to file a motion for investigative activities. The article also considers the cases when similar defence lawyer's motions have no grounds.

Keywords: motion; defence lawyer; participation; investigative activities; defence evidence; defender's challenge; defence interests; defender's rights.

Larin Ye. G., Pavlov A. V. **New Regulations of Canceling a Court Order on Dismissal of a Criminal Case (Criminal Prosecution) on Rehabilitating Grounds.**

The article dwells on the order of the Russian Constitutional Court No 28-P dated November 14, 2017 which establishes a new procedure for canceling a ruling on dismissal of a criminal case (criminal prosecution) on rehabilitating grounds. The authors analyse the grounds, terms and procedure of decision-making in regard to the cancellation of the order by the prosecutor as well as by the court on the prosecutor's request.

Keywords: prosecutor; dismissal of a criminal case (criminal prosecution); rehabilitation; canceling of a court order; resumption of the proceedings.

SCIENTIFIC CONSULTATIONS

Bavsun M. V., Karpov K. N. **Classification of Crimes in regard to Accomplices' Voluntary Withdrawal.**

The analysis of judicial practice enables the authors to outline a range of relevant problems connected with classification of crimes with regard to associates' voluntary withdrawal from committing a crime or due to the changed deliberate intention to commit a crime. Considering special issues of complicity in various court decisions and from different aspects made it possible to formulate suggestions which detail existing approaches to the classification.

Keywords: complicity; voluntary refusal; instigator; excess; preparing for a crime.

Sudnitsyn A. B. **Seriousness of Charge (Suspicion) and possible long-term Imprisonment as actual data proving the Grounds for Choosing Confinement as a Restraining Measure at the Initial Stage of Investigation**

Analysis of legal norms, investigative and judicial practice (including the European Court of Human Rights) makes it possible to employ seriousness of crime the person is charged with and future long-term imprisonment as the only and sufficient actual data which gives the grounds (cl.1, Part 1 of Article 97 of the Russian Criminal Procedural Code) for choosing confinement as a restraining measure at the initial stage of investigation.

Keywords: confinement; seriousness of crime; seriousness of charge; long-term imprisonment; initial stage of investigation.

THE PROBLEM TO DISCUSS

Kuryakhova T. V. **Peculiarities of Extending Time Limit in Custody on the Criminal Case returned by the Court.**

The author examines the ruling of the Russian Constitutional Court No 23-P dated July 16, 2015 and dissenting opinion of a judge from the constitutional authority on possible keeping the accused in custody beyond the time limits set for a criminal case returned to the prosecutor under Article 237 of the Russian Criminal Procedural Code. A positive estimate is given as to the legal positions of the Russian Constitutional Court, though law enforcement practice is criticized.

Keywords: time limit for custody; the Russian Constitutional Court; legal position; returning a case to the prosecutor; gaps in legal regulation; familiarization with the case file; pre-trial proceedings.

Abramova L. L. **To the Problem of Bringing a Criminal Case related to Illegal Trafficking of Narcotic Drugs.**

The author focuses on the issues of making a final decision at the stage of bringing a criminal action when retrieving a substance not included into the list of narcotic drugs, psychotropic substances and their precursors subject to control in the Russian Federation. The article conveys a positive experience in investigation and hearing of the criminal cases of this category.

Keywords: bringing a criminal action; narcotic drugs; derivatives; analogues; new potentially dangerous psychoactive substances.

QUESTION — ANSWER

Borkov V. N., Karpov K. N. **Classification of Misappropriation of Funds for Travel Expenses.**

ASSISTANCE IN STUDYING CRIMINAL PROCEDURE

Kalnitsky V. V. **Correlation between Criminal Pre-Trial and Court Proceedings as a Learning Task.**

For methodological reasons the author attempts to help the students establish a general vision of correlation between criminal pre-trial and court proceedings as the basis for studying individual aspects of criminal procedural activity.

Keywords: pre-trial proceedings; court proceedings; students; educational research.

IN COMMEMORATION OF PROFESSOR GULYAEV A. P.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Вниманию авторов журнала «Законодательство и практика»!

Редакция журнала принимает к опубликованию:

1. Статьи по проблемам законотворчества, теории уголовного, уголовно-процессуального права, криминалистики, криминологии, оперативно-розыскной деятельности. Поскольку основная направленность журнала — прикладная, предпочтение отдается статьям, в которых рассматриваются вопросы, актуальные для правоприменительной практики.
2. Комментарии ученых к законам, ответы на вопросы правоприменителей, анализ и обобщение прокурорской, следственной и судебной практики, разъяснение позиций Конституционного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации.
3. Обзоры следственной, прокурорской и судебной практики.
4. Методические рекомендации по вопросам правоприменения, а также методике и тактике расследования преступлений.
5. Опыт расследования преступлений.
6. Материалы о юристах — профессионалах своего дела.
7. Очерки истории органов предварительного расследования, прокуратуры, судов.

Требования, предъявляемые к материалам:

1. Объем рукописи, как правило, не должен превышать 0,5 п. л., включая приложения. Ответственность за точность количественных данных, цитат, фамилий, имен собственных лежит на авторах.
2. Прилагать к рукописи:
 - список ключевых слов (не более семи речевых единиц);
 - аннотацию.Цель аннотации — кратко и емко выразить суть статьи. В аннотации допускается отражение структуры аннотируемого текстового материала. Объем аннотации — до 500 знаков (включая пробелы). Аннотация не должна:
 - быть перифразом заглавия статьи;
 - включать малоинформативные формулировки.Перевод метаданных на английский язык осуществляется силами редакционной коллегии.
3. Автор должен указать следующие анкетные данные: фамилию, имя, отчество (полностью, а не инициалы), должность, ученую степень, ученое звание, электронный адрес, телефон.
4. Рукописи представлять на бумажном и электронном носителях (в форматах DOC, RTF или ODT, кегль 14, с параметрами страницы сверху, снизу, справа, слева — 2,5 см, межстрочным интервалом — 1,5 см).
5. Использовать сквозную нумерацию сносок, располагая их в конце статьи (концевые сноски).
6. К материалам, подготовленным преподавателями, не имеющими ученой степени, адъюнктами и аспирантами, прилагать выписку из протокола заседания соответствующей кафедры образовательной организации.

Направление в редакцию работ, опубликованных или предложенных в другие издательства, не допускается.

Представляя статью для публикации, автор (авторы) тем самым выражает согласие на размещение ее и метаданных в тех информационных системах, с которыми у издателя имеются соответствующие соглашения.

Рукописи принимаются ответственным секретарем журнала Седелниковым Павлом Владимировичем (т. р. (3812) 75-11-28, 75-11-13, доб. 2-42, кафедра уголовного процесса Омской академии МВД России, т. с. 8-913-966-31-83). Почтовый адрес: 644092, г. Омск, пр-т Комарова, д. 7, Омская академия МВД России, редколлегия журнала «Законодательство и практика». E-mail: prozess_oma@mail.ru.

Редколлегия оставляет за собой право направлять рукописи на рецензирование или отклонять предлагаемые к публикации работы.

Все статьи публикуются бесплатно.

Приглашаем практических работников принять участие в дискуссии по наиболее важным проблемам применения уголовного и уголовно-процессуального законодательства.

Периодичность выхода журнала — 2 номера в год.

Уважаемые коллеги!

Полнотекстовая версия журнала находится в сети Интернет на сайте Научной электронной библиотеки: <http://elibrary.ru>.

Журнал входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).